К. Фалькенгорст

КОРСАР ПУСТЫНИ

ННП

Библіотека Романовъ
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Соч. К. Фалькенгорста

Африканскій Кожаный Чулокъ

въ трехъ томахъ

Томъ III

Корсаръ пустыни

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная 12

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Декабря 1899 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

I. Воскресшій изъ моря духовъ.

По низовьямъ рѣки Моари, вливающейся въ Конго сѣвернѣе арабскаго города Ніангве, тянулся караванъ, направляясь къ холму, поросшему пальмами и густымъ кустарникомъ и выступавшему среди желтой степи точно зеленый островъ. Въ качествѣ проводника шла впереди каравана старая негритянка, а за ней ѣхалъ верхомъ на анголезскомъ волу бѣлый человѣкъ съ длинной бѣлой бородой. Негритянкѣ было лѣтъ подъ пятьдесятъ, хотя на видъ казалось меньше; она шла бодрымъ и твердымъ шагомъ, проворно обходя препятствія, встрѣчавшіяся на узкой тропинкѣ. Кругомъ росла трава въ 4—5 метровъ вышиной, сухіе стебли которой, въ большой палецъ толщиной, загораживали проходъ; мѣстами, задѣтые рукой негритянки, они раскачивались, нанося ей довольно сильные удары, такъ-что она должна была положительно лавировать между ними.

Не легче было пробираться и всаднику. Его волъ шелъ увѣреннымъ шагомъ, но и ему случалось ломать стебли, и тогда съ вершины ихъ сыпался мельчайшій дождь ихъ сѣмянъ, усаженныхъ острыми колючками, которыя забивались подъ платье и вызывали боль и зудъ по всей кожѣ.

Вдругъ волъ замедлилъ шаги, остановился и несмотря на всѣ усилія, не могъ сдвинуться съ мѣста; нетерпѣливо поднявъ свою могучую голову, онъ сталъ хлестать себя хвостомъ и издавать громкіе звуки. Сильный ударъ кнута не измѣнилъ дѣла: животное не двигалось съ мѣста. Тогда негритянка остановилась и обернулась назадъ.

— Бѣлая Борода,—крикнула она всаднику,—тебѣ надо слѣзть: твой Малукко запутался въ травѣ. Помоги ему, а не то ему плохо придется!

Бѣлая Борода соскочилъ съ своего вола и сталъ осматривать его ноги. Негритянка была права: среди травы росла масса вьющихся растеній, которыя поднимались съ земли и обвивали высокіе стебли, переплетясь между собой и образуя на тропинкѣ родъ сѣтей, въ которыхъ волъ и запутался, какъ въ настоящихъ силкахъ. Бѣлая Борода вытащилъ ножъ и, съ помощью подошедшей негритянки, освободилъ животное, перерѣзавъ стебли вьющихся растеній.

— Скоро ужъ будетъ конецъ этой мучительной дорогѣ,— проговорила негритянка. — По ту сторону Моари саванны выжжены, и съ ближайшаго холма откроется передъ нами и рѣка.

— Я думаю—замѣтилъ Бѣлая Борода,—что лучше пустить вола самого отыскивать себѣ дорогу, а я пойду пѣшкомъ.

— Я поведу его!—предложила услужливая негритянка.

— Нѣтъ, оставь его, Тумба,—сказалъ Бѣлая Борода.—Когда я купилъ его въ Анголѣ, онъ не даромъ носилъ имя „Малукко", т. е. Бѣшенаго. Но теперь онъ сталъ кротокъ, какъ ягненокъ, и идетъ за мной по пятамъ, точно собака. Правда, онъ слушается только меня одного, другимъ-же не позволяетъ и подойти къ себѣ, не то что сѣсть на себя верхомъ!

— Да, да! — пробормотала Тумба, продолжая шагать впереди. — Всѣ охотно повинуются тебѣ! И это совершенно понятно!

— Что ты говоришь?—переспросилъ Бѣлая Борода, идя слѣдомъ за нею и дѣйствительно не обращая никакого вниманія на своего вола, въ чемъ не было, впрочемъ, и надобности, такъ-какъ тотъ шелъ совершенно спокойно: его и въ самомъ дѣлѣ можно было сравнить съ вѣрной собакой, которая не отходитъ ни на шагъ отъ своего хозяина. Но негритянка, казалось, не слышала вопроса. Она шла, впередъ глубоко задумавшись, пока не очутилась у подножія

холма. Тогда она остановилась и проговорила, указывая на него рукой:

— Тамъ, Бѣлая Борода, мы въ послѣднiй разъ раскинемъ съ тобой наши палатки. Оттуда ты увидишь Моари!

— Вы сдержали свое слово,—сказалъ Бѣлая Борода.—Вы поступили честно и хорошо, и я одарю васъ такъ, что вы останетесь довольны!

Между тѣмъ они вдвоемъ поднялись на холмъ и стали смотрѣть на разстилавшуюся у ихъ ногъ степь по тому направленiю, откуда пришли. Далеко кругомъ, на сколько только хваталъ глазъ, простиралось огромное обнаженное пространство, покрытое высокой травой.

— Наши идутъ медленно! — замѣтила Тумба, показывая на голую степь, по которой далеко растянулся длинный караванъ.

— Да, намъ придется еще добрыхъ полчаса ждать, пока они подойдутъ сюда, — сказалъ Бѣлая Борода и оглянулся на своего Малукко, который нашелъ немного сочной травы въ тѣни кустарника и съ наслажденiемъ жевалъ ее, чувствуя себя, повидимому, совершенно удовлетвореннымъ послѣ утомительной дороги. Затѣмъ Бѣлая Борода опустился на землю подъ деревомъ, а Тумба усѣлась около него на корточкахъ, желая завести разговоръ на тему, которая давно уже не давала ей покоя.

— Бѣлая Борода,—спросила она,—отчего ты такъ быстро перекочевываешь съ мѣста на мѣсто, почему не остаешься у насъ? Развѣ тебѣ не нравится наша земля?

— Въ вашемъ краю прекрасно, но я рѣшилъ выстроить себѣ домъ въ другой землѣ, далеко, далеко отъ вашей, на берегахъ Конго.

— А та земля лучше нашей?

— Она также хороша, какъ и ваша, и въ ней тоже есть и слоны, и буйволы, и лѣса, и степи. Одно въ ней есть преимущество: черезъ нее протекаетъ могучая рѣка, вливающаяся въ воды духовъ, т. е. въ море. И съ моря входятъ въ нее лодки моихъ бѣлыхъ братьевъ со всѣми товарами,

какіе мнѣ только нужны: съ пестрыми матеріями, бусами и порохомъ. Такимъ образомъ у меня никогда не будетъ недостатка въ запасахъ.

— И ты заведешь торговлю въ той странѣ?—продолжала допытываться негритянка.

Ея любопытство нисколько не поражало Бѣлой Бороды, такъ какъ онъ зналъ, что племя балубовъ, къ которому она принадлежала и которое жило по южному притоку Конго, Кассаи, отъ природы очень любопытно: между тѣмъ, какъ другія негрскія племена очень лѣнивы ко всякой умственной работѣ и никогда не спрашиваютъ ни о чемъ, у балубовъ не сходитъ съ языка это „почему" и „отчего" и они положительно испытываютъ ненасытную жажду знанія, которую и удовлетворяютъ при всякомъ удобномъ случаѣ, разспрашивая обо всемъ на свѣтѣ.

— Нѣтъ, Тумба,—спокойно отвѣтилъ Бѣлая Борода,—я не стану торговать. Я хочу только поселиться тамъ и научить негровъ тому, какъ надо работать и жить, чтобы стать такими-же богатыми, какъ мы, бѣлые. Я хочу убѣдить ихъ жить въ мирѣ другъ съ другомъ, и если они послушаются меня, то къ нимъ будутъ пріѣзжать бѣлые торговцы и за слоновую кость и каучукъ продавать имъ пестрыя ткани, оружіе и порохъ.

— Почему-бы тебѣ не дѣлать всего этого у насъ?—снова спросила негритянка.

Бѣлая Борода посмотрѣлъ на нее и затѣмъ спросилъ въ свою очередь:

— Знаешь ты сказку про птицу и про рѣку Лулуа?

— Знаю.

— Ну, такъ разкажи ее мнѣ.

— Посреди рѣки Лулуа,—начала негритянка,—лежалъ островъ, а на островѣ росла пальма. Прилетѣла птица и свила себѣ на ея верхушкѣ гнѣздо, не спросивъ на то позволенія Лулуа. Тогда Лулуа разсердилась и спросила птицу: „Кто твой господинъ?"—Птица отвѣчала: „Пальма".

— Грозно отхлынула Лулуа отъ берега, а когда наступила

ночь и птица спала въ своемъ гнѣздѣ, поднялась буря, волны стали хлестать о берегъ и вырвали съ корнемъ пальму. Такъ погибли въ одну ночь и пальма, и птица!

Негритянка замолчала, а Бѣлая Борода сказалъ съ улыбкою:

— Вѣрно, Тумба! Теперь скажи мнѣ, кто господинъ у балубовъ?

Негритянка медлила отвѣтомъ.

— Ты сама этого не знаешь,—продолжалъ Бѣлая Борода.—У васъ много вождей, которые между собой враждуютъ. Еслибы я захотѣлъ выстроить себѣ у васъ домъ, у кого я долженъ былъ-бы спрашивать позволенія? Спроси я у одного,—другой пришелъ-бы ночью и погубилъ меня и моихъ друзей.

— Ты правъ,—возразила негритянка.—Потому-то многіе изъ балубовъ и бросаютъ свою землю и ищутъ новой родины.

— Ты правъ, Бѣлая Борода, и я понимаю тебя: ты пришелъ къ намъ, чтобы увести тѣхъ изъ насъ, которые недовольны нашими порядками, на новую, лучшую родину, гдѣ ты будешь управлять нами.

Бѣлая Борода съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Кто сказалъ тебѣ это, Тумба?

— Я сама это знаю!—вскричала негритянка.—Много, много лѣтъ тому назадъ нашъ вождь Кассонго, управлявшій народомъ балуба, отправился путешествовать на западъ, чтобы доѣхать до моря духовъ и посмотрѣть на чудо, о которомъ намъ разсказывали торговцы. Въ дорогѣ онъ умеръ, и его спутники вернулись домой съ этой печальной вѣстью. Тогда многіе стали спорить изъ-за господства въ нашей странѣ и началось смутное и тяжелое время. Но были и такіе, которые надѣялись, что Кассонго выйдетъ изъ моря духовъ и придетъ къ намъ совсѣмъ неузнаваемый и обновленный, чтобы управлять нами по прежнему. Случилось разъ что Мукенге, одинъ изъ вождей, отправился также на западъ на охоту. Когда онъ подошелъ къ большой рѣкѣ,

то увидѣлъ раненаго слона, а передъ нимъ чернаго человѣка съ удивительной трубкой, которая выбрасывала огонь и желѣзо: это было огнестрѣльное оружіе, котораго мы тогда еще не знали. Мукенге видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ цѣлился въ слона, какъ изъ его трубки показался огонь, и слышалъ громъ выстрѣла, пронесшагося по лѣсу и разбудившаго въ немъ эхо; потомъ это огромное животное упало въ предсмертныхъ судорогахъ. Онъ былъ пораженъ, и его охватилъ ужасъ: ничего подобнаго онъ не видѣлъ раньше, такъ какъ наши стрѣлы не могутъ пройти черезъ толстую кожу слона. Но черный человѣкъ подошелъ къ нему, объяснилъ ему дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія и обѣщалъ дать ему такое оружіе за слоновую кость и рабовъ. Мукенге такъ и сдѣлалъ, сталъ могущественнымъ и увѣрялъ насъ, что получилъ оружіе отъ вернувшагося Кассонго. Но скоро пришли къ намъ съ запада торговцы огнестрѣльнымъ оружіемъ, и каждому захотѣлось имѣть оружіе и порохъ. Когда не хватало слоновой кости, продавали въ рабство женъ и дѣтей, а потомъ стали и похищать другъ у друга рабовъ. Много горя испыталъ нашъ край за это время, и мы страстно желали возвращенія настоящаго Кассонго, такъ какъ скоро поняли, что Мукенге насъ обманулъ, и что тотъ человѣкъ, который далъ ему первое оружіе, былъ обыкновенный торговецъ. И вдругъ ты пришелъ къ намъ. Ты самъ говоришь, что жилъ раньше по ту сторону моря духовъ. И вотъ я и мои, мы твердо вѣримъ въ то, что ты и есть самъ Кассонго. Вотъ отчего мы и пошли за тобой, и пойдемъ дальше, куда только ты ни поведешь насъ. Мы будемъ служить тебѣ и исполнять всѣ твои приказанія, такъ что ты останешься доволенъ нами!

Бѣлая Борода съ улыбкой слушалъ слова негритянки. То, что она ему говорила, было для него не новостью. Уже нѣсколько недѣль тому назадъ одинъ изъ значительныхъ людей среди балубовъ высказалъ ему приблизительно тоже и убѣждалъ его свергнуть одного изъ вождей и занять его мѣсто. Но Бѣлой Бородѣ слышалось въ его словахъ желаніе

извлечь для самого себя выгоду изъ этого предложенія, и вся исторія представлялась ему ловко задуманною интригою. Понятно, поэтому, что онъ отклонилъ тогда предложеніе этого балуба. Но теперь это было совсѣмъ другое дѣло. Въ словахъ Тумбы звучала искренняя убѣжденность и вѣра всѣхъ балубовъ въ переселеніе душъ послѣ смерти. Она и ея товарищи послѣдовали за нимъ, потому что приняли его за своего бывшаго вождя, воскресшаго изъ моря духовъ, и довѣрчиво шли за нимъ, какъ дѣти, которые знаютъ, что ихъ ведетъ твердая и любящая рука.

Негритянка замолчала; Бѣлая Борода не далъ ей никакого отвѣта.

Онъ узналъ много важнаго. Итакъ, у него явилась новая родина—море духовъ! Индѣйцы считали испанцевъ, открывшихъ Америку, за дѣтей солнца, ему-же суждено было играть въ глазахъ чернокожихъ уроженцевъ Африки роль сына моря, духа, принявшаго образъ человѣческій въ волнахъ океана. Развѣ у него дѣйствительно такой необыкновенный, такой одухотворенный видъ?

На него нахлынули воспоминанія изъ прошлыхъ лѣтъ. Прежде ему случалось цѣлыми годами подрядъ жить среди негровъ и видѣть кругомъ только черныя лица. Бывало, онъ долго-долго совсѣмъ не видалъ европейцевъ. И до сихъ поръ первая встрѣча послѣ долгаго промежутка съ бѣлыми сохранилась въ его памяти неизгладимымъ воспоминаніемъ.

Да, когда онъ взглянулъ въ бѣлое лицо европейца, имъ овладѣлъ легкій трепетъ: бѣлый цвѣтъ кожи показался ему чѣмъ-то неземнымъ. И такъ онъ на самомъ себѣ испыталъ дѣйствіе чаръ, которое производитъ на непривычнаго или отвыкшаго человѣка видъ бѣлой расы, и поэтому не могъ теперь удивляться, что ему приписывали божественное происхожденіе въ этой странѣ, гдѣ еще никогда не видали бѣлыхъ.

Но чего добиваются Тумба и ея товарищи? Онъ нанялъ балубовъ, бывшихъ теперь при немъ, только въ качествѣ носильщиковъ и проводниковъ до опредѣленнаго пункта,

именно до рѣки Моари. Но цѣль его путешествія была еще далеко не достигнута. Онъ не могъ поддерживать легковѣрныхъ балубовъ въ ихъ наивной вѣрѣ въ него, потому что отправлялся въ страны, гдѣ бѣлые не считались за существа сверхъестественныя, гдѣ ихъ скорѣе ненавидѣли и старались нанести имъ возможный вредъ, и гдѣ каравану Бѣлой Бороды предстояло много нелегкой борьбы, о которой балубы и не подозрѣвали. Бѣлый охотникъ предвидѣлъ впереди не мало тяжелыхъ столкновеній съ мѣстнымъ населеніемъ и считалъ своимъ долгомъ предупредить объ этомъ балубовъ.

— Тумба,—сказалъ онъ поэтому негритянкѣ—ты заблуждаешься: я вовсе не вашъ Кассонго. Тамъ, далеко за моремъ, всѣ мои братья выглядятъ точно также, какъ и я, и имѣютъ такую-же бѣлую кожу; и ихъ больше, чѣмъ вы можете себѣ представить. Страны тамъ многолюднѣе, чѣмъ самыя богатыя изъ вашихъ деревень. Если бы я былъ Кассонго, я бы остался среди васъ. Но, увѣряю тебя, я не вашъ бывшій вождь и не могу вамъ помочь, не могу взять васъ съ собой и доставить вамъ болѣе спокойное и счастливое существованіе. Ты думаешь, Тумба, что я всегда буду такъ мирно кочевать съ одного мѣста на другое; но ты опять ошибаешься. Скоро придется мнѣ столкнуться съ народами, съ которыми не избѣжатъ войны, а вѣдь вы жаждете мира. Очень, очень далеко, отсюда, дальше чѣмъ живутъ эти враждебныя племена, протекаетъ большая рѣка, берега которой заселены болѣе мирными народами; тамъ я и хочу поселиться.

— На такія опасности вы не разсчитывали, и было-бы поэтому лучше, если бы вы вернулись къ себѣ на родину. Я увѣренъ, что меня ждетъ долгая и тяжелая борьба, и кто знаетъ, останусь-ли я въ ней побѣдителемъ?

Негритянка отрицательно покачала головой и вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я лучше тебя знаю. Въ тебѣ живетъ духъ Кассонго, и куда-бы ты ни пошелъ, тебя вездѣ ждетъ побѣда!

— Мы повѣрили тебѣ и пойдемъ за тобой всюду. Вѣдь мы можемъ пригодиться тебѣ, зачѣмъ тебѣ нанимать новыхъ носильщиковъ, которымъ ты не можешь довѣрять, потому что не знаешь ихъ? Оставь насъ при себѣ, и ты въ этомъ не раскаешься. Моя дочь, Галула, будетъ готовить тебѣ прекрасное кушанье, а мой сынъ Дилобо — храбрый человѣкъ, я могу отвѣчать за него.

— Что касается остальныхъ, то и они тоже не обратятся въ бѣгство передъ врагомъ и съумѣютъ постоять за себя. Вѣдь насъ только двѣнадцать — мы всѣ тебѣ пригодимся!

Бѣлая Борода съ чувствомъ посмотрѣлъ на старую негритянку.

— А что думаютъ твои товарищи?—спросилъ онъ.

— Я говорила за всѣхъ насъ!—отвѣтила Тумба съ сіяющимъ лицомъ, такъ какъ была увѣрена, что Бѣлая Борода начинаетъ сдаваться.

Дѣйствительно, въ немъ происходила внутренняя борьба. Его караванъ состоялъ изъ негровъ съ западнаго берега; это были люди, на которыхъ нельзя было положиться и которые оставляли желать многаго. Племя балубовъ было гораздо дѣльнѣе и могло-бы образовать лучшее ядро его приближенныхъ.

Счастье, такимъ образомъ, само шло ему въ руки. Неужели онъ оттолкнетъ его?

И какъ разъ теперь, когда онъ былъ въ совсѣмъ чужой для него странѣ и каждую минуту могъ ожидать непріятныхъ столкновеній со стороны мѣстнаго населенія, не отличавшагося миролюбивымъ характеромъ! Было-бы безуміемъ оттолкнуть отъ себя истинныхъ друзей, какъ разъ тогда, когда ему предстояло встрѣтиться съ врагами. Притомъ вѣдь они сами просили у него, какъ особой милости, чтобы онъ оставилъ ихъ и позволилъ имъ служить ему.

— Тумба, — проговорилъ онъ спустя нѣкоторое время,—вы можете идти со мной дальше, но можете и вернуться назадъ, какъ только увидите, что были обмануты!

Негритянка радостно вскочила и бросилась на встрѣчу

каравану, который показался въ это время у подножія холма: она хотѣла скорѣе сообщить своимъ сародичамъ радостную вѣсть.

Скоро черпокожіе густымъ кольцомъ окружили старую негритянку; раздались громкіе крики радости, а затѣмъ одинъ молодой негръ отдѣлился отъ толпы и побѣжалъ къ Бѣлой Бородѣ.

— Господинъ,—вскричалъ онъ съ глазами сіяющими радостью,—правда-ли, что балубы идутъ съ нами?

— Да, Томъ,—возразилъ Бѣлая Борода,—они сами этого хотѣли, и я позволилъ имъ.

— Это хорошо, господинъ, очень хорошо!—вскричалъ Томъ и убѣжалъ, чтобы присоединиться къ балубамъ, которые все еще не могли успокоиться и оживленно бесѣдовали другъ съ другомъ.

Бѣлая Борода посмотрѣлъ вслѣдъ убѣжавшему негру, улыбнулся и покачалъ головой.

— Моего Тома точно подмѣнили,—пробормоталъ онъ.— Сначала онъ ходилъ такой печальный и все стремился изъ этой глуши назадъ, въ Занзибаръ, а теперь... Да, да,—продолжалъ онъ улыбаясь,—съ тѣхъ поръ, какъ съ нами идетъ Галула, настроеніе юноши совсѣмъ измѣнилось. И то сказать, ему ужъ двадцать четыре года, а ей семнадцать: парочка какъ разъ подходящая даже для Европы.

Черезъ два часа наступила уже ночь, но караванъ расположился на ночлегъ еще до заката солнца. Палатокъ въ немъ не было видно: негры устроили хижины изъ вѣтвей, для чего воткнуты были въ землю длинные колья, образовавъ форму сахарной головы, и покрыты вѣтвями, пальмовыми листьями и травой. Въ такихъ зеленыхъ хижинахъ славно живется, потому что днемъ въ нихъ прохладно, а ночью онѣ хорошо держатъ тепло. Такимъ образомъ, онѣ удобнѣе для жаркаго климата, чѣмъ палатки изъ полотна, которыя не представляютъ достаточной защиты при разныхъ перемѣнахъ погоды.

Передъ хижинами разведены были костры, около которыхъ двигались темныя фигуры, приготовляя ужинъ; главную роль въ немъ игралъ „маніокъ", приготовленный изъ питательныхъ кореньевъ, которые можно достать повсюду въ саваннахъ. Мяса за ужиномъ не было, такъ какъ въ степяхъ не на кого было охотиться. Но негры позаботились о томъ, чтобы вознаградить себя за недостатокъ дичи: одинъ поймалъ ящерицу, другой набралъ гусеницъ, передъ третьимъ лежала цѣлая коллекція пауковъ — все это было не только съѣдобно, но и очень вкусно, по понятіямъ чернокожихъ, и только Бѣлая Борода и нѣсколько цивилизованный Томъ не захотѣли отвѣдать этихъ лакомствъ, которыми остальные наслаждались совершенно искренно.

Тома не было около костровъ. Онъ стоялъ въ тѣни одной изъ хижинъ вмѣстѣ со старой Тумбой и, казалось, горячо торговался съ ней, часто показывая на молодую Галулу, которая усердно стряпала что-то около огня и, повидимому, совершенно углубилась въ свое занятіе, не обращая ни на кого вниманія; но внимательный наблюдатель замѣтилъ бы, что отъ времени до времени она украдкой посматривала на мать, видимо, сильно интересуясь разговоромъ ея съ негромъ. Цвѣтъ кожи ея былъ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у Тумбы, а правильный носъ съ горбинкой, что встрѣчается среди негровъ очень рѣдко, придавалъ лицу молодой дѣвушки совсѣмъ не негритянское, своеобразное выраженіе. Бѣлая Борода называлъ ее про себя черной граціей за ту естественную граціозность, которой отличалось каждое движеніе молодой дѣвушки.

Эта черная грація и представляла теперь предметъ торга между Томомъ и Тумбой, и оба были такъ поглощены этимъ животрепещущимъ и важнымъ вопросомъ, что не замѣтили, какъ Бѣлая Борода подошелъ къ нимъ настолько близко что могъ слышать каждое слово.

— Нѣтъ, — говорила старая негритянка — за жену у балубовъ платятъ оружіемъ, а такъ какъ мнѣ оружіе не нужно, то ты долженъ дать мнѣ пять аршинъ матеріи и пестрый

платокъ. Таковъ обычай у балубовъ, и я не отступлю отъ него.

— У меня только четыре аршина! Тумба,—отвѣчалъ съ отчаянiемъ Томъ, имѣвшiй самый жалкiй видъ.

— Тогда приходи въ другой разъ, когда заработаешъ пятый аршинъ! — безжалостно возразила негритянка, твердо стоявшая на своемъ материнскомъ правѣ.

— Но, Тумба,—вскричалъ Томъ — вѣдь Галула хочетъ быть моей женой!

— Она мнѣ дочь,—рѣшительно заявила старуха,—и кто хочетъ взять ее себѣ въ жены, тотъ долженъ исполнить то, чего требуетъ обычай балубовъ. Это послѣднее мое слово, Томъ: пять аршинъ, а также не забудь и про пестрый платокъ!

— Томъ! — раздался вдругъ голосъ Бѣлой Бороды.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ отъ неожиданности и подошелъ къ своему хозяину, между тѣмъ какъ старуха быстро исчезла.

— Пойдемъ со мной, мнѣ надо поговорить съ тобой!— продолжалъ Бѣлая Борода, удаляясь отъ жилья.

— Что значилъ этотъ торгъ между тобой и Тумбой?

Томъ былъ застигнутъ врасплохъ и, хотя и не могъ покраснѣть отъ смущенiя, но цвѣтъ его кожи сталъ на нѣсколько тоновъ темнѣе; онъ молчалъ.

— Томъ!—мягко сказалъ Бѣлая Борода.—Ты христiанинъ. Развѣ ты такъ скоро забылъ то, чему тебя учили? Неужели ты хочешь покупать себѣ жену, какъ какой-нибудь язычникъ?

— Поговорите вы съ ней, господинъ!—вскричалъ Томъ, ободренный его ласковымъ тономъ.—Поговорите съ ней. Эта женщина твердо стоитъ за права балубовъ и слышать не хочетъ ни о какихъ уступкахъ. Дѣвушка-же думаетъ иначе и хочетъ послѣ поѣхать со мной въ миссiю. Но раньше долженъ-же я ее купить, потому что иначе кто-нибудь другой дастъ Тумбѣ пять аршинъ матерiи и цвѣтной платокъ и по праву балубовъ отниметъ у меня дѣвушку!

— Ты не станешь ее покупать!—возразилъ твердо Бѣлая Борода — Представь Тумбѣ всѣ доводы, которымъ тебя учили когда-то въ миссіонерской школѣ. Вѣдь ты же хорошо умѣешь читать и писать, ты образованный молодой человѣкъ, Томъ, и съумѣешь убѣдить негритянку, тѣмъ болѣе, что она мать любимой тобою дѣвушки.

— Да, Галула думаетъ также, какъ и мы,—сказалъ Томъ.— Но старая Тумба ужъ черезчуръ стара и не хочетъ учиться ничему новому!

— Ну, чтожъ, сдѣлай еще пробу; если же тебѣ все таки не удастся убѣдить ее, то пошли ее ко мнѣ, и я поговорю съ ней по душѣ.

Бѣлая Борода замолкъ, потому что мимо нихъ быстро промелькнула какая-то черная фигура и скрылась въ темнотѣ: то была Галула, которая бѣжала отъ общества людей, чтобы излить наединѣ свое первое горе. Около костра осталась одна только Тумба.

Бѣлая Борода едва замѣтно улыбнулся. Положеніе дѣла было не изъ очень опасныхъ и съ помощью какого нибудь одного аршина матеріи и пестраго цвѣтного платка можно было въ одну минуту исправить его. Онъ могъ-бы сейчасъ же положить конецъ печальнымъ недоразумѣніямъ, возникшимъ между суевѣрной негритянкой и Томомъ, но не сдѣлалъ этого: онъ предвидѣлъ съ особенной радостью, что Тому удастся ввести среди балубовъ новыя понятія—о женитьбѣ и сдѣлать ихъ когда-нибудь христіанами. Сама судьба предназначила Тома для того, чтобы пробить первую брешь въ суевѣріяхъ старой Тумбы, которыхъ она такъ твердо держалась. Бѣлая Борода зналъ хорошо своего Тома, зналъ его энергію и силу убѣжденія: онъ всегда доводилъ до конца разъ намѣченное имъ дѣло. Кромѣ того, онъ гораздо лучше, чѣмъ Бѣлая Борода, умѣлъ объясняться съ неграми, и тѣ скорѣе и легче понимали его: онъ самъ былъ негръ и потому умѣлъ находить такія слова, которыя шли прямо въ душу чернокожимъ и могли разстроить ихъ сердце. Вѣдь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и сердца чернокожихъ

способны испытывать точно такую же ненависть и любовь, радость и горе, какъ и мы. Но пока суровая судьба послала имъ въ этой обширной части свѣта очень печальный жребій, въ которомъ было гораздо больше страданій и горя, чѣмъ радости. Правда, уже нѣсколько лѣтъ, какъ просвѣщеніе проникло и въ эту темную страну, озаривъ ее своимъ свѣтомъ, но по пятамъ великихъ путешественниковъ и ученыхъ пробрались также и жестокіе торговцы невольниками, поколебавшіе нравственность негровъ и сдѣлавшіе то, что цивилизація въ той формѣ, въ которой была занесена къ нимъ, не только не принесла имъ никакого счастья, но послужила источникомъ страданій. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ этой части Африки требовало еще большихъ перемѣнъ. Въ Европѣ стали раздаваться уже голоса противъ безчеловѣчныхъ притѣснителей черной расы, и Бѣлая Борода, уже раньше рисковавшій своею жизнью при открытіи новыхъ странъ въ этой части свѣта, перебрался теперь въ самое ея сердце, чтобы—насколько позволятъ ему силы—мѣшать вторженію съ востока на берега Конго безчеловѣчныхъ торговцевъ невольниками. Правда, онъ не велъ съ собой войска: онъ разсчитывалъ на отряды, которые выставятъ мѣстные жители, когда узнаютъ отъ него о приближавшейся къ нимъ опасности со стороны арабовъ. Всего только шестьдесятъ арабовъ наводили паническій ужасъ на всю восточную Африку отъ Занзибара вплоть до Конго! Понятно, что даже одинъ европеецъ, еслибы онъ сталъ мужественно и упорно сопротивляться имъ, могъ-бы многое сдѣлать. Въ это Бѣлая Борода твердо вѣрилъ и потому-то и вернулся снова въ эту часть Африки—на этотъ разъ съ радостной увѣренностью въ душѣ, что его благому примѣру послѣдуютъ вскорѣ и другіе. Онъ былъ не просто искателемъ приключеній, а являлся въ роли борца за человѣческія права, поставившаго себѣ главной цѣлью жизни то, чтобы рабство, этотъ ужасный позоръ, отъ котораго не свободно еще и наше столѣтіе, было наконецъ уничтожено. Для достиженія этой цѣли ему нужна была помощь и содѣйствіе

самихъ негровъ, почему онъ и искалъ среди нихъ вѣрныхъ и хорошихъ людей, на которыхъ можно было-бы совершенно положиться. Это было, конечно, не легко, но Томъ и кучка балубовъ принадлежали къ лучшимъ изъ его помощниковъ, и вотъ почему онъ такъ радовался тому, что Томъ, изъ за любви къ Галулѣ, долженъ былъ сдѣлаться учителемъ племени балуба.

Бѣлая Борода глядѣлъ съ вершины высокаго холма въ темную даль. На западѣ виднѣлось зарево пожара, и вся степь въ той сторонѣ охвачена была пламенемъ. Въ огненномъ морѣ выдѣлялись темными островками только маленькія рощицы. Онъ думалъ о томъ, что завтра на этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь стоялъ, будетъ голая и мертвая черная степь, но первый-же дождь снова пробудитъ въ ней жизнь, и она весело зазеленѣетъ, зацвѣтетъ и будетъ приносить плоды. Вотъ на такую то выжженную и обнаженную степь походили, по его мнѣнію, и чернокожіе уроженцы Африки, въ которыхъ также дремалъ еще пока зародышъ всякихъ хорошихъ качествъ; надо было только съумѣть пробудить его къ жизни, и тогда бы онъ развернулся, пышно зацвѣлъ и принесъ золотые плоды всякихъ добродѣтелей и труда на пользу всей странѣ и самимъ неграмъ, ведущимъ до сихъ поръ такое жалкое существованіе.

II. Во власти леопардовъ.

Караванъ проходилъ черезъ пустынное, голое мѣсто. Трава здѣсь была вся выжжена и черные обуглившіеся стебли ея торчали изъ земли, готовые сломаться отъ малѣйшаго прикосновенія къ нимъ. Восточный вѣтеръ усилился и по временамъ порывисто налеталъ и крутилъ вихромъ пепелъ, который окутывалъ караванъ цѣлымъ облакомъ.

Бѣлая Борода ѣхалъ, какъ и раньше, во главѣ своего каравана. Вдали виднѣлись дремучіе, темные лѣса, указывая то направленіе, по которому протекала рѣка Моари. Тамъ

бѣлый надѣялся найти деревни, а въ нихъ съѣстные припасы, въ которыхъ онъ и его спутники давно уже нуждались: въ голой степи не видно было никакихъ признаковъ животныхъ. Вдругъ позади его раздались громкіе крики удивленія. Онъ обернулся и глазамъ его представилось странное и мрачное зрѣлище.

Слѣва отъ каравана поднимались высокіе воронкообразные столбы; вытягиваясь все болѣе и болѣе вверхъ, утончаясь и выростая на глазахъ у удивленныхъ зрителей, они бѣжали, точно привидѣнія исполинской величины, по черной землѣ, кружась въ какомъ-то дикомъ танцѣ и быстро уносясь вдаль. Всѣ остановились и смотрѣли на эти странные столбы изъ золы, которые поднялъ здѣсь вихрь, подобно тому, какъ въ пустынѣ поднимаются исполинскіе песчаные столбы. Черныя колонны, казалось, хотѣли окружить караванъ широкимъ кольцомъ; онѣ то низко-низко нагибались къ самой землѣ, чтобы затѣмъ съ новой силой выпрямиться и помчаться дальше, то расширялись въ большія воронки, а спустя нѣсколько мгновеній снова вытягивались къ самому небу. Нѣсколько минутъ длился этотъ дикій таинственный танецъ, особенно непріятно выглядѣвшій среди безоблачнаго голубаго неба и яркаго солнечнаго свѣта. Затѣмъ вѣтеръ вдругъ сразу стихъ, и черные великаны безпомощаго опустились на землю, исчезнувъ безъ слѣдовъ, какъ мрачныя тѣни.

Точно прикованный стоялъ Бѣлая Борода на мѣстѣ и смотрѣлъ, не отрываясь, по тому направленію, гдѣ отъ грандіозныхъ фантастическихъ столбовъ остались только прозаическія кучки золы. И вдругъ ему показалось, что позади нагроможденныхъ вѣтромъ холмовъ виднѣются неясныя человѣческія фигуры. Сначала онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Быть можетъ, это былъ только миражъ?

Онъ снова поглядѣлъ въ ту сторону и увидѣлъ, что не ошибся. Вдали виднѣлось трое людей, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды, которыя рѣзко отдѣлялись отъ черной поверхности саваннъ.

Бѣлыя одежды! Мѣстные торговцы не носили такихъ

платьевъ. Правда, Бѣлая Борода видалъ бѣлые костюмы и раньше, но это было въ восточной Африкѣ, гдѣ такъ одѣвались негры, находившіеся на службѣ у арабовъ; встрѣчались бѣлыя одежды также и въ отрядахъ европейцевъ. Кто ѣхалъ къ нему на встрѣчу? Былъ-ли это какой-нибудь путешественникъ-европеецъ? Неужели черезъ нѣсколько часовъ онъ, наконецъ, снова услышитъ, послѣ такого продолжительнаго времени, родную рѣчь и узнаетъ, что произошло за это долгое время по ту сторону океана, на далекомъ родномъ сѣверѣ, какія измѣненія наложило на него неумолимое время? Сердце его сильнѣе забилось въ груди. Даже въ томъ случаѣ, еслибы этотъ путешественникъ былъ другой націи, онъ заранѣе радовался этой встрѣчѣ, которая была какъ бы ласковымъ привѣтомъ, посланнымъ ему цивилизованнымъ міромъ въ эту дикую, темную страну. Онъ уже надѣялся на то, что сегодняшній день обратится для него въ настоящій праздникъ въ полномъ смыслѣ этого слова,— въ праздникъ, о которомъ онъ будетъ потомъ долго вспоминать. Конечно, онъ могъ легко и обмануться въ своей надеждѣ. Эти трое неизвѣстныхъ людей, приближавшихся къ каравану, могли оказаться также и арабскими слугами. И это было даже вѣроятнѣе, потому что разстояніе до Ніангве было вовсе не велико, а арабы часто предпринимали въ послѣднее время походы на западъ главнымъ образомъ съ цѣлью грабежа.

Когда Стэнли прибылъ въ 1876 году въ Ніангве, чтобы отсюда отправиться вдоль рѣки Луалаба, устье которой было въ то время неизвѣстно, арабскіе торговцы невольниками боялись еще углубляться въ дѣвственные лѣса, покрывавшіе берега этой величавой рѣки. Стэнли первый смѣло отважился на это, а храбрый арабъ Типпу-Тибъ сопровождалъ его втеченіе многихъ дней и затѣмъ вернулся назадъ въ Ніангве. Стэнли удалось отыскать устье Конго и, когда онъ вернулся въ Европу, рѣшено было воспользоваться этимъ великимъ открытіемъ нашего столѣтія и основать по Конго нѣсколько станцій, которыя должны были служить посред-

*

ницами въ сношеніяхъ мѣстныхъ негровъ съ цивилизованнымъ міромъ. За исполненіе этого рѣшенія принялись очень энергично. Съ запада стали приходить пароходы, нагруженные всевозможными товарами, на берегахъ выстроились станціи, на которыхъ развѣвались флаги будущаго государства Конго—голубые съ золотой звѣздой. Не останавливались ни передъ какими жертвами, чтобы пріобщить эту часть Африки къ культурѣ и научить негровъ работать. Но арабы на востокѣ тоже не оставались праздными. Послѣ того, какъ смѣлый Типпу-Тибъ разстался со Стэнли и вернулся въ Ніангве, была сейчасъ-же снаряжена большая экспедиція изъ тысячи человѣкъ во вновь открытыя европейцемъ земли. Но такъ какъ арабы занимались почти исключительно торговлей невольниками, то эта экспедиція походила на нашествіе хищныхъ звѣрей. Въ темныя ночи совершались нападенія на туземныя деревни, причемъ всѣ, кто только выказывалъ сопротивленіе, погибали, а остальные уводились въ неволю. Такъ опустошали жестокіе арабы цѣлыя области и съ каждымъ годомъ проникали все дальше и дальше, оставляя послѣ себя страшныя картины разрушенія.

Бѣлая Борода зналъ, что приближается теперь къ Ніангве, и потому долженъ скоро наткнуться на торговцевъ невольниками. Быть можетъ, эти трое людей и были солдатами арабскаго отряда? Бѣлая Борода тотчасъ-же велѣлъ своимъ людямъ остановиться, потому что ему хотѣлось поскорѣе узнать, съ кѣмъ придется имѣть дѣло. Встрѣчные между тѣмъ все болѣе и болѣе приближались. Они были вооружены кинжалами. Теперь можно уже было ясно различить ихъ лица съ отталкивающимъ и грубымъ выраженіемъ. Съ видомъ повелителей, которымъ все въ странѣ должно повиноваться по первому ихъ знаку, приблизились они къ каравану Бѣлой Бороды и грубо стали разспрашивать людей, чьи они, откуда идутъ и куда держатъ путь. Тѣ указали имъ на Бѣлую Бороду. Видъ бѣлаго человѣка вызвалъ у нихъ сильное впечатлѣніе: этого они никакъ не ожидали. Бѣлая Борода и Томъ сейчасъ-же узнали въ нихъ негровъ

изъ Занзибара и Томъ двинулся къ нимъ на встрѣчу, чтобы поскорѣе узнать съ своей стороны, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и представить ихъ затѣмъ Бѣлой Бородѣ.

— Томъ!

— Абедъ!

Оба восклицанія раздались почти одновременно съ той и другой стороны. Съ удивленіемъ—нельзя сказать, чтобы радостнымъ—разсматривалъ Томъ одного изъ знакомыхъ занзибарскихъ негровъ, который съ своей стороны не сводилъ съ него глазъ. Да, это былъ Абедъ, старый знакомый, бывшій товарищъ Тома. Оба они учились когда-то вмѣстѣ въ миссіонерской школѣ. Но Томъ былъ въ высшей степени старательнымъ и усерднымъ ученикомъ, а его товарищъ Джекъ страшнымъ лѣнтяемъ и бездѣльникомъ; онъ кончилъ тѣмъ, что убѣжалъ изъ школы, поступилъ на службу къ арабамъ, затѣмъ перешелъ въ магометанство и назвался Абедомъ. Изъ Занзибара онъ ушелъ вскорѣ дальше на востокъ, и вотъ теперь судьба неожиданно свела этихъ бывшихъ питомцевъ миссіонерской школы.

Абедъ первый оправился отъ удивленія, вызваннаго встрѣчей, и обратился къ Тому:

— Аллахъ великъ, Томъ! Вотъ мы неожиданно встрѣтились съ тобой снова. Аллахъ великъ и благословилъ мой путь. Но что ты дѣлаешь въ этой странѣ? Ты отправляешься съ однимъ изъ бѣлыхъ людей, чтобы изслѣдовать далекія рѣки и озера? Ну, чтожъ, можно кое-чему научиться въ такомъ путешествіи! Прежде наши арабы были проводниками европейцевъ въ этихъ дикихъ мѣстахъ, заселенныхъ неграми. Теперь-же мы идемъ по ихъ слѣдамъ и—надо отдать имъ справедливость—у нихъ отличное тонкое чутье: они умѣютъ отыскивать благословенныя земли за непроходимыми лѣсами.

— Кто твой господинъ, Абедъ?—спросилъ Томъ, прерывая наконецъ потокъ словъ негра.

— Мой господинъ?—повторилъ тотъ.

— Скажи лучше, кто мой другъ, съ которымъ я вмѣстѣ странствую. Его зовутъ Сагорро!

— Арабъ изъ Занзибара?

— Онъ самый. А твой господинъ? Какъ его зовутъ?

— Нашъ господинъ—Бѣлая Борода!—съ гордостью отвѣтилъ Томъ, думая, что это имя произведетъ сильное впечатлѣніе на его бывшаго товарища.—Ты навѣрное слышалъ объ немъ въ Занзибарѣ!

Абедъ подумалъ нѣсколько секундъ, а затѣмъ сказалъ съ особенной улыбкой:

— А, да, его мы всѣ знаемъ. А куда вы направляетесь?

— Спроси его самого объ этомъ, если желаешь!—проговорилъ уклончиво Томъ.—Скажи мнѣ лучше, гдѣ находится теперь вашъ караванъ?

— Черезъ нѣсколько часовъ онъ будетъ здѣсь. Мы идемъ въ Ніангве.

Томъ удалился, чтобы сообщить Бѣлой Бородѣ то, что онъ узналъ отъ Абеда. Тотъ нахмурился, когда услышалъ имя Сагорро.

— Скажи Абеду,—приказалъ онъ Тому,—что намъ некогда здѣсь дожидаться, и вели ему передать отъ меня привѣтъ Сагорро.

Томъ исполнилъ данное ему порученіе.

— До скораго свиданія!—крикнулъ ему Абедъ на прощанье.—Мы живо догонимъ васъ. У васъ отличные люди,—прибавилъ онъ, указывая на балубовъ.—Откуда это племя?

— Его родина—въ Лубуку, въ землѣ мира и дружбы!—коротко и неопредѣленно отвѣтилъ Томъ, давая знакъ каравану двигаться дальше.

— А гдѣ лежитъ эта Лубуку, другъ Томъ?—крикнулъ Абедъ ему вслѣдъ.

Тотъ обернулся и закричалъ въ отвѣтъ, неопредѣленно указывая рукою вдаль:

— Далеко на западѣ, Абедъ!

Затѣмъ онъ удалился, оставивъ людей Сагорро стоять на мѣстѣ въ нѣкоторомъ разочарованіи.

— Какъ гордо себя держитъ, подумаешь, и какъ односложно отвѣчаетъ!—пробормоталъ Абедъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Тому.—Но я когда-нибудь подрѣжу ему крылья. Типпу-Тибъ нашелъ свое счастье благодаря европейцу Стэнли, а я и Сагорро сдѣлаемъ тоже при помощи Бѣлой Бороды. Мы будемъ идти по его пятамъ, не упуская его изъ виду. Дѣло слажено!

Затѣмъ онъ опустился на землю и сталъ ожидать среди пустынной и голой степи араба Сагорро и его отряда.

Послѣ полудня Бѣлая Борода добрался уже до дремучихъ лѣсовъ, растущихъ по рѣкѣ Моари. Тропинка, по которой онъ ѣхалъ, вела въ небольшую деревню вакусовъ, и Томъ былъ отправленъ туда раньше, чтобы предупредить о караванѣ, увѣрить вождя въ мирныхъ намѣреніяхъ Бѣлой Бороды и позаботиться о провіантѣ. Но скоро Томъ вернулся назадъ съ извѣстіемъ, что мѣстное населсніе, повидимому, рѣшило не пропускать черезъ свою землю пришедшихъ.—Къ намъ на встрѣчу,—разсказывалъ Томъ,—вышли одни только вооруженные копьями мужчины, женщины-же и дѣти не показывались изъ слоихъ хижинъ. — Назадъ, назадъ!—закричали они.—Мы не желаемъ съ вами знаться! И берегитесь! Наши ножи остры, а стрѣлы мѣтко попадаютъ въ цѣль. У насъ нѣтъ рабовъ и намъ не нужны ваши товары!—Никакія увѣщанія не помогли: негры шумѣли и кричали такъ громко, что меня не было слышно; такъ я и долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ.

Бѣлая Борода горько усмѣхнулся.

— Они принимаютъ насъ за арабовъ, — сказалъ онъ Тому.—Но назадъ мы уже не можемъ идти. Намъ придется расположиться на ночлегъ недалеко отъ нихъ и показать имъ, что мы дѣйствительно мирные люди, и что они совершенно напрасно относятся къ намъ такъ враждебно и недовѣрчиво.

Онъ разставилъ своихъ людей въ строгомъ порядкѣ и близко другъ къ другу, чтобы они представляли тѣсно сомкнутые ряды, указалъ мѣста тѣмъ немногимъ неграмъ, у которыхъ были ружья, и всталъ самъ во главѣ каравана, между тѣмъ какъ Тому велѣлъ замыкать шествіе. Когда онъ вышелъ изъ дремучаго первобытнаго лѣса и, среди обработанныхъ полей, сталъ приближаться къ деревнѣ, жители ея съ угрозами заступили ему дорогу, но эти угрозы сейчасъ-же затихли, какъ только они увидѣли передъ собой бѣлаго человѣка и вола, на которомъ онъ ѣхалъ. Они сочли вола за дикаго буйвола и поэтому почувствовали сильный страхъ передъ этимъ смѣлымъ всадникомъ, съумѣвшимъ обуздать даже такое страшное животное, какъ буйволъ.

— Гдѣ вашъ вождь?—спросилъ Бѣлая Борода у переднихъ воиновъ, которые стали понемногу отступать назадъ.— Я хочу поговорить съ нимъ и увѣрить его въ моей дружбѣ и въ томъ, что никому изъ васъ не угрожаетъ никакой опасности отъ того, что я и мои спутники проѣдемъ черезъ вашу землю.

Тогда впередъ выступилъ мощный негръ и объявилъ, что онъ разрѣшаетъ бѣлому всаднику проѣхать черезъ его землю, но предупреждаетъ его, чтобы онъ не ночевалъ въ деревнѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ не ручается за его безопасность.

— Наши люди, — сказалъ онъ, — раздражены противъ чужестранцевъ, такъ какъ караваны, шедшіе изъ Ніангве, совершали въ сосѣдствѣ всякіе ужасы, поджигали деревни, убивали многихъ негровъ, а женщинъ уводили въ плѣнъ. Поэтому то мы и рѣшили убивать чужестранцевъ, которые проходятъ черезъ нашу землю.

— Ты упомянулъ про дружбу; если ты не нарушишь ее, то съ тобой ничего дурного не случится, но только раскинь свои зеленыя хижины подальше отъ нашей деревни. И если ты заплатишь намъ, то мы дадимъ тебѣ и съѣстныхъ припасовъ.

Небольшой пригорокъ возвышался не вдалекѣ отъ де-

ревни вакуссовъ. Бѣлая Борода указалъ на него рукой и сказалъ:

— Вотъ тамъ мы расположимся на ночлегъ и, если только ты не нарушишь мира, тебѣ не придется раскаяваться въ нашей дружбѣ. Приходи ко мнѣ завтра утромъ за подарками, которые у меня приготовлены уже для тебя.

Два часа спустя голубой флагъ съ золотой звѣздою развѣвался уже надъ зелеными хижинами, а балуба и другіе негры усердно работали надъ сооруженіемъ изъ терновника стѣнъ импровизированной крѣпости. Эта предосторожность была нелишней, такъ какъ мѣстные жители собрались въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ холма и не складывали оружія. Напрасно ждали пришедшіе, чтобы женщины сами, по собственному побужденію, принесли имъ съѣстныхъ припасовъ и предложили-бы ихъ купить. Тогда Бѣлая Борода послалъ Тома и трехъ негровъ изъ балубскаго племени въ деревню, чтобы они сдѣлали у вакуссовъ необходимыя закупки. Солнце склонилось уже къ западу, когда Томъ, послѣ долгихъ переговоровъ, вошелъ наконецъ въ деревню и, окруженный чернокожими, исчезъ среди ихъ круглыхъ хижинъ.

Прошелъ еще часъ. Сумерки подъ тропиками продолжаются, какъ извѣстно, очень недолго, и ночь скоро опустила на землю свой темный, непроницаемый покровъ, полный таинственности. Дремучій лѣсъ стоялъ кругомъ, точно черная стѣна, и только по ту сторону деревни мерцалъ бѣлой лентой Моари, надъ которымъ поднимался легкій бѣлый туманъ. Въ самой деревнѣ кое гдѣ горѣлъ еще огонь, а затѣмъ зажглись огоньки и передъ деревней, почти въ открытомъ полѣ, точно негры разставили на ночь цѣлую цѣпь часовыхъ. На вершинѣ холма сидѣлъ передъ своей хижиной Бѣлая Борода и ѣлъ свой ужинъ, приготовленный Галулой. По временамъ онъ выглядывалъ на деревню и, казалось, былъ озабоченъ тѣмъ, что такъ долго не видно Тома. Правда, онъ былъ хорошо знакомъ съ африканскими нравами и зналъ, что въ этой части свѣта надо прежде всего имѣть очень много терпѣнія. Самый простой торгъ затяги-

вается здѣсь обыкновенно до безконечности, а къ тому же и самъ Томъ былъ негромъ, такъ-что ничего не имѣлъ противъ того, чтобы основательно поторговаться. Но огни передъ деревней внушали ему серьезныя опасенія: это было уже необычнымъ явленіемъ, и такъ какъ племени вакусовъ, среди другихъ варварскихъ обычаевъ, приписывали также и людоѣдство, то онъ началъ уже серьезно опасаться за судьбу своего вѣрнаго слуги.

Но онъ былъ внезапно и рѣзко выведенъ изъ своей глубокой задумчивости: кто-то сильно толкнулъ его въ спину. Обернувшись, онъ встрѣтился взглядомъ съ парой блестящихъ глазъ, выглядывавшихъ изъ подъ роговъ, освѣщенныхъ неровно вспыхивавшимъ огнемъ костра. Въ тоже время совсѣмъ около послышалось громкое сопѣніе и глухой звукъ отъ ударовъ хвоста по тѣлу.

— Такъ, такъ, мой другъ,—вскричалъ Бѣлая Борода.— Ты напоминаешь мнѣ о забытыхъ мною обязанностяхъ. Ты совершенно правъ!

Это былъ Малукко, его волъ. Какъ только Бѣлая Борода началъ ужинать, волъ, выискавшій себѣ передъ тѣмъ покойное мѣстечко около хижины, поднялся на ноги и подошелъ сзади къ своему хозяину, чтобы получить отъ него свое всегдашнее лакомство — горсть соли, до которой онъ былъ большой охотникъ. Но хозяинъ былъ сегодня очень разсѣянъ и забывчивъ, такъ что Малукко долженъ былъ самъ напомнить ему объ его обязанностяхъ такъ мягко и кротко, какъ только можетъ это сдѣлать такое животное, какъ онъ.

Бѣлая Борода протянулъ ему полную пригоршню соли, и волъ слизалъ ее съ видимымъ наслажденіемъ. Потомъ Бѣлая Борода похлопалъ его по шеѣ и ласково поглядѣлъ на него. Между нимъ и Малукко установились такія-же отношенія, какія бываютъ между бедуинами и арабской лошадью. Бѣлая Борода и Малукко отлично понимали другъ друга. Волъ позволялъ себя сѣдлать только своему хозяину, и только тотъ одинъ могъ ѣздить на немъ. Когда Томъ по-

пробовалъ какъ-то сѣсть на Малукко, волъ безжалостно сбросилъ его съ сѣдла; остальные-же негры и не дѣлали такихъ попытокъ, почтительно оставляя Малукко въ покоѣ. По отношенію къ нимъ дѣйствительно онъ могъ назваться бѣшенымъ: кротость и послушаніе выказывалъ онъ только передъ Бѣлой Бородой.

— Ну, теперь ступай прочь, Малукко, и ложись!—приказалъ Бѣлая Борода. — Завтра тебѣ предстоитъ не мало потрудиться: вѣдь мы будемъ переѣзжать вплавь черезъ Моари. Ну, ложись!

Точно понявъ слова своего хозяина, Малукко медленно отошелъ отъ него и улегся около зеленой хижины; но черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову и насторожился. Бѣлая Борода тоже сталъ внимательно прислушиваться.—Вдали, въ лѣсахъ на сѣверѣ, раздавались глухіе звуки: это былъ барабанъ. Въ томъ направленіи тоже была деревня и жители ея, быть можетъ веселились теперь. Вскорѣ послышались такіе же звуки и съ юга, а затѣмъ и изъ деревни вакуссовъ. Не были-ли это сигналы, которыми обмѣнивались между собой дикари изъ разныхъ деревень? Можетъ быть, они собирались вмѣстѣ, чтобы легче напасть на лагерь чужеземцевъ, нарушившихъ покой ихъ мирнаго края?

Взошелъ мѣсяцъ, освѣтивъ черную кайму лѣса, поля и деревню съ ея вспыхивавшими огоньками. Звуки барабановъ замолкали на минуту, но затѣмъ возобновлялись съ новой силой. Тома все еще не было. Около лагеря царствовала мертвая тишина и это казалось Бѣлой Бородѣ тоже не предвѣщающимъ ничего хорошаго: каково-бы ни было настроеніе негровъ—враждебно или дружественно, но любопытство было ихъ коренной чертой, а теперь оно должно еще болѣе возбудиться перспективой тѣхъ сокровищъ, которыя везъ съ собой Бѣлая Борода. Обыкновенно какая нибудь негритянка пряталась ночью въ кустахъ, чтобы разсмотрѣть при свѣтѣ костра чужеземный лагерь, или подползалъ, скрываясь въ травѣ, негръ, выискивая въ плетнѣ удобное мѣстечко, которое онъ могъ бы незамѣтно перелѣзть, чтобы стащить

приглянувшуюся ему вещь.—„Держи вора!“—этотъ крикъ часовыхъ часто будилъ спящій лагерь, но чаще непрошенные гости бывали еще издали замѣчены и обращены въ бѣгство. Такъ случалось обыкновенно втеченіе всей ночи. Неужели вакусы составляютъ въ этомъ отношеніи единственное исключеніе изъ всѣхъ негровъ? Или эта мертвая тишина могилы была зловѣщимъ затишьемъ передъ грозой?

Бѣлая Борода поднялся, затѣмъ подозвалъ къ себѣ вооруженныхъ людей, велѣлъ имъ соблюдать крайнюю осторожность и отправился самъ, въ сопровожденіи трехъ балубовъ, по направленію къ деревнѣ вакусовъ, чтобы узнать причину барабаннаго боя, не предвѣщавшаго, какъ ему казалось, ничего хорошаго. Деревня эта была приблизительно въ двухъ верстахъ отъ холма и дорога къ ней вела между полями, засѣянными маисомъ и бананами. Не прошелъ Бѣлая Борода и двадцати шаговъ, какъ услышалъ вблизи легкій шорохъ. Балубы тоже обратили на него вниманіе и остановились на мѣстѣ, не рѣшаясь идти дальше. Шорохъ повторился шаговъ на десять далѣе,—казалось, точно кто-то бѣжалъ среди высокихъ стеблей маиса. И вдругъ среди безмолвія ночи раздался отчаянный крикъ, рѣзко нарушившій мертвую тишину; такой крикъ можетъ испускать человѣкъ только въ томъ случаѣ, когда его жизни угрожаетъ сильная опасность; какъ бы въ отвѣтъ на это послышалось дикое рычаніе. Бѣлая Борода сейчасъ-же узналъ дикаго звѣря по голосу и поднялъ свое ружье. Въ то же мгновеніе маисъ закачался, и изъ его стеблей выкатился на тропинку какой-то темный клубокъ, изъ котораго одновременно раздавались стоны и рычанье. Этотъ клубокъ такъ быстро катился по землѣ, что только опытный охотничій глазъ Бѣлый Бороды могъ различить при блѣдномъ лунномъ свѣтѣ, изъ чего онъ состоялъ. Въ то время, какъ балубы испуганно отскочили назадъ, думая, что передъ ними злой духъ, Бѣлая Борода сейчасъ же увидѣлъ, что клубокъ, вертѣвшійся передъ его глазами, состоялъ изъ двухъ живыхъ существъ, боровшихся другъ съ другомъ не на животъ, а на смерть. Одинъ изъ

нихъ былъ леопардъ, безжалостно разрывавшій когтями мясо своей жертвы, другой—негръ, катавшійся по землѣ, отчаянно оборонявшійся ножемъ и старавшійся нанести своему врагу ловкій смертельный ударъ. Борьба была неравная по силамъ, и человѣкъ долженъ былъ, очевидно, черезъ нѣсколько секундъ уступить болѣе сильному животному.

У Бѣлой Бороды было ружье въ рукѣ, но, хотя борьба происходила всего въ десяти шагахъ отъ него, онъ не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ своего оружія. Не говоря уже о томъ, что при слабомъ ночномъ свѣтѣ и благодаря тому, что боровшіеся тѣсно обхватили другъ друга, невозможно было цѣлиться, не рискуя ранить негра, Бѣлая Борода долженъ былъ принимать во вниманіе и то, что ружье его было заряжено такими патронами которые могли стоить жизни не только леопарду, но и негру. Надо было только напугать какимъ-нибудь образомъ звѣря, чтобы заставить его выпустить изъ когтей несчастную жертву, и, не долго думая, онъ выстрѣлилъ на воздухъ. Звукъ выстрѣла подѣйствовалъ: леопардъ сейчасъ-же выпустилъ свою жертву и на одну секунду остановился, какъ-бы въ раздумьѣ, на краю поля. Но Бѣлая Борода не далъ ему времени обратиться въ бѣгство и спастись въ лѣсу: раздался второй выстрѣлъ, и леопардъ упалъ на землю. Теперь уже и балубы поняли въ чемъ дѣло, и не замедлили вонзить свои ножи въ раненное животное. Бѣлая-же Борода поспѣшилъ къ негру, который тщетно старался приподняться съ земли. Охотникъ наклонился къ несчастному раненому и сталъ всматриваться въ его залитое кровью лицо. Въ его широко открытыхъ глазахъ стоялъ еще смертельный ужасъ, но онъ исчезъ сейчасъ-же, какъ только онъ взглянулъ въ привѣтливое лицо Бѣлой Бороды. Во взглядѣ его сверкнула радость, пробѣжавшая судорогой по лицу, и затѣмъ онъ безсильно опустился на землю, лишившись чувствъ. Балубы подошли поближе. Такъ какъ это былъ чужой для нихъ, то они не имѣли никакого намѣренія помогать ему. Какое имъ дѣло до человѣка изъ чужого племени? Но Бѣлая Борода хорошо зналъ, что дѣло спасенія доведено имъ

только до половины: несчастный негръ истекалъ кровью у его ногъ и надо было непремѣнно перевязать раны. Но здѣсь, подъ открытымъ небомъ и при слабомъ свѣтѣ луны, на половину спрятавшейся за облака, это было немыслимо, поэтому онъ велѣлъ балубамъ поднять раненаго и отнести его въ лагерь.

При звукахъ выстрѣловъ, далеко разнесшихся въ тихомъ ночномъ воздухѣ, въ лагерѣ подумали, что это означаетъ нападеніе дикарей и всѣ негры встали на свои посты, держа въ рукахъ заряженныя ружья или-же лукъ и стрѣлы. Даже Тумба и Галула вооружились на всякой случай топорами: онѣ были не трусихи и хотѣли сражаться наравнѣ съ мужчинами.

— Бѣлая Борода возвращается! — радостно крикнула Тумба.—Съ нимъ и трое балубовъ. Но они несутъ раненаго. Какъ странно! Кто-бы это могъ быть?

— Ужъ не Томъ-ли?—спросилъ одинъ изъ негровъ, стоявшихъ около Тумбы.

— Томъ!—вскричала вдругъ Галула и, моментально выскочивъ за калитку импровизированной крѣпости, поспѣшила изъ всѣхъ силъ на встрѣчу медленно приближавшемуся шествію.—Томъ!—кричала она въ отчаяніи, протискиваясь къ раненому и почти задыхаясь отъ волненія.

— Это чужой!—отвѣтили балубы.

— Никакой схватки не было, мы только подстрѣлили леопарда!—успокоилъ ее Бѣлая Борода, видя, что бѣдняжка готова расплакаться.

Онъ расположился передъ своей хижиной, чтобы немедленно перевязать раненаго. Онъ зналъ толкъ въ этомъ искуствѣ и быстро зашилъ раны, зіявшія на лбу и на лѣвой рукѣ негра, который между тѣмъ снова лишился чувствъ; и причиной обморока была не боль, а видъ хирургическаго набора, который Бѣлый Борода розложилъ передъ собой. Всѣ эти сверкавшіе ножички, пинцеты, страннаго вида кусочки ваты и таинственныя скляночки, такъ удивительно блестѣвшія при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ, казались дикарю ору-

діями настоящаго волшебства, и отъ страха передъ этими таинственными вещами, съ помощью которыхъ орудовалъ необыкновенно выглядѣвшій бѣлый человѣкъ, похожій на духа, онъ вовторой разъ потерялъ сознаніе.

Между тѣмъ Галула стояла окало плетня изъ терновника, отдѣлявшаго со всѣхъ сторонъ лагерь, и глядѣла, не отрываясь, по направленію къ деревнѣ, съ тревогой думая о своемъ Томѣ. Какъ могъ Бѣлая Борода быть такимъ безсердечнымъ? Дорогой онъ попадаетъ на поединокъ между какимъ-то вакусомъ и леопардомъ, убиваетъ дикаго звѣря, приводитъ въ лагерь раненаго и пускаетъ въ дѣло всякіе чары, чтобы вылечить его раны. Какое ему дѣло до чужого негра? Или онъ забылъ уже своихъ балубовъ, которые пришли съ нимъ издалека и такъ вѣрно ему всегда служили? Вѣдь трое балубовъ были въ той деревнѣ, передъ которой такъ зловѣще горѣли огни, не предвѣщая ничего хорошаго!

Неужели онъ забылъ своего Тома? Своего смѣлаго, добраго Тома, который не покидалъ его съ самаго моря духовъ, всегда готовъ былъ жизнь свою отдать за своего господина и безчисленное число разъ превозносилъ его передъ всѣми неграми, восхваляя его доброту и храбрость? Добрый, благородный Томъ былъ въ этой ужасной деревнѣ, откуда снова раздавался зловѣщій бой барабановъ!

Галула обернулась назадъ, чтобы посмотрѣть, не кончилъ ли наконецъ Бѣлая Борода свои заклинанія надъ раненымъ и не встанетъ-ли онъ теперь, чтобы схватить ружье и снова спуститься въ долину на помощь къ своему вѣрному другу. Но онъ и не думалъ, очевидно, объ этомъ. Безсердечный человѣкъ! Вотъ онъ разговариваетъ теперь съ раненымъ, который снова пришелъ въ чувство. Галула не слышитъ вопросовъ и отвѣтовъ, не видитъ выраженія удивленія и спокойствія, которыя быстро смѣняются на лицѣ Бѣлой Бороды, и потому несправедливо сердится на него за то, что онъ не заботится о Томѣ. Бѣлая Борода какъ разъ думаетъ объ немъ въ эту минуту и разспрашиваетъ негра единственно съ цѣлью узнать, не подвергается-ли Томъ опасности въ деревнѣ?

— Почему вы зажигаете огни передъ деревней?—спрашиваетъ онъ раненаго.

— Чтобы пугать леопардовъ!—устало отвѣчаетъ негръ.

— Зачѣмъ у васъ по деревнямъ бьютъ барабаны?

— Тоже изъ-за леопардовъ!

Бѣлая Борода недовѣрчиво качаетъ головой, думая, что слышитъ лихорадочный бредъ больного. Но вдругъ около нихъ раздается шорохъ въ травѣ, затѣмъ раздаются тяжелые шаги, и къ нему протискивается Малукка. Что ему нужно отъ него въ это позднее время?

— Теперь совсѣмъ не время лакомиться солью, Малукко! Но волъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, раздуваетъ свои ноздри и возбужденно бьетъ ногой землю, какъ-бы предупреждая объ опасности. Не даромъ Бѣлая Борода и Малукко такъ хорошо понимаютъ другъ друга: теперь для перваго не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по близости скрывается какой нибудь дикій звѣрь, по всей вѣроятности леопардъ. Можетъ-быть, раненый и дѣйствительно говорилъ правду.

— Развѣ здѣсь такъ много леопардовъ? — спрашиваетъ онъ?

— Очень много.

— Почему же тогда ты отправился изъ дому одинъ?

— Любопытство заставило меня забыть объ опасности,—отвѣчалъ негръ дрожащимъ голосомъ.

Бѣлая Борода зналъ теперь, что раненый былъ правъ, и что Тому не угрожаетъ въ деревнѣ вакуссовъ никакой опасности. Должно быть, онъ просто переночуетъ тамъ, такъ какъ жители ея навѣрное предупредили его о томъ, что можетъ ожидать его въ случаѣ неосторожности.

Томъ и дѣйствительно остался-бы ночевать въ деревнѣ, если бы только не слышалъ выстрѣловъ. Но послѣдніе не давали ему покоя, такъ какъ онъ также подумалъ, что это означаетъ нападеніе на лагерь. Онъ собрался въ путь и теперь приближался уже со своими спутниками къ лагерю. Томъ и трое балубовъ шли съ факелами въ рукахъ, а провожавшій ихъ вакуссъ изъ всей силы билъ въ барабанъ.

Такой свѣтъ и шумъ долженъ былъ, очевидно, навести страхъ на леопардовъ. Наконецъ, они благополучно добрались до лагеря, и Галула имѣла удовольствіе увидѣть своего Тома цѣлымъ и невредимымъ. Онъ принесъ съ собой немного съѣстныхъ припасовъ, а на другой день, по его словамъ, вакуссы должны были доставить еще большее количество. Но за то онъ могъ разсказать массу страшныхъ исторій про леопардовъ, которые послѣ наводненія прямо заполонили эту мѣстность и не даютъ житья человѣку, угрожая ему не только ночью, но и днемъ. По ночамъ они подкрадываются къ деревнямъ и похищаютъ себѣ добычу. По одиночкѣ люди не рѣшаются ходить даже днемъ, а ночью бьютъ въ барабаны, чтобы держать хищниковъ въ почтительномъ отдаленіи отъ жилья. Благодаря этой постоянной тревогѣ, вакуссамъ приходится вести самое жалкое существованіе.

На слѣдующее утро, дѣйствительно, явились женщины съ обѣщанными съѣстными припасами, а также и вождь вакуссовъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ воиновъ, чтобы получить приготовленные для него Бѣлой Бородой подарки. Какъ же велико было его удивленіе, когда онъ узналъ въ раненомъ негрѣ своего родного сына и услышалъ отъ него самаго разсказъ объ его чудесномъ спасеніи! Содранная кожа леопарда висѣла на плетнѣ и подтверждала истину его словъ. Тогда Бѣлая Борода еще болѣе поднялся во мнѣніи дикарей: они увидѣли, что этотъ удивительный человѣкъ умѣлъ не только приручать дикихъ буйволовъ, но и шутя, безъ всякаго труда, повидимому, поражать на смерть страшныхъ леопардовъ; кромѣ того, онъ былъ еще и великимъ чародѣемъ, о чемъ сынъ таинственнымъ шепотомъ сообщилъ отцу. Ничего не было удивительнаго, поэтому, въ томъ, что теперь вакуссы не хотѣли отпускать отъ себя Бѣлую Бороду. Ему предоставлялось выбрать себѣ для жилья лучшія хижины въ деревнѣ и оставаться у нихъ навсегда, чтобы уничтожать леопардовъ, поражать своими волшебными заклинаніями всѣхъ враговъ вождя и такимъ образомъ осчастливить страну. Но, какъ наканунѣ никакія угрозы

не могли помѣшать бѣлому человѣку пройти черезъ землю вакуссовъ, такъ не помогли теперь и всѣ ихъ просьбы, и онъ въ тотъ же день отправился со своимъ караваномъ дальше.

III. Военное знамя Сагорро.

Давно уже голубой флагъ съ золотой звѣздой скрылся въ дремучихъ лѣсахъ на противоположномъ берегу рѣки Моари, когда къ деревнѣ вакуссовъ приблизился новый караванъ. Въ немъ были, какъ и во всякомъ караванѣ, солдаты и носильщики. Солдаты были головорѣзы и смѣльчаки, и во главѣ ихъ стоялъ знакомый уже намъ Абедъ; въ роли же носильщиковъ фигурировали, главнымъ образомъ, рабы, и большая часть ихъ была закована, по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, въ тяжелыя желѣзныя цѣпи. Вождь этого отряда также былъ на лицо. Онъ ѣхалъ верхомъ на сильномъ ослѣ, былъ еще молодъ и имѣлъ представительную наружность: черная борода красиво оттѣняла желтоватый цвѣтъ его лица, а тюрбанъ на головѣ выдѣлялъ высокій и красивый лобъ Во всей фигурѣ его проглядывало что-то смѣлое и рыцарское.

У каравана было свое знамя. Судя по молодости вождя. это знамя съ краснымъ полумѣсяцемъ не могло быть старымъ, и въ тоже время оно, очевидно, участвовало уже во многихъ крупныхъ сраженіяхъ, такъ какъ бѣлое поле его было испещрено массой красныхъ арабскихъ буквъ, кратко сообщавшихъ о блестящихъ побѣдахъ, одержанныхъ подъ этимъ военнымъ знаменемъ.

Ненавистное кровавое знамя! хорошо еще, что ты такъ сильно развѣваешься отъ вѣтра, что нельзя прочесть и сосчитать, сколько деревень было сожжено этимъ вождемъ Сагорро, какую массу негровъ онъ убилъ, сколькихъ обратилъ въ рабство! Хорошо еще, что мы не знаемъ суммы всѣхъ его ужасныхъ злодѣяній, такъ какъ, быть можетъ, мы

питали-бы къ нему еще большую ненависть, чѣмъ какую онъ заслуживаетъ благодаря своей молодости.

Мѣстные жители встрѣтили Сагорро не угрозами, какъ Бѣлую Бороду, а изъявленіями самой искренней радости. И въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ развѣдчики, бывшіе въ лѣсу, принесли извѣстіе, что опять идетъ къ нимъ бѣлый человѣкъ съ большимъ караваномъ, и что по виду онъ еще гораздо могущественнѣе, чѣмъ первый, потому что ведетъ съ собой много невольниковъ, которыхъ у того не было. Тогда вождь послалъ къ Сагорро своихъ гонцовъ, чтобы привѣтствовать его и передать ему дружескіе подарки: козъ и куръ. Гонцы подробно описали арабу свою страну и предостерегли его противъ опасныхъ леопардовъ, которыхъ онъ, впрочемъ,—какъ они думали—также мало боялся, и съ которыми также хорошо умѣлъ справляться, какъ и его бѣлый братъ, отправившійся дальше на востокъ.

Сагорро и Абедъ слушали мѣстныхъ жителей и хитро улыбались. Затѣмъ они отпустили ихъ, гордо приказавъ увѣрить вождя въ ихъ дружескомъ расположеніи, и отправились въ лагерь, только что оставленный Бѣлой Бородой, чтобы воспользоваться готовыми уже зелеными хижинами, передъ которыми еще не успѣла остыть зола костровъ, горѣвшихъ въ теченіе всей ночи.

Они усѣлись въ самой просторной хижинѣ и стали оживленно бесѣдовать между собой по-арабски. Работорговцы знали, что никто кругомъ не понимаетъ этого языка, такъ что спокойно могли говорить громко и откровенно выражать свои чувства, не боясь, чтобы кто-нибудь подслушалъ ихъ.

— Что, не говорилъ-ли я?—радостно вскричалъ Абедъ.— Недурно странствовать по пятамъ бѣлаго человѣка! Мы извлечемъ изъ этого массу выгодъ!

— Онъ расчищаетъ намъ путь! — согласился съ нимъ Сагорро.

— Это еще никѣмъ нетронутая страна!—продолжалъ Абедъ.—Здѣсь никто никогда не собиралъ жатвы; поэтому добыча слоновой костью и рабами обѣщаетъ быть богатой!

— Надо остаться здѣсь на нѣсколько дней, чтобы обдумать все хорошенько! —сказалъ Сагорро.—Ступай на развѣдки въ сосѣднія деревни, а потомъ мы составимъ планъ военныхъ дѣйствій.

— Славную жатву мы здѣсь соберемъ! —восторженно вскричалъ Абедъ, вскакивая съ мѣста. — Цѣлая сотня рабовъ, если не больше, попадется намъ въ руки. Держу пари, что это будетъ такъ, Сагорро! Не будетъ недостатка у насъ и въ слоновой кости. Если нашъ планъ удастся,— а я не сомнѣваюсь въ этомъ,—то ты разбогатѣешь разомъ и можешь затѣмъ спокойно вернуться въ Ніангве или даже въ Занзибаръ.

Сагорро не отвѣтилъ.

— Какъ?—продолжалъ Абедъ.—Развѣ этого не хватитъ, чтобы покрыть твои долги? Но вѣдь мы соберемъ огромныя богатства!

— Вѣдь ты знаешь моихъ кредиторовъ въ Занзибарѣ, Абедъ!—мрачно отвѣтилъ Сагорро.—Это настоящіе кровопійцы. Съ каждымъ годомъ растутъ проценты, которые я долженъ выплачивать имъ. Одинъ изъ нихъ далъ мнѣ какія-то жалкія двѣ тысячи рупій *), чтобы я могъ попытать съ ними счастья въ сердцѣ Африки. Это было пять лѣтъ тому назадъ, а теперь я уже долженъ ему около 10,000 рупій, и съ каждымъ днемъ эта цифра все растетъ.

— Но тебѣ везло удивительное, прямо баснословное счастіе въ Удшидши! — замѣтилъ Абедъ. — Это было три года тому назадъ, если не ошибаюсь. Развѣ ты не могъ расплатиться съ нимъ тогда?

— Еслибы онъ согласился ждать и удовольствовался выплатой только части долга, это было-бы другое дѣло. Но негодяй добился отъ султана приказанія немедленно привлечь къ уплатѣ все мое имущество. Мои друзья во время предупредили меня объ этомъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ Типпу-Тибъ явился въ Удшидши съ этимъ приказомъ. Тогда

*) 1 рупія=1, 0 марокъ=около 60 коп.

я разсчиталъ, что всѣхъ моихъ рабовъ и слоновой кости едва хватитъ на то, чтобы только удовлетворить моего кредитора, такъ что мнѣ пришлось-бы начать все съизнова ни съ чѣмъ.

— Снова стать бѣднякомъ! Нѣтъ, это былъ-бы слишкомъ печальный результатъ далекаго путешествія къ морю. И вотъ я продалъ слоновую кость и рабовъ за новые товары, оружіе и порохъ, и двинулся съ нѣкоторыми изъ моихъ соотечественниковъ дальше на западъ.

— Въ Ніангве, — продолжалъ онъ спустя немного, — можно чувствовать себя спокойнѣе, и такъ какъ Типпу-Тибъ двинулся по направленію къ Конго, то тебѣ легко удастся продать слоновую кость и рабовъ, выручивъ за нихъ значительную сумму. Тебя не спросятъ, откуда ты ихъ взялъ. На вырученныя деньги ты снарядишь новый караванъ. Я-же буду ждать тебя на лѣвомъ берегу рѣки Луалабы, и затѣмъ мы отправимся дальше на западъ и опередимъ Типпу-Тиба. По берегамъ Конго лежатъ многолюдныя страны и негры держатъ тамъ слоновую кость въ храмахъ. Въ одномъ такомъ храмѣ люди Типпу-Тиба сразу похитили сорокъ слоновыхъ зубовъ. Если намъ удастся найти эти обѣтованныя земли, то мы сразу разбогатѣемъ и станемъ такими-же богачами, какъ Типпу-Тибъ.

— И намъ навѣрное удастся это!—вскричалъ Абедъ. — Типпу-Тибъ воспользовался тонкимъ чутьемъ Стэнли, а намъ поможетъ теперь Бѣлая Борода найти эти богатыя земли. Но мнѣ надо догнать его еще въ Ніангве, чтобы хорошенько разспросить тамъ моего друга Тома. Поэтому намъ слѣдуетъ не мѣшкать и живѣе приниматься за дѣло. Совѣтую тебѣ начать дѣйствовать сегодня-же ночью. Вотъ идетъ уже и вождь вакуссовъ, чтобы привѣтствовать насъ. Мы разспросимъ его хорошенько, а затѣмъ за дѣло, храбрые юноши Занзибара! Насъ ждетъ впереди богатая добыча!

Вѣтеръ развѣвалъ бѣлый флагъ съ кровавымъ полумѣсяцемъ. Абедъ съ улыбкой указалъ на него.

— Гляди, Сагорро,—вскричалъ онъ,—какъ много здѣсь

пустого мѣста. Намъ предстоитъ еще многое сдѣлать, пока онъ не наполнится сплошь надписями, гласящими о твоихъ подвигахъ и блестящихъ побѣдахъ, и не будетъ красоваться среди другихъ флаговъ въ Ніангве.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ вождя вакуссовъ. Подозрѣвали-ли бѣдные негры, едва отстаивавшіе свое жалкое существованіе отъ страшныхъ леопардовъ, съ которыми они были не въ силахъ бороться, что къ нимъ приближается еще худшая опасность, чѣмъ хищные звѣри?

IV. Черный замокъ

Прошелъ годъ со времени встрѣчи Бѣлой Бороды съ караваномъ араба Сагорро. Онъ сидѣлъ передъ блокгаузомъ, возвышавшимся на холмѣ, и наслаждался прекраснымъ видомъ, который далеко разстилался передъ его глазами.

У подножія холма протекала небольшая, но бурная рѣчка, прозванная мѣстными жителями Черной. Она текла на сѣверъ и на разстояніи мили вливалась въ могучія волны Конго, на много миль ниже послѣдняго изъ знаменитыхъ Стэнлеевскихъ водопадовъ, названныхъ такъ по имени открывшаго ихъ изслѣдователя Стэнли. Небо было безоблачное, воздухъ чистый и прозрачный, и Бѣлая Борода могъ различать широкую водную поверхность могучей рѣки, пронизывавшей всю внутреннюю Африку подобно большому кровеносному сосуду.

Вчера только внизъ по теченію прошелъ миссіонерскій пароходъ „Миръ“, снабдивъ станцію, выстроенную Бѣлой Бородой, его Черный замокъ, всевозможными запасами. И вотъ снова бѣлый охотникъ остался одинъ среди негровъ, надѣясь на этотъ разъ дольше сохранить свой замокъ, такъ-какъ здѣсь онъ не чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ цивилизованнаго міра. Конго являлся уже теперь большой дорогой, по которой двигались не только лодки дикарей, но и европейскіе пароходы. Изъ года въ годъ станутъ посѣщать они

Черный замокъ и доставлять ему средства для обрабатыванія этой богатой страны, которая дѣйствительно отличается богатствомъ.

На западѣ тянется безконечный первобытный лѣсъ со своими неисчерпаемыми сокровищами. Въ немъ можно найти и масличную пальму, и каучукъ; опалъ покоится въ его нѣдрахъ, на стволахъ старыхъ деревьевъ свѣшивается драгоцѣнный лакмусъ.

Въ этомъ лѣсу водятся въ большомъ количествѣ слоны, а каждый изъ нихъ можетъ дать до 50 фунтовъ слоновой кости. Въ этой чащѣ гнѣздится безчисленная масса птицъ съ великолѣпными перьями и водится много дичи.

Надо только основать африканское лѣсное хозяйство на другихъ началахъ, чѣмъ въ Европѣ, и Бѣлая Борода уже мечталъ о тѣхъ нововведеніяхъ, которыя будетъ широко примѣнять въ этой непочатой еще странѣ. — На востокѣ, напротивъ того, тянутся саванны, похожія на парки и въ нихъ водятся пока только буйволы, антилопы и тигры; но недалеко уже то время, когда сюда переселятъ съ востока и запада рогатый скотъ, такъ какъ эти саванны несомнѣнно явятся въ будущемъ прекрасными пастбищами, которыя получатъ, быть-можетъ, со временемъ тоже значеніе, какъ и саванны Южной Америки, снабжающія насъ мяснымъ экстрактомъ. Пока-же на нихъ пасется одинъ Малукко, и только козы и овцы составляютъ ему компанію.

Но почва этой мѣстности предназначена не для однихъ пастбищъ. Кое-гдѣ она сдѣлана уже плодородной, и поля съ зерновымъ хлѣбомъ и другими воздѣлываемыми растеніями уже тѣснымъ кольцомъ опоясываютъ Черный замокъ. Тамъ растетъ рисъ, здѣсь—бананы; табакъ уже зеленѣетъ, и всевозможныя овощи поднимаются на хорошо обработанныхъ грядкахъ. Обработка земли, на которую смотрѣлъ теперь Бѣлаа Борода, еще только началась, но это начало обѣщало уже многое. Всѣ широкіе планы, которые онъ задумалъ, навѣрное удастся ему привести въ исполненіе, если только мѣстные негры будутъ его союзниками и помощни-

ками въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, какъ разъ сегодня должны были собраться въ Черномъ замкѣ вожди изъ сосѣднихъ негрскихъ деревень, чтобы заключить съ бѣлыми союзъ, котораго онъ давно жаждалъ.

Вожди уже собрались внизу, у подножія холма, гдѣ ихъ встрѣтилъ Томъ съ нѣсколькими вѣрными спутниками Бѣлой Бороды изъ племени балуба. Затѣмъ они стали подниматься на гору, изображая собой—судя по именамъ—настоящій звѣринецъ. Впереди шелъ вождь Пантера, ближайшій сосѣдъ Чернаго замка и самый миролюбивый изъ всѣхъ окрестныхъ вождей. Изъ всего собранія у него одного была на головѣ шляпа. На первый взглядъ она производила впечатлѣніе перевернутаго цилиндра, потому что надъ самымъ лбомъ возвышалась ужасающихъ размѣровъ ровная труба, расширявшаяся наверху въ огромныя поля. Эта шляпа, сплетенная изъ соломы и выкрашенная сажей, была, конечно, мѣстнаго приготовленія. Пантера былъ также единственнымъ изъ вождей, одѣтымъ по европейски. На немъ былъ старый канареечнаго цвѣта сюртукъ съ оранжевыми отворотами, какіе нѣкогда носили саксонскіе почтальоны. Это былъ подарокъ Бѣлой Бороды своему миролюбивому сосѣду. Этотъ парадный сюртукъ рѣзко выдѣлялся на голыхъ черныхъ ногахъ вождя, оставшихся безъ прикрытія, и не только привлекалъ на себя общее вниманіе, но и возбуждалъ сильнѣйшую зависть. Для остальныхъ вождей этотъ сюртукъ имѣлъ рѣшающее значеніе: ради полученія подобнаго великолѣпія они и пришли теперь въ Черный замокъ, чтобы заключить съ Бѣлой Бородой дружескій союзъ, котораго тотъ давно добивался.

Позади Пантеры шелъ вождь Козелъ, который вполнѣ оправдывалъ свое имя, такъ какъ былъ врагъ мира и постоянно вздорилъ съ своими сосѣдями изъ-за всякаго пустяка.

За нимъ выступалъ вождь Крокодилъ, деревня котораго примыкала къ Конго, и который стоялъ во главѣ флотилии въ тридцать большихъ лодокъ; онъ былъ самый искусный

въ военномъ дѣлѣ и поэтому самый опасный изъ всѣхъ вождей. Послѣдній изъ гостей былъ маленькій, живой человѣчекъ, прозванный неграми Гусеницей; онъ жилъ по ту сторону рѣки Черной, среди первобытнаго лѣса, и былъ владѣльцемъ мѣстности, гдѣ можно было охотиться на слоновъ.

Отдѣльные пункты союзнаго договора, который хотѣли заключить сегодня, были всѣмъ давно извѣстны. Негры обязывались поставлять Бѣлой Бородѣ извѣстное число мужчинъ и женщинъ для обработки его полей и плантацій, доставлять опредѣленное количество съѣстныхъ припасовъ по установленной рыночной цѣнѣ и жить въ мирѣ и дружескомъ согласіи съ Чернымъ замкомъ, какъ добрые сосѣди; Бѣлая же Борода обѣщался за это помогать союзнымъ вождямъ въ томъ случаѣ, еслибы кто нибудь объявилъ войну. Сегодня собирались торжественно заключить этотъ союзъ и—по мнѣнію чернокожихъ—Бѣлая Борода долженъ былъ одѣлить ихъ за дружескія намѣренія подарками, что для нихъ имѣло главное значеніе во всемъ этомъ дѣлѣ.

Часъ спустя они возвращались уже домой очень довольные. На вождѣ Крокодилѣ былъ надѣтъ бѣлый кирассирскій китель, Козелъ страшно важничалъ въ желтой съ красными полосами жокейской курткѣ, Гусеница щеголялъ въ ярко-гусарскомъ мундирѣ, а вождь Пантера крѣпко прижималъ шляпу собственнаго изготовленія подъ мышкой, съ гордостью придерживая на головѣ старый шлемъ. Толпа зѣвакъ сопровождала вождей: такое любопытство было совершенно понятно, такъ какъ никогда еще на берегахъ рѣки Черной не видали такихъ великолѣпныхъ костюмовъ. Бѣлый человѣкъ еще болѣе возвысился въ общемъ мнѣніи, и на его блокгаузъ на холмѣ смотрѣли завистливыми взорами, какъ на богатую сокровищницу. Даже на старую Тумбу эти необыкновенные костюмы такъ сильно подѣйствовали, что она стояла съ широко открытыми глазами на берегу рѣки, гдѣ была занята, и не знала, чѣмъ любоваться—желтымъ-ли человѣкомъ со шлемомъ, зеленымъ черноногимъ гусаромъ, или красно-желтымъ жокеемъ: каждый изъ нихъ былъ хо-

рошъ въ своемъ родѣ. Она была такъ поглощена этимъ чудеснымъ и невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ, что даже позабыла о своихъ новыхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ въ это время кормила,—о молодыхъ крокодилахъ. Да, племя балуба многому научилось за время своего долгаго странствованія по саваннамъ и лѣсамъ Африки, и не пренебрегало уроками, какъ бѣлыхъ, такъ и чернокожихъ. Отъ послѣднихъ между прочимъ балубы узнали, что страшные крокодилы имѣютъ очень вкусное мясо и представляютъ для негровъ настоящее лакомство, почему береговые жители даже воспитываютъ ихъ съ этой цѣлью. И какъ только построенъ былъ Черный замокъ, старая Тумба сейчасъ-же принялась собирать яйца крокодиловъ. Она положила ихъ въ надежное мѣсто, гдѣ они могли-бы спокойно дозрѣть и вылупиться, и теперь, въ маленькомъ прудѣ, вырытомъ на берегу рѣки и обнесенномъ сѣтью, заботливо ухаживала за своимъ молодымъ выводкомъ. Всѣ балубы заранѣе радовались рѣдкому угощенію—всѣ, кромѣ Галулы. Она уже не принадлежала къ ихъ племени: она была теперь христіанкой и законной женой Тома, такъ-какъ миссіонеръ, недавно пріѣзжавшій на пароходѣ „Миръ", обвѣнчалъ ихъ. Теперь имя ея было уже не Галула, а Мета,—имя, полученное ею при крещеніи. Изъ всѣхъ негровъ племени балуба старая Тумба особенно твердо стояла за свои права и обычаи, и заставила-таки своего будущаго зятя выплатить требуемые ею пять аршинъ матеріи и пестрый цвѣтной платокъ.

Наряженные по праздничному вожди одинъ за другимъ садились въ свои лодки. Берегъ снова опустѣлъ, и Тумба могла спокойно заняться кормленіемъ своихъ любимыхъ питомцемъ. Она покончила уже со своей работой, когда на берегу показались Бѣлая Борода и Томъ. За ними шли два балубскихъ и два гаусскихъ негра; послѣдніе были родомъ изъ земель, лежащихъ по Нигеру, и охотно нанимались европейцами за ихъ надежность и смѣлость; вотъ почему можно встрѣтить ихъ на всѣхъ станціяхъ по Конго. Въ Черномъ замкѣ главную силу отряда Бѣлой Бороды составляли двад-

цать человѣкъ изъ племени гауссовъ, десять изъ балубовъ и пять уроженцевъ западнаго берега; все-же населенiе Чернаго замка состояло изъ тридцати душъ, не считая двѣнадцати женщинъ—женъ негровъ.

Бѣлая Борода сѣлъ со своими спутниками въ лодку: ему хотѣлось подняться вверхъ по рѣкѣ Черной, такъ какъ выше, на разстоянiи нѣсколькихъ миль, находились соляные источники, изъ которыхъ мѣстные жители добывали соль, а онъ желалъ обезпечить себѣ полученiе этого важнаго и необходимаго продукта. Рѣка Черная была маленькой рѣчкой, по которой можно было плавать только въ небольшихъ лодкахъ, да и то недолгое время, пока она не мелѣла отъ засухи. Но теченiе ея было довольно быстрое, такъ что не легко было справляться съ нимъ и гребцы скоро устали. Поэтому Бѣлая Борода уже черезъ два часа долженъ былъ причалить къ берегу, чтобы сдѣлать небольшой отдыхъ. До Соляныхъ деревень сдѣлано было не больше полпути. Негры остались стеречь лодку, а Бѣлая Борода и Томъ отправились на охоту. Рѣка часто извивалось, такъ что, несмотря на высокiй берегъ, можно было каждый разъ окидывать взглядомъ только небольшую ея часть. Когда охотники стояли около одного изъ такихъ изгибовъ рѣки, изъ береговаго камыша взлетѣла на воздухъ цапля. Въ тотъ-же моментъ Бѣлая Борода выстрѣлилъ, и птица упала въ камышъ. Томъ бросился къ этому мѣсту, но долженъ былъ съ усилiемъ пробираться сквозь густой кустарникъ, которымъ заросъ берегъ. Наконецъ, онъ выбрался на открытое мѣсто и только тогда, къ своему крайнему удивленiю, увидѣлъ на берегу лодку и около нея четырехъ негровъ изъ племени Вангвана, живущаго въ Занзибарѣ. На нѣкоторомъ разстоянiи отъ нихъ, у самой воды, сидѣли двое рабовъ. Негры тоже были удивлены при видѣ неожиданно явившагося передъ ними Тома, такъ какъ весь его внѣшнiй видъ—бѣлое платье и оружiе—сразу показывали, что онъ принадлежалъ къ какому нибудь отряду; вопросъ-же о томъ, что это былъ за отрядъ, рѣшился въ слѣдующую же секунду, когда изъ кустовъ вышелъ Бѣ-

лая Борода. Негры молча стояли противъ пришедшихъ, и во взглядѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ выражалось взаимное отвращеніе и недовѣріе. Бѣлая Борода сейчасъ понялъ, что натолкнулся на авангардъ арабскаго торговца невольниками. Но вниманіе его было скоро отвлечено отъ вангванскихъ негровъ. Крикъ удивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ радости пронесся вдругъ по берегу: около воды стоялъ одинъ изъ невольниковъ вангвановъ и протягивалъ къ Бѣлой Бородѣ свои руки. Кожа его тѣла была темнѣе окрашена, чѣмъ у прочихъ, а на лбу виднѣлся страшный кровавый шрамъ; такой-же шрамъ былъ и на его лѣвой рукѣ. Негры взглянули на своего плѣнника и одинъ изъ нихъ вскричалъ:

— Моари знаетъ его!

Между тѣмъ Бѣлая Борода подошелъ къ плѣннику и быстро спросилъ его на нарѣчіи, которое тотъ понималъ:

— Ты тотъ, котораго я спасъ на берегу Моари изъ когтей леопарда?

— Это я!—отвѣчалъ негръ.

— И теперь ты въ плѣну у этихъ людей?

— Да,—мрачно проговорилъ Моари, и взоръ его загорѣлся ненавистью.

— Тебя продали?

— Нѣтъ, меня похитили. Твой злой бѣлый братъ, шедшій позади тебя и встрѣченный нами съ такимъ довѣріемъ, плохо отплатилъ намъ за нашу дружбу. Онъ напалъ на нашу деревню ночью, сжегъ ее, убилъ многихъ воиновъ, а остальныхъ и меня въ томъ числѣ взялъ въ плѣнъ.

— Мой другъ?—вскричалъ возмущенный Бѣлая Борода. Онъ хотѣлъ объяснить, что не находится въ родствѣ съ торговцемъ невольниками и не имѣетъ никакихъ общихъ дѣлъ съ этимъ звѣремъ въ образѣ человѣка, но негры замѣтили, что ихъ плѣнникъ дѣлаетъ Бѣлой Бородѣ какія-то важныя сообщенія, и одинъ изъ нихъ грубо оттолкнулъ его въ сторону.

— Чего разболтался, собака!—вскричалъ онъ, и затѣмъ обратился къ Бѣлой Бородѣ.

— Господинъ, вѣдь это только рабъ; говори съ нами, если хочешь что нибудь узнать.

— Гдѣ Сагорро?—властно спрашивалъ Бѣлая Борода.

Негры съ удивленіемъ переглянулись и нѣсколько секундъ молчали.

Очевидно, они не ожидали такого вопроса и не знали, что отвѣчать на него.

— Развѣ вы слыхали, что онъ сюда пришелъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я знаю это!—коротко и рѣшительно отвѣтилъ Бѣлая Борода.

— Гм.! Если желаете, то можете отправиться вмѣстѣ съ нами въ лагеръ. Можетъ быть, Абедъ скажетъ вамъ что нибудь объ этомъ.

— А гдѣ вашъ лагеръ?

— Въ Соляныхъ деревняхъ.

— Тогда мы отправимся вмѣстѣ съ вами. Я и такъ хотѣлъ ѣхать туда.

— Въ нашей лодкѣ нѣтъ мѣста для васъ обоихъ. Ступайте пѣшкомъ!—насмѣшливо сказалъ одинъ вангвановъ, а другіе громко засмѣялись его находчивости.

— Мы не отстанемъ отъ васъ!—вскричалъ Томъ.—Не нужно намъ вашихъ старыхъ лодокъ, въ которымъ все равно далеко не уѣдешь.—И онъ пошелъ за Бѣлой Бородой, который повернулся уже къ неграмъ спиной и возвращался къ своей лодкѣ.

Вангваны нѣкоторое время молча смотрѣли имъ вслѣдъ.

— Ужъ и сюда пропикли эти бѣлыя собаки!—вскричалъ одинъ изъ нихъ, злобно сжимая кулаки и съ угрозой потрясая ими въ воздухѣ.

— Моари, откуда ты его знаешь? Кто его злой братъ? Отвѣчай, негодная собака!—проговорилъ другой, обращаясь къ плѣнному, который сидѣлъ, угрюмо поникнувъ головой.

— Не будемъ терять времени,—замѣтилъ самый старшій изъ негровъ.—Сейчасъ-же отправимтесь къ Абеду и скажемъ ему о нашей неожиданной встрѣчѣ. Мы не были съ Сагорро

на берегу Моари, Абедъ-же грабилъ и жегъ тамъ деревни вмѣстѣ съ нимъ. Въ концѣ концовъ онъ пожалуй и знаетъ этого бѣлаго. А Моари можетъ разсказать намъ всю правду и въ дорогѣ,—это отъ насъ не уйдетъ!

Вангваны сейчасъ-же принялись спускать на воду свой челнокъ, на половину вытащенный на берегъ, а затѣмъ, выѣхавъ на середину рѣчки, стали разспрашивать Моари. Но скоро одинъ изъ нихъ съ удивленіемъ вскричалъ:

— Смотрите-ка, у Бѣлаго тоже есть лодка! Онъ догоняетъ насъ!

На изгибѣ рѣки дѣйствительно показалась лодка Бѣлой Бороды, но это не былъ грубо выдолбленный изъ дерева челнокъ, какъ у негровъ, а настоящая лодка, сдѣланная по всѣмъ правиламъ европейскаго искусства и могущая получить пальму первенства даже на гонкахъ, такъ легка она была на ходу. Подъ равномѣрными ударами веселъ она быстро подвигалась противъ теченія, не доставляя, повидимому, особаго труда сидѣвшимъ въ ней гребцамъ.

— Гребите, гребите, сыны Занзибара, гребите, язычники!—подгоняли вангваны другъ друга и своихъ плѣнныхъ но скоро увидѣли, что имъ не по силамъ состязаться съ соперниками.

Между тѣмъ Бѣлая Борода сидѣлъ въ палаткѣ посреди лодки, судорожно сжимая въ рукахъ ружье, и глядѣлъ въ черныя волны рѣки. Мысли его витали далеко отсюда. Въ его воображеніи вставали мрачные лѣса и жалкія негрскія деревеньки по берегамъ Моари; ему казалось, что онъ видитъ темный безформенный клубокъ, вертящійся по землѣ: это человѣкъ, который борется съ кровожаднымъ леопардомъ не на животъ, а на смерть; ему слышался отдаленный бой барабановъ и чудились ярко вспыхивающіе въ разныхъ мѣстахъ огоньки деревень. По истинѣ, жалкое существованіе—жить все время подъ страхомъ когтей леопарда! Но даже леопарды оказались лучше человѣка. Арабъ—вотъ настоящій хищникъ Африки. Это онъ, проклятый кровопійца, проникъ въ мирные лѣса Моари и умертвилъ тысячу не-

винныхъ людей, чтобы завладѣть нѣсколькими десятками плѣнныхъ. Теперь онъ уже добрался и до рѣки Черной! Но подождите, безжалостные негодяи, здѣсь вы не единственные господа, здѣсь крестъ еще дастъ отпоръ полумѣсяцу! Отправляйтесь назадъ, откуда пришли, или мы помѣряемся силами! Неизвѣстно еще, кто возьметъ перевѣсъ!

— Господинъ,—прервалъ его размышленія Томъ, сидѣвшій на рулѣ.—Глядите-ка вотъ сюда упала цапля. Неужели мы подаримъ ея нѣжную грудинку крокодиламъ?

— Да, жаль было-бы дичи!—машинально отвѣтилъ Бѣлая Борода, съ трудомъ отрываясь отъ терзавшихъ его мыслей.—Мы еще успѣемъ десять разъ догнать челнокъ.

— Конечно,—сказалъ Томъ.—Не даромъ-же наша лодка носитъ имя „Впередъ"! Она легка, какъ перышко, и шутя перегонитъ челнокъ вангвановъ.

— Они ищутъ птицу,—стали говорить вангваны;—пожалуй, они совсѣмъ и не желаютъ ѣхать съ нами. Возьмемтесь только дружнѣе за весла. Абеду было-бы непріятно, еслибы Бѣлый увидѣлъ нашъ лагерь и наши военныя силы. Надо, по крайней мѣрѣ, предупредить его объ этомъ.

Птицу между тѣмъ отыскали и „Впередъ" сталъ быстро нагонять челнокъ, хотя гребцы не черезчуръ налегали на весла. Бѣлая Борода замѣтилъ усилія, которыя дѣлали вангваны, и сказалъ Тому:

— Негры стараются изо всѣхъ силъ, чтобы доѣхать до лагеря раньше насъ,—тутъ кроется что-нибудь неладное.—И затѣмъ онъ крикнулъ своимъ гребцамъ:

— Гребите сильнѣе, друзья мои, чтобы челнокъ остался далеко позади насъ! Намъ надо пріѣхать къ солянымъ источникамъ первыми!

Съ каждой минутой разстояніе, раздѣлявшее обѣ лодки, становилось меньше, и, наконецъ, онѣ поровнялись другъ съ другомъ.

— Скажите-ка, друзья,—насмѣшливо обратился Томъ къ вангванамъ,—можетъ быть, вамъ надо сообщить Абеду что-нибудь очень спѣшное? Мы охотно сдѣлаемъ это за васъ.

чтобы избавить васъ отъ лишняго труда. Только скажите намъ это не мѣшкая, потому-что скоро вы будете такъ далеко позади насъ, что мы не услышимъ вашего голоса! Торопитесь-же, пока не поздно!

Ванґваны сдѣлали видъ, что принимаютъ это за шутку.

— Эй, друзья! — закричали они. — Вѣдь мы только шутили. Постойте немного, мы поѣдемъ рядомъ съ вами. Въ компаніи ѣхать веселѣе, у насъ есть о чемъ потолковать. И къ чему спѣшить? Ради чего такъ выбиваться изъ силъ, точно отъ этого зависитъ ваша жизнь? Абедъ не уйдетъ отъ васъ! Подождите-же! Не хотите-ли узнать какія-нибудь подробности о Сагорро?

— Да, да, очень желаемъ! — отвѣчалъ Томъ.—Оттого-то мы такъ и торопимся въ лагерь! Вѣдь вы сами сказали раньше, что намъ надо спросить объ этомъ самого Абеда. Вотъ мы и слѣдуемъ вашему совѣту. До свиданія, друзья!

Челнокъ все болѣе и болѣе отставалъ отъ лодки. Наконецъ, лодка совсѣмъ исчезла за поворотомъ. Тогда ванґваны стали грести медленнѣе и замолчали. Самый старшій изъ нихъ, казалось, обсуждалъ положеніе вещей. Теперь они достигли уже того изгиба рѣки Черной, за которымъ скрылась изъ виду лодка Бѣлаго. Тогда старшій ванґванъ обратился къ прочимъ со словами:

— Оставьте весла. Все равно уже мы его не догонимъ. Воспользуемся-же лучше удобнымъ случаемъ, который намъ представляется и посмотримъ лагерь Бѣлаго. Мы увидимъ тогда, на сколько прочно его жилье и какого отпора можно ожидать съ его стороны. Поплывемъ по теченію! Абедъ съумѣетъ отблагодарить насъ за эту услугу, которой навѣрное воспользуется.

Прочіе негры кивнули головой въ знакъ согласія,—и челнокъ быстро и легко поплылъ внизъ по теченію.

V. Негръ со шрамомъ на лбу.

— Итакъ, намъ придется покупать соль у арабовъ?— сказалъ Томъ на обратномъ пути.

— Что дѣлать, другого выхода у насъ нѣтъ,—возразилъ Бѣлая Борода.—По крайней мѣрѣ, теперь ничего не остается другого. Но я не думаю, чтобы эта разбойничья шайка долго загостилась въ соляныхъ деревняхъ: она, навѣрное, скоро вернется на берега Конго. Какъ ты думаешь, сколько жителей въ соляныхъ деревняхъ?

— До двухъ тысячъ!—отвѣтилъ Томъ.

— А какова сила у Абеда? Считалъ-ты его людей?—спросилъ Бѣлая Борода, котораго, видимо, безпокоила эта мысль.

— Около тридцати человѣкъ. Да, ровно двадцать девять, если считать и четырехъ вангвановъ, которыхъ мы сегодня встрѣтили. И эта ничтожная горсть разбойниковъ обратила въ груду развалинъ двѣ деревни, перебила до двухсотъ человѣкъ и сотню увела въ плѣнъ; остальные, должно быть, бѣжали во внутрь страны, такъ какъ мы еще сегодня утромъ ничего не слыхали о тѣхъ ужасахъ, которые совершались такъ близко отъ насъ.

— Но, куда дѣвались вангваны со своимъ челнокомъ?— замѣтилъ Бѣлая Борода.

— Они, навѣрное, пристали гдѣ нибудь выше лагеря и скрылись, чтобы вы не могли разспрашивать Моари.

Но Бѣлая Борода съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Мы еще встрѣтимся съ этими молодцами, Томъ,— сказалъ онъ.—Держу пари, что они спустились внизъ по теченію, чтобы осмотрѣть Черный замокъ: было бы глупо съ ихъ стороны не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ.

— Ну, вождь гауссовъ, Майгазинъ—баки, расправится съ ними, какъ слѣдуетъ, если только имъ вздумается явиться къ намъ,—замѣтилъ Томъ и затѣмъ оба замолчали.

Но при каждомъ изгибѣ рѣки они невольно смотрѣли на открывавшееся передъ ихъ глазами пространство воды—

и каждый разъ испытывали новое разочарованіе: челнока все не было видно!

— Чего добраго, мы еще найдемъ, пожалуй, дома нежданныхъ гостей!—замѣтилъ Томъ, прерывая молчаніе.

— Такъ теперь и ты думаешь, что они спустились внизъ по рѣкѣ?—спросилъ Бѣлая Борода.

Томъ утвердительно кивнулъ головой. Уже стало смеркаться, и чѣмъ становилось темнѣе, тѣмъ тревожнѣе дѣлалось у него на душѣ при мысли о томъ, куда дѣвались четверо вангвановъ. Было ли ихъ дѣйствительно четверо? Правда-ли, что только двадцать девять человѣкъ раззорили и сожгли двѣ соляныя деревни? Можетъ быть, Сагорро спрятался гдѣ нибудь на берегу съ главными военными силами? Почему вангваны давали такіе уклончивые отвѣты, когда ихъ спрашавали про Сагорро? Очевидно, они дѣлали это не спроста. Для чего Абедъ отвѣтилъ такъ неопредѣленно, что Сагорро еще на западѣ и, можетъ быть, вовсе не придетъ въ эту страну? Быть можетъ, Сагорро хотѣлъ сдѣлать попытку напасть и на деревни, лежащія ниже по рѣкѣ Черной, послѣ того, какъ это такъ прекрасно удалось ему съ соляными деревнями? Тогда онъ долженъ былъ прежде всего натолкнуться на Черный замокъ, который оставался въ это время безъ хозяина. Дастъ-ли Майгазинъ-баки отпоръ этому ловкому торговцу рабами? или-же тотъ съумѣетъ поймать его въ свои сѣти? не растеряются-ли гауссы при такомъ неожиданномъ нападеніи?

Томъ былъ неспокоенъ. Тѣ же предположенія и опасенія тревожили и Бѣлую Бороду.

Наконецъ, они завернули въ послѣдній изгибъ рѣки и передъ ихъ глазами открылся Черный замокъ—цѣлый и невредимый. Сторожевые огни горѣли на немъ, какъ и обыкновенно, и при свѣтѣ луны можно было различить флагъ, развѣвавшійся на верхушкѣ и какъ бы привѣтствовавшій издали своего хозяина. Слава Богу, мрачныя опасенія ихъ не сбылись: здѣсь все было въ порядкѣ!

Все ближе подплывала лодка къ замку, и все яснѣе вы-

рисовывались его темныя очертанія. Вскорѣ показалась и пристань противъ замка; здѣсь стояло нѣсколько гауссовъ, въ ожиданіи, должно быть, пріѣзда Бѣлой Бороды. Еще нѣсколько ударовъ веслами,—и лодка тихо врѣзалась въ береговой песокъ.

— Ничего не случилось?—спросилъ Бѣлая Борода, выскакивая изъ лодки.

— Въ Черномъ замкѣ все спокойно,—отвѣчалъ Майгазинъ-баки. — Но вверхъ по теченію, тамъ, гдѣ вы были, произошла, должно быть, схватка. Говорятъ, что соляныя деревни выжжены до тла. Правда-ли это?

— Къ сожалѣнію, чистѣйшая правда!—возразилъ Бѣлая Борода.—А здѣсь никого не было? Не видали-вы лодки съ неграми въ бѣлыхъ одеждахъ?

Майгазинъ-баки отрицательно покачалъ головой.

— Здѣсь были только два мѣстныхъ уроженца—ихъ прислалъ Пантера съ вѣстью о битвѣ; но они пришли пѣшкомъ. Никакой лодки мы не видали!

Бѣлая Борода и Томъ вздохнули съ облегченіемъ. Итакъ, опасенія, тревожившія ихъ въ теченіе всего обратнаго пути, не оправдались, и они только напрасно мучили себя всевозможными страшными предположеніями. Бѣлая Борода медленно направился къ дому: его замокъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ цѣлый и невредимый, и онъ вполнѣ успокоился теперь. Но Томъ торопливо побѣжалъ впередъ. Правда, его страхъ тоже исчезъ безъ слѣда, но мѣсто его заступило другое, болѣе сильное чувство—страстное желаніе увидѣть скорѣе Мету, за которую онъ въ сущности только и боялся на обратномъ пути, когда его воображеніе рисовало ему разныя страшныя картины. Направо и налѣво отъ блокгауза, гдѣ жилъ Бѣлая Борода, разбросаны были хижины негровъ. Томъ поспѣшилъ въ свой домикъ, но не нашелъ тамъ Меты. Тогда онъ отправился въ хижины балубовъ, но и тамъ ея не было.—Онъ звалъ ее, но Мета не откликалась. Никто не могъ сказать ему, гдѣ она, пока не вернулся, наконецъ, Майгазинъ-баки и не сообщилъ, что Мета отправилась поздно

вечеромъ вдоль рѣки, чтобы встрѣтить Бѣлую Бороду и Тома. Тогда Томъ измѣнился въ лицѣ и цвѣтъ его кожи принялъ сѣроватый оттѣнокъ. Неужели она натолкнулась на вангвановъ? При одной мысли объ этомъ холодный потъ выступилъ у него на лбу. Что могли сдѣлать съ ней эти грубые и безжалостные варвары? Ему приходили въ голову самыя ужасныя мысли, что всегда бываетъ, когда мы знаемъ, что человѣкъ, котораго любимъ и который намъ дорогъ, находится въ опасности.

Между тѣмъ Бѣлая Борода отдалъ приказъ Майгазинъ-баки отправиться съ двумя людьми внизъ по рѣкѣ и предупредить вождей, съ которыми у него были дружескія отношенія, чтобы тѣ были настороже, такъ-какъ врагъ близко; на другое утро, чуть свѣтъ, должны они были собраться снова въ Черномъ замкѣ, чтобы сообща обсудить мѣры для защиты отъ разбойниковъ.

— Господинъ, — вскричалъ вдругъ Томъ, подбѣгая къ Бѣлой Бородѣ. — Меты нѣтъ, ее, навѣрное, похитили эти негодяи вангваны, которыхъ мы встрѣтили на рѣкѣ! Я не могу сидѣть сложа руки и ждать. Господинъ, я хочу сейчасъ-же начать дѣйствовать! Подумать только, что мою жену, мою милую Мету, похитили! Я долженъ подняться вверхъ по рѣкѣ, я долженъ отыскать ее, и еслибы даже мнѣ пришлось явиться къ самому Абеду и вступить въ бой со всѣми этими разбойниками,—я все-таки спасу ее!

Бѣлая Борода былъ тронутъ этими словами.

— Успокойся, Томъ,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, еще она и сама вернется назадъ. Вѣроятно, она проглядѣла нашу лодку, и ожидаетъ гдѣ-нибудь на берегу. Еще не поздно. Если хочешь, поѣдемъ немножко въ лодкѣ вверхъ по Черной, хотя въ этомъ вовсе нѣтъ надобности!

— Господинъ,—вскричалъ Томъ,—вы хотите только утѣшить меня. Вы сами отлично знаете, что Мету похитили. О, проклятые вангваны!

Передъ воротами Чернаго замка раздались громкіе голоса и возбужденные крики. Въ ту-же секунду въ нихъ по-

казался Майгазинъ-баки со своими двумя спутниками и съ какимъ-то негромъ.

— Господинъ,—кричалъ онъ еще издали, мы встрѣтили этого человѣка по дорогѣ. Онъ хочетъ! сообщить вамъ что-то важное!

— Подойдите ближе!—приказалъ Бѣлая Борода.

Майгазинъ-баки вошелъ съ негромъ въ пространство, освѣщенное огнями. При видѣ этого негра, Бѣлая Борода и Томъ въ одинъ голосъ воскликнули:

— Моари!

Да, передъ ними стоялъ плѣнникъ Абеда: его можно было сейчасъ же узнать по страшному, уродливому шраму, пересѣкавшему весь лобъ. Увидѣвъ Бѣлую Бороду, онъ распростерся передъ нимъ во весь ростъ на землѣ и остался въ этой приниженной позѣ. Чего хотѣлъ этотъ плѣнникъ? Какую важную вѣсть принесъ онъ съ собой?

— Моари!—приказалъ ему Бѣлая Борода, встань и отвѣчай мнѣ: что привело тебя ко мнѣ?

Плѣнникъ повиновался только отчасти и отвѣчалъ, стоя на колѣняхъ:

— Великій чародѣй, освободившій меня изъ когтей леопарда! Ты знаешь, что ненавистный арабъ, назвавшійся твоимъ братомъ, сжегъ нашу деревню и увелъ насъ въ плѣнъ. Одинъ разъ ты уже спасъ меня отъ смерти: освободи-же и теперь отъ страданій, которыхъ я не въ силахъ больше переносить! Сжалься надо мною и защити меня! Я убѣжалъ отъ моихъ мучителей!

Бѣлая Борода сдвинулъ брови. Конечно, ему жаль было этого несчастнаго, но тотъ былъ плѣнникомъ Абеда, а по африканскимъ обычаямъ нельзя было брать подъ свою защиту убѣжавшихъ. Исполнить его просьбу, значило нажить себѣ врага въ лицѣ Абеда и Сагорро, а онъ не зналъ, насколько силенъ былъ отрядъ Сагорро и можетъ-ли онъ бороться съ нимъ. Рабство было еще въ полной силѣ въ деревняхъ по рѣкѣ Черной, и если Бѣлая Борода онъ не отдастъ Моари Абеду, то вожди окрестныхъ мѣстъ сочтутъ этотъ посту-

покъ за нарушеніе права. Тогда мѣстные жители перестанутъ смотрѣть на него, какъ на справедливаго человѣка. Было-бы слишкомъ неблагоразумно такъ рѣзко возставать противъ укоренившихся обычаевъ страны и оскорблять этимъ мѣстныхъ негровъ, довѣріе и расположеніе которыхъ были ему въ настоящее время особенно цѣнны. Вѣдь нельзя ввести въ страну культуру и болѣе мягкіе нравы сразу однимъ ударомъ. Въ настоящее время всѣ старанія Бѣлой Бороды должны были, къ сожалѣнію, ограничиться только тѣмъ, чтобы мѣшать разграбленію деревень и уведенію людей въ неволю. О полномъ-же уничтоженіи рабства еще не могло быть и рѣчи въ этой темной части свѣта, куда еще едва только началъ проникать свѣтъ цивилизаціи.

Поэтому Бѣлая Борода отвѣтилъ:

— Моари, Абедъ потребуетъ твоей выдачи и я не въ силахъ буду отказать ему. Совѣтую тебѣ вернуться добровольно къ твоему господину. Если ты это сдѣлаешь, то отдѣлаешься меньшимъ наказаніемъ.

Слова эти подѣйствовали на плѣннаго угнетающимъ образомъ; голова его опустилась на грудь и онъ остался неподвижно стоять въ этомъ положеніи.

— Моари! — сказалъ Томъ, подходя къ нему. — Не видалъ-ли ты женщины на берегу рѣки?

— Но Моари молчалъ, стоя въ своей неподвижной позѣ и не двигая ни однимъ мускуломъ.

— Моари!—проговорилъ Томъ громче.—Развѣ ты не слышалъ, о чемъ я спрашиваю тебя? Видали вы женщину на берегу?

Плѣнный поднялъ глаза на Тома и равнодушно отвѣтилъ:

— Вангваны похитили недалеко отъ вашей деревни какую-то женщину. Должно быть, это жена вождя, потому что одѣта въ богатыя одежды.

Томъ испустилъ отчаянный крикъ и сталъ рвать на себѣ волосы. Итакъ, самыя худшія изъ его опасеній оправдались! Какъ обращаются со своей плѣнницей эти варвары?

Чего только не придется ей вынести, бѣдняжкѣ! О, Мета, милая Мета!

Бѣлая Борода сдѣлалъ шагъ впередъ и быстро спросилъ:

— Разскажи, Моари, какъ это случилось?

Плѣнникъ началъ свой разсказъ:

— Вы такъ далеко отъѣхали отъ насъ, что мы, наконецъ, потеряли васъ изъ виду. Тогда вангваны повернули назадъ, чтобы посмотрѣть на лагерь Бѣлаго. Мы доѣхали до конца лѣса, и передъ нами открылся вашъ городъ на холмѣ, окруженный стѣнами. У берега стояли, какъ намъ показалось, вооруженные люди, и вангваны побоялись плыть дальше. У опушки лѣса мы вышли на берегъ, чтобы отдохнуть. Вангваны все время смотрѣли, не отрываясь, на вашъ городъ. Видно было, что они никакъ не ожидали встрѣтить здѣсь такого укрѣпленнаго мѣста, и старались запомнить хорошенько всѣ подробности его, чтобы разсказать потомъ Абеду; я слышалъ, какъ часто упоминали его имя, а также имя Бѣлой Бороды. Спустя немного мы увидѣли женщину, которая шла по направленію къ намъ вдоль берега. Кромѣ нея далеко кругомъ не видно было ни души. Вангваны близко пододвинулись другъ къ другу и оживленно зашептали; затѣмъ они приказали намъ сидѣть тихонько, пока женщина не подойдетъ къ намъ, а потомъ разспросить ее, чей этотъ городокъ, сколько бѣлыхъ живетъ въ большомъ домѣ, много-ли у нихъ солдатъ и переносчиковъ; сами-же они скрылись въ кустахъ. Женщина подошла къ намъ безо всякаго опасенія, такъ какъ при насъ не было оружія. Къ нашему удивленію, она спросила насъ на языкѣ, который мы хорошо знали,—не видали-ли мы лодки съ бѣлымъ. Мы отвѣчали утвердительно и затѣмъ хотѣли подвергнуть ее допросу, какъ намъ было приказано; но не успѣли мы обмѣняться съ ней и нѣсколькими словами, какъ вангваны выскочили изъ кустовъ, схватили испуганную женщину, заткнули ей хорошенько ротъ и крѣпко связали ее. Затѣмъ ее перенесли въ лодку, и мы поплыли вверхъ по рѣкѣ. Вангваны весело хохотали и были

очень довольны своей продѣлкою. Но старшій изъ нихъ опасался, повидимому, встрѣчи съ вами и часъ спустя приказалъ намъ пристать къ берегу. Лодку спрятали въ камышѣ у берега, и мы пѣшкомъ отправились черезъ лѣсъ въ лагерь Абеда. Такъ какъ плѣнница наша сначала не хотѣла идти, то ее тащили силой, подгоняя пинками и ударами, пока она не сочла за лучшее идти добровольно. Между тѣмъ наступила ночь, и въ лѣсу стало такъ темно, что мы едва могли видѣть другъ друга. Плѣнницу вели на веревкѣ, чтобы она не убѣжала. Часто приходилось намъ обходить свалившіяся деревья. Одинъ разъ при этомъ я потерялъ изъ виду своихъ спутниковъ и съ трудомъ нашелъ ихъ снова. Это навело меня на мысль о бѣгствѣ. Раздумывать долго было некогда. Намъ предстояло перебираться черезъ ручей по стволу дерева; я отсталъ отъ другихъ и, когда вангваны переправились на другой берегъ, скользнулъ въ лѣсъ. Пробираясь черезъ колючій кустарникъ, я ранилъ себѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣло, но мнѣ некогда было останавливаться, чтобы унять кровь. Пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, я остановился. Я слышалъ, какъ меня звали, но не отвѣчалъ, а бросился бѣжать въ противоположномъ направленіи. Голоса затихли и никто меня не преслѣдовалъ. Повидимому, вангваны не хотѣли пускаться въ погоню въ незнакомомъ лѣсу. Я-же, съ своей стороны, бѣжалъ изъ всѣхъ силъ, прокладывая себѣ дорогу черезъ терновникъ, ручьи, пока, наконецъ, не добрался опять до рѣки и вашего городка. Великій чародѣй,—трогательно прибавилъ затѣмъ плѣнный,—сжалься надо мной! Спаси меня еще разъ!

Въ то время, какъ Моари описывалъ похищеніе Меты, Томъ велъ себя, какъ безумный; онъ сжималъ кулаки, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ:

— Господинъ, господинъ, дайте мнѣ кого-нибудь изъ гауссовъ и балубовъ. Я накажу достойнымъ образомъ этого негодяя Абеда, я уничтожу вангвановъ! Если никто не согласится пойти со мной, то я и одинъ отправлюсь въ лагерь къ этимъ проклятымъ людямъ, торгующимъ человѣче-

скимъ мясомъ! О, пустите, пустите меня, господинъ! Я долженъ вернуть свою жену!

Бѣлая Борода, зная, что дружескія увѣщанія теперь не у мѣста, не прерывалъ бурныхъ изліяній Тома, а только сказалъ, обращаясь къ Моари.

— Оставайся пока здѣсь, завтра ты узнаешь, къ какому рѣшенію я пришелъ!

Затѣмъ онъ еще разъ приказалъ Майгазинъ-баки созвать вождей на завтра утромъ, и когда тотъ удалился, схватилъ Тома за руку и сказалъ ему:

— Что ты кричишь, точно малое дитя? Я не узнаю моего мужественнаго Тома!

— Развѣ такъ надо переносить христіанину невзгоды, которыя посылаетъ ему судьба? Завтра рано утромъ я самъ отправлюсь въ лодкѣ къ Абеду и употреблю всѣ старанія, чтобы освободить Мету. Это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Бѣлой Бородой!

— Господинъ!—вскричалъ Томъ.—Къ чему намъ ждать завтрашняго утра? Ночь еще такъ велика! Кто знаетъ, что можетъ случиться за это время? Поѣдемъ сейчасъ-же и нападемъ на лагерь Абеда врасплохъ среди темной ночи!

— Томъ,—остановилъ его Бѣлая Борода.—Развѣ ты забылъ, что я принадлежу къ бѣлымъ людямъ? Я попробую сначала уладить это дѣло мирнымъ путемъ. Или ты думаешь, что у Абеда и Сагорро хватитъ мужества отказать мнѣ въ выдачѣ Меты?

— А если они рѣшатся и на это? Что тогда господинъ?

— Тогда я освобожду Мету съ оружіемъ въ рукахъ: вѣдь она христіанка. Довѣрься мнѣ, Томъ!

Глаза Тома засіяли. Онъ съ благодарностью пожалъ руку Бѣлой Бородѣ и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться разсвѣта.

VI. Арабъ въ роли друга.

Солнце искрилось и сверкало въ краснобурыхъ волнахъ мощнаго Конго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадала рѣка Черная, на немъ не было островов и открытое водное пространство въ четыре версты шириной представляло величественное зрѣлище. Этимъ грандiознымъ видомъ залюбовался и человѣкъ съ желтой кожей лица, который вышелъ изъ чащи лѣса въ сопровожденiи нѣсколькихъ вооруженныхъ негровъ.

— Конго!—прошепталъ онъ, не будучи въ силахъ отвести глазъ отъ пѣнящихся и искрящихся волнъ.—Наконецъ-то, я могу привѣтствовать тебя, желанный Конго! Цѣль моихъ стремленiй достигнута!

Затѣмъ онъ подошелъ къ самой водѣ, опустился на колѣни и—по обычаю африканскихъ народовъ—помочилъ себѣ водой грудь и лобъ. Когда онъ поднялся съ земли, негры тоже подошли къ берегу и совершили, въ свою очередь, туже процедуру. Потомъ одинъ изъ нихъ приблизился къ арабу и сказалъ, поднимая вверхъ руку:

— Тамъ, на сѣверѣ, лежитъ лагерь бѣлаго человѣка. Виденъ домъ и флагъ. И этотъ бѣлый—Бѣлая Борода, другъ негровъ, заключившiй дружбу съ сосѣдними вождями. Онъ думаетъ защищать ихъ отъ всякихъ нападенiй.

Сагорро улыбнулся.

— Они били въ барабаны всю ночь напролетъ—точно также, какъ тѣ дикари въ деревняхъ по берегу Моари. И судьба ихъ ждетъ та-же самая, съ той только разницей, что здѣсь можно будетъ захватить еще больше добычи, такъ какъ негры здѣсь богаче. Да, ихъ деревнямъ не избѣжать тойже участи, которая постигла деревню вакуссовъ. Но такъ какъ „великiй чародѣй“ основался здѣсь, то намъ надо измѣнить нашу военную тактику, Прежде всего, надо, при его содѣйствiи, раздобыть хорошихъ лодокъ, такъ какъ намъ придется теперь разъѣзжать по этой величавой рѣкѣ. Сту-

пай поэтому къ нашимъ вангванамъ и скажи имъ, чтобы они вели себя мирно и были съ Бѣлой Бородой въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ догадываться о нашихъ намѣреніяхъ. А между тѣмъ я въ тоже время посѣщу Бѣлую Бороду: онъ, быть можетъ, сообщитъ мнѣ что-нибудь подробнѣе о пребываніи Абеда въ этихъ мѣстахъ.

Сагорро, въ сопровожденіи вангвановъ, отправился въ ближайшую деревню, гдѣ вождемъ былъ Крокодилъ. Сначала его приняли очень непривѣтливо: воины заступили ему дорогу и требовали, чтобы онъ вернулся назадъ; но скоро ему удалось склонить негровъ на свою сторону: онъ указалъ рукой на Черный замокъ и сказалъ, что желаетъ проѣхать къ Бѣлому человѣку, для чего и проситъ снабдить его лодками. Эти слова сейчасъ-же измѣнили положеніе дѣла. Негры подумали, что онъ хорошъ съ Бѣлой Бородой, и почувствовали къ нему то довѣріе, которое внушалъ имъ до сихъ поръ Бѣлый человѣкъ. Сагорро повели къ вождю и тотъ поѣхалъ съ нимъ въ лагерь Бѣлаго. Дорогой ему удалось узнать больше, чѣмъ онъ ожидалъ: его приняли за друга Бѣлой Бороды и сообщали ему все, что только знали о томъ. Сагорро ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что та шайка, которая засѣла въ соляныхъ деревняхъ, была отрядомъ Абеда, съ которымъ онъ долженъ былъ соединиться на берегу Конго. Ему подробно разсказывали, какъ сожжены были до тла эти деревни, а жители ихъ частью взяты въ неволю, частью-же бѣжали въ лѣса, гдѣ, вѣроятно, скрываются теперь въ какихъ-нибудь непроходимыхъ болотахъ, боясь преслѣдованія. Впрочемъ, Абедъ встрѣтилъ, повидимому, сильный отпоръ, такъ-что Сагорро во время явился къ нему на помощь.. Но въ настоящее время всякая вражда должна была разсѣяться.

На берегу Сагорро увидѣлъ своего вѣрнаго Абеда съ нѣсколькими вангванами. Оказалось—противно всякимъ ожиданіямъ,—что Абедъ уже рано утромъ отправилъ посла въ Черный замокъ передать Бѣлой Бородѣ, что его вангваны

дѣйствовали совершенно произвольно и похитили женщину безъ его приказанія, что онъ строго выговарилъ своимъ людямъ за такое самовольство и сейчасъ-же явится въ Черный замокъ, чтобы вернуть жену Тома; что, наконецъ, ни онъ, ни Сагорро и въ мысляхъ не имѣютъ жить во враждѣ съ Бѣлой Бородой.

И дѣйствительно, Абедъ пришелъ въ Черный замокъ и Мета была возвращена своему мужу, который былъ на седьмомъ небѣ отъ счастья.

— Томъ, — сказалъ ему Абедъ, — я слишкомъ люблю тебя, старый дружище, чтобы причинить тебѣ какое нибудь зло!

Бѣлая Борода былъ внутренно очень доволенъ благополучнымъ и мирнымъ окончаніемъ непріятнаго инцидента, такъ какъ далеко не былъ увѣренъ въ томъ, чтобы ему удалось, съ помощью своихъ людей, силою освободить изъ плѣна Мету: силы враговъ не были ему хорошо извѣстны, и у него было даже подозрѣніе, что Сагорро скрывается гдѣ нибудь недалеко и явится къ Абеду на помощь, когда это будетъ нужно. Но въ разговорѣ съ Абедомъ онъ твердо стоялъ на томъ, что тотъ долженъ искупить вину своихъ людей и вознаградить его чѣмъ нибудь за ихъ дерзкій поступокъ. Желая отложить это искупленіе въ долгій ящикъ, Абедъ сказалъ:

— Вотъ подождите, скоро придетъ Сагорро: онъ нашъ господинъ и назначитъ вамъ вознагражденіе.

Въ эту секунду вангваны стали кричать на берегу:— „Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха!“—и прыгать отъ радости, указывая на лодку вождя Крокодила, приближавшуюся къ пристани. Абедъ обернулся въ ту сторону и въ свою очередь закричалъ:

— Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха! Сагорро, Сагорро! — Затѣмъ онъ поспѣшилъ къ берегу и по водѣ пошелъ на встрѣчу къ своему господину. Вождь Крокодилъ вышелъ на берегъ и присоединился къ другимъ вождямъ, стоявшимъ въ сторонѣ, а Сагорро и Абедъ еще долго сидѣли въ лодкѣ, го-

рячо бесѣдуя другъ съ другомъ. Только много времени спустя Сагорро поднялся, наконецъ, и двинулся на берегъ, чтобы поздороваться съ Бѣлой Бородой. Онъ умѣлъ ловко говорить и весь видъ его и обращеніе отличались изысканной любезностью и вѣжливостью. Съ тонкой улыбкой протянулъ онъ Бѣлой Бородѣ руку и сказалъ:

— Да будетъ миръ между нами! Мои вангваны оскорбили тебя и ты требуешь вознагражденія. Я охотно дамъ тебѣ его. Выскажи свои требованія, потому что раньше, чѣмъ мы о чемъ-нибудь будемъ толковать съ тобой, между нами должна исчезнуть всякая тѣнь недоразумѣнія. Я пришелъ сюда только съ мирными намѣреніями, и ты скоро самъ убѣдишься въ этомъ. Я все сказалъ, теперь твоя очередь говорить!

— Я, съ своей стороны, тоже хочу мира, одного только мира. Вознагражденіе, котораго я требую за нанесенное мнѣ оскорбленіе, невелико. Ты знаешь деревни, что лежатъ по берегу Моари; я былъ тамъ раньше тебя и спасъ одного человѣка изъ когтей леопарда, а затѣмъ зашилъ его рану и радовался, что этотъ несчастный остался въ живыхъ, и что мнѣ удалось сдѣлать доброе дѣло. Этотъ человѣкъ привязался ко мнѣ. Вчера онъ снова встрѣтился со мною, такъ какъ онъ твой плѣнникъ, Сагорро, и ты долженъ помнить его, потому что у него огромный шрамъ на лбу, который бросается въ глаза. Этотъ негръ убѣжалъ ночью отъ твоихъ вангвановъ и пришелъ ко мнѣ, спасшему ему когда-то жизнь. Я бы хотѣлъ оставить его у себя. Отдай его мнѣ! Если ты сдѣлаешь это, Сагорро, то между нами исчезнетъ всякая тѣнь недоразумѣнія.

Сагорро снова улыбнулся и сказалъ, устремляя свои черные глаза на Бѣлую Бороду:

— Сколькими-бы рабами я ни пожертвовалъ, чтобы пріобрѣсти твою дружбу! Человѣка этого зовутъ Моари. Дѣлай съ нимъ, что хочешь. Съ этой минуты онъ твой!

Затѣмъ онъ еще разъ протянулъ руку Бѣлой Бородѣ и прибавилъ:

— Миръ и дружба должны соединять крѣпость Бѣлаго и лагерь араба. И еще одно! Ты заключилъ союзъ съ вождями, которые стоятъ тамъ,—и я буду чтить твоихъ друзей. Я хочу жить по сосѣдству съ вами, какъ мирный гость, и запрещу своимъ людямъ всякій грабежъ. Скажи объ этомъ самъ этимъ вождямъ, которыхъ ты созвалъ сюда. Пускай они относятся ко мнѣ съ такимъ-же довѣріемъ, какъ и къ тебѣ, такъ какъ я твой другъ, и всѣ должны это знать. Но не думай, чтобы я поступалъ такъ изъ трусости или изъ сознанія своей слабости: не считая отряда Абеда, со мной пришла еще сотня вооруженныхъ ружьями воиновъ, храбростью которыхъ я могу справедливо гордиться; ты скоро и самъ увидишь ихъ. Нѣтъ, я дѣлаю такъ только ради того, чтобы между нами царствовали миръ и дружба!

Бѣлая Борода и Сагорро пожали другъ другу руку, но это не было дружескимъ пожатіемъ. Они обмѣнялись долгими взглядами, точно желая прочесть, что лежитъ на душѣ у другаго. Какъ ни былъ Сагорро любезенъ, Бѣлая Борода не могъ ни на секунду забыть, что имѣетъ дѣло съ торговцемъ невольниками, и чувствовалъ невольное отвращеніе къ этому человѣку, за дружескими словами котораго скрывались личныя выгоды и интересы, если только вообще все это не было выраженіемъ мимолетнаго расположенія духа или просто чисто внѣшней любезностью, которая свойственна арабамъ. Но, во всякомъ случаѣ, мирное настроеніе было гораздо пріятнѣе для Бѣлой Бороды, чѣмъ враждебныя отношенія, и онъ рѣшилъ пока выжидать дальнѣйшихъ событій. Надолго-ли хватитъ у Сагорро лицемѣрія скрывать свои истинныя чувства и планы?

Въ сосѣдствѣ съ деревней вождя Крокодила, носившаго бѣлую кирасcирскую куртку, Сагорро раскинулъ у самаго берега Конго свой лагерь. Онъ сдержалъ свое слово: люди его ничего не грабили и платили за съѣстные припасы, въ которыхъ нуждались. Большую часть рабовъ Сагорро отослалъ въ Ніангве, такъ что въ его лагерѣ сравнительно рѣдки были тѣ отвратительныя сцены, безъ которыхъ не

обходится ни одинъ лагерь торговцевъ невольниками. Самъ Сагорро часто приходилъ въ Черный замокъ и заставлялъ разсказывать себѣ про могущество бѣлыхъ людей, про различныя изобрѣтенія ихъ, про пароходы зарождающагося молодаго государства Конго и про миссіонерскую дѣятельность. Онъ выражалъ свою радость по поводу того, что европейцы обратили Конго въ широкій торговый путь, по которому можно было доставлять въ Атлантическій океанъ слоновую кость и другіе мѣстные продукты. Онъ былъ вѣжливъ, привѣтливъ, готовъ оказывать всевозможныя мелкія услуги, но, при всемъ желаніи, не могъ скрывать презрительной улыбки при видѣ того, какъ Бѣлая Борода старался — пока еще безуспѣшно—пріучить мѣстное населеніе къ сбору каучука. Самъ Сагорро не занимался такими ни къ чему ненужными мелочами; вниманіе его было обращено на другія вещи: такъ, онъ строилъ большія лодки, на которыхъ можно было-бы плавать по Конго. Въ этомъ помогалъ ему вождь Крокодилъ, который постепенно сдружился съ нимъ болѣе, чѣмъ съ Бѣлой Бородой, хотя съ первымъ у него и не было заключено никакого союза. И въ этомъ не было ничего удивительнаго: во-первыхъ, у нихъ было больше общихъ интересовъ, которые связывали ихъ все болѣе и болѣе тѣсными узами дружбы, а кромѣ того, Сагорро умѣлъ лучше благодарить за услуги, чѣмъ владѣлецъ Чернаго замка. Правда, Сагорро не дарилъ мундировъ и куртокъ, но онъ далъ вождю то, что составляетъ самое страстное желаніе всякаго негра: онъ открылъ складъ своего оружія, вынулъ оттуда длинное ружье и отдалъ его не вѣрившему своимъ глазамъ вождю. Затѣмъ онъ научилъ его, какъ надо заряжать ружье и стрѣлять изъ него, и Крокодилъ сразу почувствовалъ себя такимъ сильнымъ, благодаря обладанію этимъ оружіемъ, что сталъ смотрѣть свысока на всѣхъ остальныхъ вождей и даже на замокъ: вѣдь у него была грозная трубка, изрыгающая огонь и желѣзо! Даже и остальные мѣстные жители стали относиться къ людямъ изъ Чернаго замка съ замѣтно меньшимъ уваженіемъ: ружья тѣхъ были такія миніатюрныя и

тоненькія по сравненію съ массивнымъ оружіемъ арабовъ, что отрядъ европейца казался этимъ наивнымъ дѣтямъ природы хуже вооруженнымъ, чѣмъ люди Сагорро. Не прошло и двухъ недѣль, какъ ружья Бѣлой Бороды вызывали повсюду одно презрѣніе и насмѣшки. Моари, покупавшій въ деревнѣ Пантеры съѣстные припасы, слышалъ эти насмѣшки и съ полной убѣжденностью вступился за то оружіе, которое спасло ему жизнь и убило наповалъ леопарда.

— Поди ты, со своими хгалеными ружьями,—отвѣчали ему негры.—Все это пустое, и изъ такого ружья можно стрѣлять развѣ только въ маленькихъ птицъ. Чистая игрушка эти ружья, и убить ими человѣка нельзя!

Моари передалъ объ этомъ Бѣлой Бородѣ и тотъ замѣтилъ:

— Пусть ихъ себѣ болтаютъ, Моари. Все-же они еще хорошенько подумаютъ раньше, чѣмъ подставить себя подъ наши пули!

На другой день Бѣлая Борода долженъ былъ отправиться по дѣлу въ деревню, здѣсь окружили его на улицѣ мальчишки и стали кричать, прыгая около него:

— Выстрѣли-ка, Бѣлая Борода! Мы хотимъ посмотрѣть, бываетъ ли отъ этого больно!

Бѣлая Борода поднялъ палку и отогналъ назойливыхъ мальчишекъ; но при этомъ замѣтилъ, что взрослые стояли около своихъ домовъ и насмѣшливо улыбались. Онъ ясно видѣлъ, что упалъ во мнѣніи этихъ людей. Самъ онъ, не смотря на то, что много лѣтъ занимался охотой, не любилъ хвастаться своимъ искусствомъ; но онъ убѣдился теперь, что дикари были о немъ худшаго мнѣнія, чѣмъ онъ того стоилъ.

Выстроивъ Черный замокъ, онъ весь отдался уходу за растеніями и съ такимъ рвеніемъ обрабатывалъ землю, что совсѣмъ запустилъ охоту. Первое время обработка полей стоила ему большаго труда, и онъ, чтобы добиться какихъ-нибудь результатовъ, посвящалъ этому весь свой досугъ. И онъ не могъ считать это время потеряннымъ, такъ какъ

былъ вполнѣ вознагражденъ за свои труды. Въ окрестностяхъ получалъ онъ достаточное количество козъ, овецъ и куръ, чтобы прокормить своихъ людей, главную-же ихъ пищу составляла рыба, которую можно было имѣть въ большомъ количествѣ. Только иногда, когда подвертывался удобный случай, стрѣлялъ онъ для себя пару цесарокъ, и вообще сталъ смотрѣть на охоту, какъ на забаву и отдыхъ послѣ трудовъ. Не мудрено поэтому, что среди мѣстнаго населенія установилось такое низкое мнѣніе объ его миніатюрномъ ружьѣ; впрочемъ, скорѣе можно было предположить, что подобное мнѣніе распространилось благодаря стараніямъ людей Сагорро. Такъ вотъ, какова была непрочная дружба араба: онъ начиналъ уже интриговать и вооружать противъ него негровъ!

Но этимъ интригамъ очень легко было положить конецъ: можно было сдѣлать это всего цѣной ничтожнаго количества пороха, нужнаго для одного выстрѣла,—и тогда вся хитро задуманная ложь коварнаго араба разрушится сама собой. Онъ подошелъ къ дому Пантеры и вызвалъ его оттуда.

— Пантера, — обратился онъ къ нему, — я хочу убить бегемота!

Вождь смотрѣлъ на него во всѣ глаза, озадаченный его словами.

— Ну, да,—продолжалъ Бѣлая Борода,—и если хочешь поглядѣть, какъ бьютъ наши ружья, то пойдемъ со мной. Завтра съ разсвѣтомъ выѣдемъ мы на Конго.

Это было цѣлымъ событіемъ для чернокожихъ, и на другое утро до двадцати лодокъ отправилось сопровождать „Впередъ", и даже нѣсколько вангвановъ присоединились къ этому поѣзду. На разстояніи часа отъ впаденія рѣки Черной, Конго раздѣлялся на много рукавовъ, омывая своими волнами цѣлое царство островов. На этихъ островкахъ расли старые великаны-деревья, у ногъ которыхъ ютилась тропическая растительность во всемъ ея великолѣпіи; берега были усѣяны всевозможными водяными растеніями и походили мѣстами на настоящіе лужки. Болѣе крупные изъ

острововъ были заселены богатыми рыбачьими деревушками но на безчисленныхъ маленькихъ островкахъ, среди полной тишины, царила одна природа въ ея лучшихъ представителяхъ растительнаго и животнаго міра. Здѣсь собирались стаи водяныхъ птицъ и стада бегемотовъ. Къ этому-то царству островковъ, которыми такъ богатъ былъ Конго, и направлялась теперь флотилія Бѣлой Бороды съ его лодкой во главѣ.

Охотнику не пришлось долго ждать своей жертвы: на песчаной мели около одного изъ острововъ боролись два бегемота, а остальные плавали около нихъ въ волнахъ рѣки, не подозрѣвая близкой опасности. Лодка негровъ нарочно отстала немного, чтобы пропустить впередъ лодку Бѣлой Бороды, который подъѣхалъ близко къ бегемотамъ и увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ плылъ по теченію, какъ разъ по направленію къ неграмъ. Тогда онъ повернулъ лодку назадъ и поплылъ вслѣдъ за нимъ. Судьба, видимо, благопріятствовала ему: онъ могъ убить бегемота передъ самыми глазами многочисленныхъ зрителей. Отъ лодки Пантеры его раздѣляло около пятидесяти шаговъ. Приблизительно на серединѣ этого разстоянія вдругъ вынырнула изъ воды голова бегемота. Бѣлая Борода выстрѣлилъ. Выстрѣлъ изъ ружья того мелкаго калибра, каковъ былъ у него, могъ быть смертельнымъ для такого толстокожаго животнаго только въ томъ случаѣ, еслибы поразилъ самый мозгъ, но Бѣлая Борода былъ увѣренъ въ томъ, что не промахнулся. Животное медленно исчезало подъ водой. Глаза всѣхъ негровъ были устремлены на то мѣсто, гдѣ оно скрылось, но время шло, а бегемотъ не показывался на поверхности: онъ былъ пораженъ пулей на смерть!

— Пантера,—закричалъ Бѣлая Борода,—дарю тебѣ этого бегемота на жаркое, если ты захочешь его достать со дна. Если тебѣ мало этого, то попроси вангвановъ, чтобы они уложили на мѣстѣ другихъ бегемотовъ съ помощью своихъ длинныхъ ружей!

Затѣмъ онъ велѣлъ своимъ гауссамъ грести прямо къ

Черному замку. Онъ отлично зналъ, что оставилъ убитаго бегемота на растерзаніе волкамъ или гіенамъ въ образѣ людей и не испытывалъ ни малѣйшаго удовольствія быть свидѣтелемъ отвратительныхъ сценъ, которыя должны были сейчасъ разыграться.

Между тѣмъ лодки негровъ развернулись въ длинную цѣпь, охватившую половину рѣки по ея ширинѣ, и глаза всѣхъ жадно глядѣли, не выплыветъ-ли около нихъ трупъ животнаго. Въ теченіе цѣлаго часа дикари плыли внизъ по теченію вслѣдъ за хищными птицами, кружившимися надъ водой. Наконецъ, съ двухъ лодокъ раздался радостный вопль: изъ воды показался трупъ убитаго животнаго. На одну изъ ногъ его набросили веревку и съ торжествомъ потащили пойманную добычу въ деревню Пантеры. Здѣсь сейчасъ-же произошелъ дѣлежъ ея, причемъ господствовалъ полный безпорядокъ: негры кидались на бегемота, рѣзали и рвали мясо, сколько только могли ухватить. Пантера сыпалъ направо и налѣво удары своей палкой, но это мало помогало, и давка около убитаго животнаго прекратилась только тогда, когда отъ бегемота остались однѣ кости, точно его ощипала стая коршуновъ. Но за то въ каждой хижинѣ, гдѣ только лакомились теперь кусками мяса, раздавались похвалы по адресу маленькаго ружья Бѣлаго, которое однимъ выстрѣломъ поразило на смерть такое огромное животное, тогда какъ арабы и вангваны часто не попадали въ бегемотовъ изъ своихъ длинныхъ ружей. Никто не умѣлъ объяснить дѣйствія такого маленькаго оружія и, въ концѣ концовъ, всѣ пришли къ тому убѣжденію, что оно заколдованное и представляетъ изъ себя маленькаго божка. Во всякомъ случаѣ, репутація ружей мелкаго калибра была возстановлена среди мѣстнаго населенія къ великой досадѣ Абеда, пустившаго слухъ, что люди изъ Чернаго замка могутъ убивать своими ружьями однѣхъ птицъ. Это было однимъ изъ тѣхъ мелкихъ средствъ, съ помощью которыхъ лагерь араба пытался агитировать противъ Бѣлой Бороды. Но какъ ни ничтожны они были, они легко достигали своей цѣли, и Бѣлая Борода рѣшилъ, нако-

нецъ, внимательнѣе приглядываться къ поведенію араба. Теперь онъ чаще сталъ ходить на охоту и его ружье снова оглашало своимъ звукомъ первобытные африканскіе лѣса и богатыя дичью саванны. Постояннымъ его спутникомъ въ этихъ охотничьихъ экскурсіяхъ былъ Моари, отличавшійся ловкостью и умѣвшій также ставить силки, почему его посылали часто въ лѣсъ и одного.

VII Маленькая Питти.

Моари былъ на охотѣ. У него было съ собой ружье, но онъ рѣдко пускалъ его въ ходъ: дикарь вѣрнѣе попадалъ въ дичь изъ своего лука, а также ему очень везло и въ ловлѣ животныхъ силками, которые онъ ставилъ все дальше и дальше отъ дому, такъ какъ лѣсъ не угрожалъ никакими опасностями; сегодня онъ подошелъ уже почти къ самымъ Солянымъ деревнямъ, стоявшимъ разоренными. Не попался-ли въ западню буйволъ? Моари горѣлъ нетерпѣніемъ узнать это поскорѣе и быстро шелъ впередъ. Еще нѣсколько шаговъ — и вотъ, онъ уже около глубокой ямы. Очевидно, кто-то попался въ нее, потому-что хворостъ и вѣтки, которыми она была прикрыта, были поломаны съ одной стороны. Моари щелкнулъ отъ удовольствія языкомъ Славное мясо будетъ сегодня у нихъ за ужиномъ! Затѣмъ онъ взялся за ружье и вскричалъ:

— Ого! сегодня придется подстрѣлить буйвола!

Онъ подошелъ ближе и сталъ всматриваться черезъ небольшое отверстіе въ хворостѣ въ глубину ямы. Онъ смотрѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: то, что онъ увидѣлъ тамъ, оказалось вовсе не буйволомъ. Моари отложилъ въ сторону ружье и сталъ разбирать хворостъ. Когда, наконецъ, свѣтъ проникъ въ глубокую яму и освѣтилъ всѣ ея темные уголки, Моари могъ убѣдится въ томъ, что поймалъ дѣвочку негритянку. Бѣдняжка жалась въ ямѣ, дрожа отъ страха всѣмъ тѣломъ и устремивъ на Моари свои большіе глаза,

въ которыхъ выражался нѣмой ужасъ. И въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ лицо, украшенное безобразнымъ шрамомъ на лбу, не могло возбудить довѣрія; даже взрослая дѣвушка могла-бы испугаться его страшнаго вида. Моари покачалъ съ разочарованіемъ головой и нетерпѣливо вскричалъ:

— Эта дѣвушка мнѣ не нужна! Мы не смѣемъ имѣть рабовъ. Бѣлая Борода запретилъ мнѣ это, а онъ добрый и спасъ меня отъ смерти!

Дѣвочка не шевелилась ни однимъ мускуломъ, и Моари крикнулъ еще нетерпѣливѣе:

— Мнѣ-бы навѣрное удалось поймать буйвола, еслибы тебя не угораздило свалиться въ эту яму, глупая дѣвочка! Чего ты тамъ не видала? Вылѣзай-ка живѣй оттуда!

Но отвѣта не послѣдовало, и дѣвочка по прежнему сидѣла неподвижно.

— Не маленькая ужъ, можешь и сама выбраться изъ ямы,—продолжалъ кричать Моари.—Поднимайся-ка на ноги! Слышишь?

Дѣвочка приподнялась было съ земли, но сейчасъ-же снова упала, вскрикнувъ отъ боли.

— А, вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ Моари уже мягче.— Должно быть, ты повредила себѣ что нибудь. Ногу вывихнула, не правда-ли?

Дѣвочка молча кивнула головой. Тогда Моари протянулъ ей руку и сказалъ уже совсѣмъ добродушныхъ голосомъ:

— Ну, давай я тебѣ помогу!

Прибываніе въ темной ямѣ было, вѣроятно, такъ непріятно, что бѣдняжка преодолѣла даже страхъ передъ ужаснымъ Моари и протянула ему обѣ руки. Онъ крѣпко взялъ ихъ въ свои, и скоро пойманная въ ловушку дѣвочка очутилась наверху. Она облегченно вздохнула, но первое, на что упалъ ея взглядъ, было брошенное на землю ружье Моари. Тогда она снова задрожала всѣмъ тѣломъ отъ страха и, оставаясь лежать на землѣ, сложила руки вмѣстѣ, подняла голову

и такъ взглянула на своего избавителя, точно хотѣла сказать:

— „Не убивай меня!“

Моари улыбнулся, понявъ то, что ее мучило.

— Нѣтъ, дитя, — сказалъ онъ, — храбрый мужчина не убиваетъ беззащитнаго ребенка. Вставай и ступай домой!

Радость освѣтила лицо дѣвочки. Сѣрый цвѣтъ сразу сбѣжалъ съ ея щекъ и замѣнился темно-коричневымъ. Для Моари также ясно было значеніе этой перемѣны красокъ, какъ для насъ—румянецъ, выступающій на поблѣднѣвшемъ лицѣ. Но какъ ни старалась дѣвочка вскочить и убѣжать, ей не удавалось встать на ноги.

— Пожалуй дѣло и вправду плохо,—замѣтилъ Моари.— Покажи-ка свою ногу!

Онъ придалъ при этомъ своему лицу важную мину: негръ былъ большого мнѣнія о своихъ хирургическихъ познаніяхъ, такъ какъ всякій разъ, когда Бѣлую Бороду звали къ больнымъ неграмъ, или когда онъ удачно лечилъ переломы или вывихи, Моари обыкновенно сопровождалъ его и пріобрѣлъ за это время нѣкоторыя познанія по хирургіи, которымъ придавалъ большое значеніе. Вотъ почему онъ съ полной серьезностью ощупалъ больную ногу негритянки, сгибая ее во всѣхъ суставахъ и не обращая вниманія на болѣзненные крики своей маленькой паціентки; наконецъ, онъ сказалъ съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Это мы знаемъ! Тутъ ничего особеннаго нѣтъ. Нога всего только вывихнута. При покоѣ все это вылечится въ какіе-нибудь два дня. Я пришлю къ тебѣ Бѣлую Бороду. Но изъ какой ты деревни и какъ зашла такъ далеко въ лѣсъ? Должно быть, заблудилась, такъ вѣдь?

Дѣвочка снова пришла въ замѣшательство и не отвѣчала. Моари внимательнѣе поглядѣлъ на нее, всматриваясь въ татуировку ея лица.

— А,—вскричалъ онъ вдругъ,—ты должно-быть изъ племени іаунговъ, изъ Соляныхъ деревень?

И на этотъ разъ маленькая негритянка ничего не отвѣ-

тила, только цвѣтъ ея лица, сдѣлавшійся изъ темно-коричневаго сѣрымъ, далъ знать Моари, что онъ не ошибся.

— Такъ ты, значитъ плѣнница Сагорро! Ты убѣжала отъ него, такъ вѣдь?

Снова никакого отвѣта! Дѣвочка, видимо, испытывала смертельный ужасъ и не могла произнести ни одного слова. Тогда въ памяти Моари воскресло вдругъ воспоминаніе о послѣдней ночи, проведенной имъ на его родинѣ. Ему казалось, что онъ видитъ свою родную деревню, объятую пламенемъ, и дикихъ вангвановъ на освѣщенныхъ пожаромъ улицахъ; въ ушахъ его раздавались крики ужаса его братьевъ и сестеръ. Онъ положилъ руку на плечо дѣвочки и ласково спросилъ ее:

— Какъ тебя зовутъ?

— Питти!—едва слышно прозвучало въ отвѣтъ.

— Такъ значитъ ты не нѣмая, Питти,—сказалъ Моари съ улыбкой.—Отвѣчай-же мнѣ на мои вопросы, чтобы я могъ доставить тебя къ твоимъ іаунгамъ!

Маленькая негритянка снова измѣнилась въ лицѣ и вскричала:

— Правду-ли ты говоришь?

— Питти,—отвѣчалъ Моари,—я всей душой ненавижу тѣхъ людей, которые сожгли вашу деревню въ ту ужасную ночь и обратили васъ въ своихъ рабовъ. Я ихъ ненавижу, потому-что они точно также и меня взяли въ плѣнъ!

— Такъ ты тоже хочешь бѣжать отъ нихъ?—спросила Питти.

— Я?—вскричалъ съ удивленіемъ Моари.

— Ну, да, развѣ ты не плѣнникъ ихъ? Развѣ не имъ принадлежитъ это страшное оружіе, которое ты носишь?—сказала Питти, указывая рукой на ружье.

Моари покачалъ головой.

— Теперь у меня другой господинъ, Питти. Развѣ вы не слыхали про Бѣлаго, который поселился около устья рѣки Черной?

— Онъ—другъ араба!

Моари улыбнулся.

— Что ты говоришь! Нѣтъ, онъ нашъ другъ. Смотри, онъ освободилъ меня: я бѣжалъ къ нему отъ вангвановъ, которые всячески мучили меня въ плѣну, и доволенъ теперь своей судьбой. Но ты не понимаешь этого, потому что еще слишкомъ глупа, такъ какъ навѣрное слышала обо всемъ этомъ въ лагерѣ Сагорро.

Затѣмъ онъ взялъ руку дѣвочки и сталъ внимательно разсматривать ее.

— Э,—произнесъ онъ наконецъ,— да ты вовсе не невольница араба. Видно, что ты не носила еще цѣпей: на рукахъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ отъ нихъ.

Онъ ударилъ себя по лбу и вскричалъ:

— Такъ вы скрываетесь гдѣ-нибудь тутъ, въ лѣсу? Скажи-же, гдѣ вашъ лагерь, чтобы я могъ доставить тебя туда!

Но дѣвочка опять смутилась и молчала. Моари внимательно наблюдалъ за ней нѣсколько минутъ и, наконецъ, одобрительно кивнулъ головой.

— Вполнѣ естественно,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Она не хочетъ выдать ихъ убѣжища. Но и то вѣрно, что не можетъ-же она оставаться въ лѣсу одна!

Подумавъ немного, онъ пододвинулся ближе къ дѣвочкѣ и сталъ разсказывать ей страшныя исторіи про лѣсныхъ чудовищъ, какія только приходили ему въ голову; леопардъ игралъ въ нихъ главную роль и Моари показалъ даже на свои глубокіе шрамы на лбу и лѣвой рукѣ, которые подтверждали истину его словъ. Особенно-же напиралъ онъ на то, что она не въ силахъ идти и можетъ даже умереть съ голоду въ лѣсу. Это запугиваніе помогло, какъ нельзя лучше. Питти сдѣлалась болѣе сообщительной и сказала, наконецъ, Моари, что іаунги скрываются въ болотахъ за Соляными деревнями и что они вернутся въ свои бывшія деревни только тогда, когда разбойники уберутся изъ этихъ мѣстъ. Тогда Моари посадилъ дѣвочку къ себѣ на плечо и отправился по указанному пути, пока не подошелъ къ болоту.

— Не иди дальше, — стала просить Питти, — наши

люди убьютъ тебя! Они не подпускаютъ никого близко къ лагерю!

Но Моари не испугался этого: совѣсть его была спокойна, и онъ шелъ все дальше и дальше по узкой тропинкѣ среди болота. Ему хотѣлось не только передать ребенка іаунгамъ, но и уговорить ихъ вернуться въ свои деревни и встать подъ защиту Бѣлой Бороды. Бѣлая Борода хотѣлъ передъ самымъ приходомъ араба вступить съ іаунгами въ дружескія сношенія; то, чего онъ не успѣлъ сдѣлать тогда, можно было еще наверстать теперь. — Не прошелъ онъ и тридцати шаговъ по тропинкѣ, какъ нѣсколько воиновъ заступило ему дорогу, выхватили у него изъ рукъ дѣвочку и схватили его самого. Моари не сопротивлялся: онъ зналъ, что, въ концѣ концовъ, дѣло разъяснится и онъ разстанется съ іаунгами самымъ дружескимъ образомъ. Воины стали разспрашивать дѣвочку и когда узнали отъ нея, какъ было дѣло, то выпустили Моари на свободу. Тогда онъ сталъ развивать передъ ними свои взгляды, но іаунги очень скоро прервали его словами:

— Мы знаемъ уже людей съ трубками, изъ которыхъ, выходитъ огонь; они стрѣляютъ въ насъ мягкимъ желѣзомъ, но насъ не такъ-то легко провести! Мы и слышать не хотимъ объ васъ! Ступай отсюда, мы все равно не вѣримъ твоимъ словамъ. Мы чувствуемъ себя въ безопасности въ этихъ болотахъ и не позволимъ никому выманить насъ отсюда пустыми обѣщаніями!

Напрасно Моаря превозносилъ доброту Бѣлой Бороды, напрасно разсказывалъ онъ, какъ щедро одѣлилъ тотъ подарками вождей другихъ племенъ. Іаунги насмѣшливо отвѣчали ему:

— Ну, и заключайте съ ними дружбу! А мы то знаемъ ей цѣну. Смотрите только, какъ бы ваши черепа не очутились въ храмѣ фетиша!

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Моаре, любопытство котораго было возбуждено.

— Убѣдись въ этомъ на себѣ самомъ!—отвѣчали іаунги.—

О, можно многому научиться въ священной рощѣ! Мы, іаунги, чувствуемъ отвращеніе къ этимъ людямъ.

— Такъ вы желаете оставаться здѣсь, въ болотахъ, и не вступать въ дружбу съ Бѣлой Бородой?—еще разъ обратился Моари къ іаунгамъ.

Тогда одинъ изъ воиновъ выступилъ впереди и сказалъ, поднявъ вверхъ руку.

— Если ты снова придешь къ намъ и скажешь, что ваши трубки, извергающія огонь, поразили на смерть вангвановъ, какъ они сломили насъ; если придешь къ намъ и скажешь: „На берегу Черной свирѣпствуетъ война; Бѣлая Борода убиваетъ ненавистныхъ разбойниковъ,—тогда мы придемъ туда, чтобы кровью отомстить за себя и своихъ, тогда ты увидишь, что мы можемъ еще выставить многихъ воиновъ, мы явимся со многими лодками и ты увидишь, что мы можемъ быть храбрыми. Но вы ведете дружбу съ арабомъ. Это мы знаемъ! А съ друзьями разбойниковъ у насъ нѣтъ и не будетъ ничего общаго! Здѣсь мы въ безопасности. Наши стрѣлы напитаны быстродѣйствующимъ ядомъ, и не успѣете вы дойти до нашего лагеря, какъ будете убиты. Передай это твоему господину и ступай своей дорогой!

— Іаунги,—возразилъ Моари,—вѣдь вы же видите, что мы не разбойники, что мы не уничтожаемъ вашихъ деревень, а живемъ съ неграми въ мирѣ и дружбѣ. Вѣдь иначе я бы похитилъ маленькую Питти, а я принесъ ее къ вамъ!

— Это мы знаемъ!—сказали іаунги.—Отлично знаемъ! Теперь вы хороши съ нами и привѣтливы. Но развѣ это не хитрость съ вашей стороны, чтобы привлечь насъ къ себѣ? Иди, иди своей дорогой! Если вы дѣйствительно такъ добры, какими представляетесь, то убейте сначала злодѣевъ вангвановъ, и какъ только вы это сдѣлаете, мы станемъ вашими друзьми. А пока мы вамъ не вѣримъ. Мы все сказали,—теперь уходи отъ насъ!

Моари ничего не оставалось, какъ уйти. Поздно ночью вернулся онъ въ Черный замокъ и разсказалъ Бѣлой Бородѣ, какую удивительную дичь поймалъ онъ въ лѣсу и

какъ открылъ затѣмъ убѣжище скрывавшихся въ лѣсу іаунговъ. Тотъ горько усмѣхнулся и сказалъ:

— Не говори никому о томъ, что видѣлъ, потому что, если вангваны узнаютъ объ этомъ, то отыщутъ іаунговъ въ ихъ болотахъ и перебьютъ ихъ или возьмутъ въ плѣнъ.

И Моари не сказалъ больше никому о маленькой Питти и іаунгахъ, но самъ еще долго вспоминалъ свой разговоръ съ ними. Особенно не давала ему покоя священная роща негровъ. И онъ рѣшилъ тайкомъ отъ всѣхъ розыскать ее и посмотрѣть, какія таинственности скрывались въ тишинѣ ея деревьевъ.

Разъ вечеромъ вернулся онъ домой раньше обыкновеннаго и отправился сейчасъ-же къ Бѣлой Бородѣ, чтобы сообщить ему одну важную вещь.

— Въ дремучемъ лѣсу, на правомъ берегу рѣки Черной стоялъ въ священной рощѣ простой соломенный храмъ. Въ этомъ храмѣ хранился главный фетишъ всей страны, — божокъ, котораго никто не смѣлъ видѣть, кромѣ стараго знахаря, охранявшаго его и жившаго около храма въ маленькой хижинѣ вмѣстѣ съ невольницей. Окрестные негры приходили къ нему отъ времени до времени, спрашивая совѣта въ важныхъ случаяхъ жизни и прося помощи отъ разныхъ болѣзней. То и другое они получали отъ своего божка и съ своей стороны одаривали знахаря козами, курами, пальмовымъ виномъ и прочими съѣстными припасами. Мѣстные жители могли входить въ священную рощу, но не шли дальше домика знахаря. Таковъ былъ обычай, заведенный съ незапамятныхъ временъ, точно также строго соблюдался и законъ относительно иностранцевъ: всякій чужестранецъ, переступившій порогъ Священной рощи, наказывался за этотъ проступокъ смертью.

Власть знахаря была громадна, и даже четыре извѣстныхъ намъ вождя, носившихъ имена звѣрей, склонялись передъ его авторитетомъ. Война-ли начиналась—сейчасъ-же шли за изреченіемъ оракула, чтобы узнать, будетъ ли она удачной; домовые-ли пошаливали въ деревнѣ—опять обра-

щались къ помощи божка, который и усмирялъ ихъ; умиралъ кто нибудь — посылали за знахаремъ, чтобы узнать, околдованъ былъ покойникъ или отравленъ; обыкновенно, къ общему удовольствію, виновный отыскивался, и знахарь назначалъ для него наказаніе, которые и приводилось въ исполненіе безъ всякихъ возраженій.

Этотъ „докторъ съ Конго", какъ величалъ его Бѣлая Борода, являлся нѣсколько разъ и въ Черный замокъ, выпрашивая всякую всячину и удовлетворяясь, въ концѣ концовъ, какими-нибудь пустяками. Ему пріятно было во всякомъ случаѣ болтать съ Бѣлой Бородой о чародѣйствѣ бѣлыхъ и узнавать кое-что о пароходахъ и другихъ таинственныхъ вещахъ. Но Бѣлая Борода отвѣчалъ ему обыкновенно такъ лаконически и неохотно, не открывая тайнъ своей расы, что знахарь пересталъ наконецъ посѣщать Черный замокъ.

И вотъ Моари однажды удалось пробраться къ самой Священной рощѣ. Онъ зналъ, что переступать за предѣлы рощи запрещено подъ страхомъ смерти, и тѣмъ болѣе былъ пораженъ, когда, раздвинувъ вѣтки куста, за которымъ притаился, увидѣлъ Сагорро, входившаго въ Священную рощу. Развѣ арабъ не былъ чужестранецъ? Или для него были свои законы въ этой странѣ, гдѣ онъ считалъ себя самовластнымъ хозяиномъ?

Моари остался изъ любопытства, чтобы узнать, какъ прогонитъ знахарь дерзкаго араба, преступившаго законы страны, и потихоньку прокрался до конца рощи.

Что за чудо! Сагорро былъ какъ у себя дома въ этомъ запретномъ мѣстѣ. Невольница знахаря вышла къ нему на встрѣчу, ласково привѣтствовала его, и Сагорро поднесъ ей въ подарокъ красивую нитку бусъ; затѣмъ она повела его въ домъ знахаря. Моари остался на своемъ посту, хотя его сильно кусали москиты. Только черезъ полчаса Сагорро снова показался на порогѣ, на этотъ разъ въ сопровожденіи знахаря, который повелъ его въ самый храмъ!

Боясь, что присутствіе его будетъ замѣчено, Моари осто-

рожно выбрался изъ рощи и поспѣшилъ къ своему господину, чтобы сообщить ему то, что видѣлъ. Бѣлая Борода сейчасъ-же понялъ, что въ странномъ поведенiи Сагорро скрывается что-нибудь очень важное, хотя цѣль его визита къ знахарю еще не была ему ясна. Онъ похвалилъ Моари за догадливость и велѣлъ ему до поры до времени молчать о томъ, что онъ видѣлъ въ Священной рощѣ.

Не добивается-ли Сагорро изгнанiя его, Бѣлой Бороды, изъ этихъ мѣстъ? Суевѣрiе негровъ было, конечно, очень велико, но если-бы дѣло коснулось чудесъ, то Бѣлая Борода могъ бы произвести большiя чудеса, чѣмъ всѣ знахари Африки, взятые вмѣстѣ. Среди запасовъ пороха въ Черномъ замкѣ хранились ракеты, огненные шары и бенгальскiе огни, которые можно было пустить въ ходъ въ случаѣ надобности, а это должно было показаться неграмъ настоящимъ волшебствомъ.

VIII. Трагическая смерть Малукко.

— Моари,—сказалъ разъ утромъ Бѣлая Борода.—Малукко не возвращался домой на эту ночь. Онъ начинаетъ совсѣмъ дичать. Поищи его и приведи домой.

— Будетъ исполнено, господинъ!—отвѣтилъ Моари, которому шли на пользу военные уроки гауссовъ.

Затѣмъ онъ отправился въ свою зеленую хижину, взялъ оружiе, не позабывъ захватить также стрѣлы и лукъ, и вышелъ за ворота Чернаго замка.

Легко сказать: „поищи Малукко“,—но не такъ-то легко исполнить. Такiе орѣхи были по зубамъ развѣ только одному Моари, который въ свое время пренебрегъ даже страхомъ передъ леопардами, чтобы только удовлетворить своему любопытству.

— Поищи Малукко!

Но кто знаетъ, куда онъ запропастился? Для него было здѣсь раздолье. Рѣку Черную переплывалъ онъ ради соб-

ственнаго удовольствія, смотря по обстоятельствамъ, могъ очутиться и на берегу Конго. Быть можетъ, люди изъ деревни Пантеры могли сообщить что-нибудь относительно Малукко?

И Моари отправился прежде всего на базаръ, куда стекалось всегда много народу изъ окрестныхъ деревень.

Въ тѣни нѣсколькихъ деревьевъ разложены были прелести, какія только могли доставить сельское хозяйство и рыболовство этой мѣстности. Базаръ былъ уже въ полномъ разгарѣ и на немъ присутствовали также и представительницы прекраснаго пола изъ Чернаго замка, именно — Мета и Тумба.

— Что стоютъ эти термиты?—спросила Тумба, показывая на кучу муравьевъ, которыхъ негры употребляютъ не для муравьинаго спирта, а для укрѣпленія пищеваренія.

— Пять мѣдныхъ гвоздей.

— Слишкомъ дорого,—сказала она и направилась къ другой торговкѣ, которая навязчиво предлагала другое лакомство—тонкихъ гладкихъ гусеницъ. И она не ушла отъ нея, пока не выторговала для своихъ балубовъ нѣсколько литровъ гусеницъ по три мѣдныхъ гвоздя за мѣру.

— Свѣжія?—спросилъ Моари, заглядывая въ корзинку Тумбы.

Тумба мигнула ему въ отвѣтъ, что означало, что она сдѣлала выгодную покупку, а Моари, не долго думая, засунулъ руки въ корзинку и вытащилъ пару гусеницъ, чтобы попробовать товаръ; но не успѣлъ онъ донести ихъ до рта, какъ Тумба ударила его по рукѣ и вскричала:

— Что ты суешь носъ въ чужое блюдо?

Моари сдѣлалъ кислую гримасу и отошелъ прочь. Онъ спрашивалъ и знакомыхъ, и незнакомыхъ негровъ о Малукко, но никто не могъ ему ничего сказать о немъ.

— Самъ присматривай получше за своимъ воломъ, сынъ мой,—сказала одна старая негритянка, заранѣе рѣшившая что Моари не купитъ у нея ни на одинъ мѣдный гвоздь, а

потому не считавшая нужнымъ особенно любезничать съ нимъ.

Одинъ-же торговецъ отвѣтилъ ему, хитро улыбаясь:

— Сначала купи что-нибудь, тогда я тебѣ скажу, гдѣ твой волъ.

Но Моари былъ самъ не промахъ и возразилъ ему:

— Знаю тебя, другъ, ты скажешь мнѣ: „Онъ въ саваннахъ“!

Торговецъ отрицательно покачалъ своей курчавой головой и Моари, любопытство котораго было сильно затронуто, рискнулъ пожертвовать мѣднымъ гвоздемъ за сушеную рыбу, которую сунулъ въ свою сумку для провизіи.

— Ну?—спросилъ онъ, крайне заинтересованный.

— Твой волъ въ лѣсу! — отвѣтилъ торговецъ, скаля зубы.

Моари поднялъ руку, точно собираясь отвѣсить здоровую пощечину, но во время одумался, такъ какъ на базарѣ долженъ былъ царствовать порядокъ и драка была строго запрещена: самъ Пантера въ своемъ канареечномъ мундирѣ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы все было чинно и тихо.

Онъ отправился дальше и миновалъ базаръ. Да, ему самому слѣдовало лучше всѣхъ знать, гдѣ проводитъ время Малукко. Развѣ онъ не былъ первымъ охотникомъ Бѣлаго Бороды?

Малукко давно уже надоѣло общество овецъ и даже веселые козлы, которые время отъ времени задорно вызывали его на единоборство въ фехтовальномъ искусствѣ. И вотъ, благородный Малукко, на которомъ Бѣлая Борода почти вовсе не ѣздилъ теперь, сталъ искать общества себѣ подобныхъ. Онъ нашелъ его въ лѣсу. Тамъ были цѣлыя стада буйволовъ, съ которыми онъ и старался завязать болѣе близкое знакомство. Конечно, первое время его новые знакомые грубо и нелюбезно отталкивали его, но затѣмъ, мало-по-малу, онъ съумѣлъ завоевать себѣ уваженіе и его стали допускать въ общую компанію. Буйволы держались, понятно, на нѣкоторомъ разстояніи отъ Чернаго замка, глав-

нымъ образомъ въ саваннахъ и лѣсахъ Соляныхъ деревень, гдѣ было менѣе людно.

Все это Моари хорошо зналъ и отправился къ старому жилью іаунговъ. У него было достаточно времени обслѣдовать все хорошенько и взвѣсить всѣ возможные случаи, какіе только могли произойти въ лѣсу съ Малукко. Но больше всего занимала его мысль о той западнѣ на буйволовъ, въ которую упала маленькая Питти. Что, если и Малукко свалился въ эту яму? Что, если онъ тоже вывихнулъ, а то и сломалъ себѣ ногу?

Крупныя капли пота выступили на лбу Моари и онъ даже и подумать не могъ о томъ, чѣмъ все это должно было-бы въ такомъ случаѣ кончиться. Какъ встрѣтитъ его Бѣлая Борода, если онъ вернется къ нему съ такимъ извѣстіемъ? Какъ рѣшится онъ взглянуть въ глаза своему доброму господину?

Моари присѣлъ на землю подъ тѣнью дерева и сталъ уничтожать для собственнаго успокоенія сушеную рыбу, купленную имъ на базарѣ за цѣлый мѣдный гвоздь.

Когда онъ насытился, мысли его приняли болѣе спокойное теченіе и онъ трезво посмотрѣлъ на положеніе вещей, которое уже не представлялось ему теперь такимъ безотраднымъ, какъ минуту тому назадъ.

— Ну,—думалъ онъ,—Малукко такой ловкій и умный! Должно быть, онъ просто отправился къ Солянымъ деревнямъ и отдыхаетъ теперь гдѣ-нибудь подъ деревомъ, полакомившись сочной травой. Малукко—и вдругъ угодилъ-бы въ ловушку! Это была-бы чистая безсмыслица!

Но, несмотря на всѣ эти увѣренія, которыми Моари старался успокоить самого себя, на душѣ у него было тревожно и онъ прежде всего отправился къ западнѣ. Онъ былъ уже недалеко отъ того мѣста, какъ какой-то воинъ заступилъ ему дорогу. Моари радостно поднялъ вверхъ руки и вскричалъ:

— О, іаунгъ, какъ я радъ, что встрѣтилъ одного изъ

васъ. Скажи мнѣ, другъ, не видали-ли вы гдѣ-нибудь вола, нашего вола Малукко?

— Въ лѣсу много буйволовъ,—отвѣчалъ воинъ, который сейчасъ-же узналъ Моари, — но какіе изъ нихъ принадлежатъ вамъ, этого, поистинѣ, не знаю, да и врядъ-ли, кто-нибудь другой можетъ это сказать! Одинъ попался въ яму въ лѣсу и мы какъ разъ теперь дѣлимъ его между собой. Наконецъ-то, и у насъ есть мясо!

— О, маму, о, тату!—вскричалъ Моари, ломая руки.— Веди меня, добрый человѣкъ, сейчасъ-же къ этой ямѣ. Не нашъ-ли ужъ это Малукко, чего добраго, попался!

Воинъ покачалъ головой, украшенной пестрыми перьями, и возразилъ:

— Буйволы въ лѣсу принадлежатъ намъ, потому что и лѣсъ нашъ. Пойдемъ со мной, если ты хочешь видѣть нашего буйвола, котораго мы только что закололи: вѣдь ты сказалъ, что ты—другъ іаунговъ.

Моари, крайне взволнованный, послѣдовалъ за негромъ, который, къ величайшему его отчаянію, какъ разъ шелъ прямой дорогой къ западнѣ.

— О, маму, о, тату!—вскричалъ жалобно Моари, увидѣвъ, какъ негры дѣлили между собой мясо.

На землѣ валялась шкура—и это именно была шкура вола, а не буйвола. Моари сразу-же узналъ ее: то была шкура Малукко.

— О, безбожники, что вы надѣлали!—вскричалъ онъ, возмущенный до глубины души.

— Вѣдь это вы закололи нашего Малукко!

Но іаунги не могли понять отчаянія Моари и пригласили его принять участіе въ ихъ роскошномъ пиршествѣ, бросивъ ему тоже кусокъ мяса.

— Въ сущности мы должны быть тебѣ благодарны за него!—сказалъ съ улыбкой вождь, — потому что вѣдь это ты обратилъ наше вниманіе на эту яму.

— О, Моари! — раздался вдругъ звонкій голосъ дѣ-

вочки. — Какой ты былъ добрый, что спасъ меня изъ этой ямы!

— Ты сказалъ мнѣ тогда, что она для того, чтобы ловить буйволовъ. И вотъ теперь мы нашли въ ней одного буйвола, и у насъ есть мясо, а то мы передъ этимъ такъ долго голодали, потому что наши овцы и козы погибли въ болотѣ.

Это говорила маленькая Питти, довѣрчиво приближавшаяся къ Моари. Тогда молодой негръ смягчился и замолчалъ. Конечно, іаунги поступили очень дурно, такъ какъ украли чужое добро: мясо Малукко принадлежало по праву Бѣлой Бородѣ; но голодные негры навѣрное не поняли-бы упрековъ Моари, это онъ зналъ заранѣе, а вѣдь не вступать же ему въ бой одному съ такой массой людей! Іаунги считали Малукко за буйвола, какъ-же ему было втолковать имъ, что это не буйволъ, а волъ, замѣнявшій для Бѣлой Бороды верховую лошадь, такъ вѣрно служившій ему уже нѣсколько лѣтъ! Что знали іаунги про ручныхъ животныхъ и выѣзжанныхъ воловъ?

Поэтому для Моари не оставалось ничего другого, какъ примириться съ печальнымъ положеніемъ вещей и взять предложенный ему кусокъ мяса, чтобы отнести его своему господину. Онъ дружески распрощался съ іаунгами и только отходя отъ нихъ на большое разстояніе, началъ снова жалобно взывать:

— О, маму, о, тату!

— Хочешь-ли ты наказать іаунговъ и пойти на нихъ войной?—спросилъ Моари послѣ того, какъ онъ съ грустью сообщилъ Бѣлой Бородѣ печальный результатъ поисковъ Малукко и показалъ ему кусокъ мяса.

— Зачѣмъ мнѣ это дѣлать?—спросилъ въ свою очередь Бѣлая Борода.

— Да, вѣдь все-же они завладѣли твоей собственностью,— возразилъ Моари.—Волъ былъ твой, а я вырылъ яму, значитъ, мясо его принадлежало намъ, а не іаунгамъ.

— А ты сталъ-бы ихъ наказывать, еслибы былъ владѣльцемъ Чернаго замка?

Моари помѣшкалъ съ отвѣтомъ, а затѣмъ сказалъ:

— Я-бы простилъ ихъ, такъ какъ вѣдь они думали, что лѣсъ и все, что въ немъ есть, принадлежитъ имъ, и они не знали, что этотъ волъ—нашъ Малукко.

— И ты правъ, Моари!—вскричалъ Бѣлая Борода.—Они вовсе не хотѣли похищать нашу собственность. У нихъ не было дурнаго намѣренія, а потому они не виновны и намъ слѣдуетъ простить ихъ.

Онъ отвернулся при этихъ словахъ, чтобы скрыть свое волненіе. Его огорчила смерть Малукко, но вѣдь не мстить же было ему голоднымъ іаунгамъ, убившимъ животное, которое они нашли въ лѣсу, въ ямѣ.

Бѣдный Малукко, и тебя тоже постигла неотвратимая судьба! Ты тоже не избѣжалъ печальнаго жребія всякаго рогатаго скота!

IX. Лживый знахарь.

Нѣтъ, Бѣлая Борода, колдовство—не легкое искусство, и надо много ловкости, умѣнья, чтобы играть въ глазахъ негровъ роль настоящаго чародѣя. Надо знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, какъ до тонкости знаютъ это Сагорро и знахарь съ береговъ Конго. Ихъ планъ такъ тонко и умно составленъ, что даже ты самъ не можешь проникнуть въ него и распутать искусно сотканную сѣть лжи и обмана, хотя первыя сцены интриги и разыгрывались у тебя на глазахъ.

Сильное волненіе охватывало уже нѣсколько дней всю деревню Пантеры, самаго вѣрнаго союзника Бѣлой Бороды. Домовые совсѣмъ расшалились въ домахъ болѣе знатныхъ ея жителей, а по ночамъ въ нихъ летали таинственные камни. Откуда являлись эти камни, это такъ и осталось неизвѣстнымъ, хотя всячески старались найти виновнаго. Не было сомнѣнія, что это просто продѣлки черта! Послали

за знахаремъ. Онъ явился, осмотрѣлъ камни и объявилъ, что спроситъ объ этомъ у фетиша въ лѣсномъ храмѣ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ общемъ обѣдѣ знатныхъ негровъ и вечеромъ пошелъ домой. Въ слѣдующую за этимъ ночь камни летали съ еще большей силой, а всѣ негры, обѣдавшіе со знахаремъ, въ томъ числѣ и Пантера, заболѣли какой-то странной и непонятной болѣзнью. Ночью-же послали снова за знахаремъ, но онъ не пошелъ, и только вторично посланные негры доставили его въ деревню уже подъ вечеръ. Фетишъ,—какъ сообщилъ знахарь собравшейся толпѣ народа, жадно ловившей каждое его слово, — чувствуетъ себя сильно оскорбленнымъ и гнѣвается на мѣстныхъ жителей за то, что въ Священную рощу входила одна чужестранка, что строго запрещается законами страны. Онъ принесъ жертву фетишу и тотъ показалъ ему образъ виновной. Разгнѣванный богъ распустилъ всѣхъ своихъ чертей и тѣ не оставятъ въ покоѣ деревню Пантеры, пока виновная не будетъ схвачена и наказана согласно мѣстнымъ обычаямъ. Но горе неграмъ, если они скроютъ плѣнницу!

— Но кто виновная? Покажи ее намъ! Назови ее, чтобы мы могли схватить ее и сжечь!—закричали негры.

— Это—чужестранка,—отвѣчалъ знахарь,—одна изъ балубскихъ женщинъ, которая пришла съ Бѣлымъ человѣкомъ въ нашу страну. Зовутъ ее Метой, она жена Тома.

— Пойдемъ за ней! Убьемъ ее на мѣстѣ! — дико завопила толпа.

Затѣмъ всѣ схватились за оружіе, какое первое попалось подъ руку, и въ безпорядкѣ, испуская дикіе крики, бросились къ Черному замку вмѣстѣ съ Пантерой, успѣвшимъ одѣться въ свой канареечнаго цвѣта кучерской кафтанъ и шлемъ.

Часовые въ Черномъ замкѣ не замедлили возвѣстить о приходѣ непрошенныхъ гостей. Сразу видно было, что негры явились не съ добрыми намѣреніями, и поэтому ворота замка сейчасъ-же закрылись, а солдаты, снабженные патронами, разставлены были вдоль стѣны у бойницъ.

— Назадъ! не трогаться съ мѣста!—крикнулъ Бѣлая Борода, выглядывая черезъ отверстія въ стѣнѣ.—Стойте смирно, или-же мои люди угостятъ васъ огнемъ и мягкимъ желѣзомъ, а вы знаете уже, какъ мѣтко попадаютъ наши пули! Вспомните только бегемота въ водахъ Конго!

Слова Бѣлой Бороды пріобрѣтали особенное значеніе ввиду зловѣщихъ черныхъ отверстій въ стѣнѣ, черезъ которыя выглядывали дула ружей. Негры остались стоять на мѣстѣ и только дико размахивали своими копьями, кричали и бранились.

— Чего вы хотите отъ меня? — спросилъ Бѣлая Борода. — Говори ты, Пантера. Развѣ мы не можемъ мирно вести переговоры?

— Отдай намъ женщину, отдай Мету!—крикнулъ вождь.

— Зачѣмъ она вамъ понадобилась, Пантера?

— Мы убьемъ ее, сожжемъ на кострѣ! — вопила дикая толпа.

— Ого! — отвѣчалъ Бѣлая Борода. — Что-же такое она сдѣлала, что вы хотите убить ее?

— Она была въ священной рощѣ!

— Кто вамъ это сказалъ?

— Знахарь!—отвѣчала толпа, какъ одинъ человѣкъ.

— Я еще не слыхалъ объ этомъ, — продолжалъ Бѣлая Борода. — Скоро уже зайдетъ солнце, и теперь поздно рѣшать что-нибудь. Я самъ разслѣдую это дѣло, а завтра вы придете опять и мы вмѣстѣ обсудимъ, что намъ дѣлать. Теперь-же ступайте по домамъ!

— Что-же, намъ и эту ночь быть больными и страдать отъ чертей изъ-за этой женщины?!

— Мы не уйдемъ прочь, пока не получимъ ее!

— Отдай ее намъ!

— Мы силой возьмемъ ее!

— Сосчитай-ка насъ, Бѣлая Борода, насъ триста человѣкъ!

Такъ кричали чернокожіе, перебивая другъ друга и потрясая копьями.

— Выдашь-ли ты ее намъ?—вопилъ Пантера съ пѣной у рта отъ бѣшенства.

— Нѣтъ, Пантера!—рѣшительно отвѣчалъ Бѣлая Борода.

— Такъ намъ погибать изъ-за твоей невольницы? — закричалъ вождь.—Дружба съ тобой ничего не принесла намъ, кромѣ проклятія!

— Чего мѣшкать!—вскричалъ одинъ изъ воиновъ.—Впередъ, братья!—И онъ устремился впередъ, испуская дикій военный кликъ: „Ха-ха-ха!“

— Ха-ха-ха!—вырвалось сразу изъ трехсотъ глотокъ, и градъ стрѣлъ вонзился въ стѣну Чернаго замка,

— Гауссы цѣльтесь спокойнѣе!—скомандовалъ громкимъ голосомъ Бѣлая Борода.

— Стрѣляй!

Двадцать ружей сразу выстрѣлило и пули пронеслись надъ толпой, бѣжавшей къ замку. Нѣсколько негровъ упало, но въ первую минуту дикари думали, что ихъ товарищи просто оглушены; толпа снова нахлынула и крики „Ха-ха-ха!“ раздались теперь уже подъ самымъ ухомъ Бѣлой Бороды.

— Заряжайте ружья живѣе!—крикнулъ онъ своимъ гауссамъ и самъ взялся за оружіе изъ запаснаго склада, которое употреблялъ только въ случаяхъ крайней нужды. Ему не приходилось еще вынимать его на берегахъ Черной, но обезумѣвшіе негры вынудили его теперь прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Выстрѣлъ за выстрѣломъ проносился въ воздухѣ и всякій разъ послѣ этого падалъ на землю одинъ изъ чернокожихъ воиновъ. Крикъ „Ха-ха-ха“ раздавался уже слабѣе, но тѣмъ громче слышно было, какъ заряжали гауссы свои ружья. Нападеніе не продолжалось и одной минуты, а негры обратились уже въ безпорядочное бѣгство. Стрѣльба понемногу затихала, и Бѣлая Борода скомандовалъ наконецъ:— Довольно!

Только у подножія холма бѣглецы собрались съ духомъ и оглянулись. Около крѣпости лежали темныя фигуры: около

дюжины воиновъ Пантеры были убиты или смертельно ранены. Среди бѣглецовъ нѣкоторые тоже истекали кровью, струившейся изъ свѣжихъ ранъ. Не легко досталось имъ это нападеніе на замокъ бѣлаго!

Такого пріема дикари никакъ не ожидали. Молча вернулись они въ деревню. Чортъ, пугавшій ихъ по ночамъ, все-же оказывался добрѣе этого бѣлаго дьявола съ его оглушительными трубками, гремѣвшими съ высоты холма. Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, Пантера, и такого же мнѣнія были его воины. Всю ночь въ деревнѣ никто не думалъ о снѣ и повсюду раздавался громкій жалобный вопль: это женщины плакали по убитымъ и раненымъ.

Между тѣмъ на противоположномъ берегу рѣки Черной, у опушки лѣса, стояли Сагорро и Абедъ, наблюдая съ замираніемъ сердца за тѣмъ, что происходило около Чернаго замка.

— Наконецъ-то!—радостно вскричалъ Абедъ, когда раздался первый залпъ выстрѣловъ.

— Второй зарядъ! Ты правъ, Сагорро: было-бы чистымъ безуміемъ стараться взять Черный замокъ приступомъ. Даже наши храбрые вангваны врядъ-ли могли-бы что-нибудь сдѣлать. Этихъ собакъ можно выкурить оттуда только въ теченіе большого времени, искусно подготовляя почву. А когда это свершится, и у насъ будетъ послѣ этого много оружія, Сагорро,—тогда я съ десятью вангванами берусь взять самые большіе изъ негрскихъ городовъ!

Но Сагорро оставался серьезнымъ.

— Я тебѣ еще раньше говорилъ,—замѣтилъ онъ,—что съ бѣлымъ не такъ-то легко справиться!

— А я предлагалъ тебѣ въ отвѣтъ одну удачную комбинацію, — иронически возразилъ Абедъ. — Умри только бѣлый, и съ неграми легко будетъ управиться. Но ты побоялся такого рѣшительнаго шага, благородный Сагорро!

— Ты самъ до сихъ поръ не нашелъ въ себѣ доста-

точно смѣлости для такого поступка!—отвѣтилъ Сагорро.— Сколько-же времени прикажешь мнѣ еще ждать?

— А, теперь я понимаю тебя!—вскричалъ Абедъ.—Я вижу тебя насквозь. Только дѣйствіе этихъ ружей съ нѣсколькими зарядами, которое ты видѣлъ собственными глазами, убѣдило тебя въ томъ, что я былъ правъ, предлагая крайнюю и рѣшительную мѣру. Но раньше у насъ было столько удобныхъ случаевъ для этого, а теперь Бѣлая Борода сдѣлается осторожнѣе, и намъ будетъ гораздо труднѣе поймать его въ ловушку.

— Не истолковывай моихъ словъ!—замѣтилъ арабъ.— Если ты промахнешься и Бѣлая Борода захочетъ наказать своего коварнаго убійцу, то я не помѣшаю ему въ этомъ, и тогда ты испытаешь дѣйствіе ружей съ нѣсколькими зарядами на самомъ себѣ.

— Я знаю тебя, Сагорро, и не заблуждаюсь на этотъ счетъ,—отвѣтилъ Абедъ съ язвительной насмѣшкой въ голосѣ, но Сагорро не замѣтилъ этого.

— Ступай теперь въ деревню Пантеры,—приказалъ онъ Абеду,—и посмотри, что негры хотятъ предпринять. Эти трусы, чего добраго, бросятъ свою деревню. Не допусти до этого. Я скоро пошлю тебѣ на помощь знахаря, и, еслибы представилась въ этомъ надобность, я готовъ поранить себѣ руку, чтобы выпить съ Пантерой кровавый брудершафтъ и взять союзника Бѣлой Бороды подъ свою охрану. Намъ теперь особенно важно привлечь на свою сторону негровъ.

Съ этими словами они разстались. Абедъ вскочилъ въ лодку и поплылъ къ деревнѣ, Сагорро-же отправился въ лѣсъ по тому направленію, гдѣ была Священная роща.

Въ это-же время открылись ворота Чернаго замка, и изъ нихъ вышелъ Майгазинъ-баки со своими гауссами, чтобы поднять раненыхъ. Не одна только любовь къ ближнему руководила Бѣлой Бородой, когда онъ велѣлъ поднять тѣхъ изъ раненыхъ, которые не въ силахъ были бѣжать: ему хотѣлось подробно разспросить ихъ о положеніи дѣлъ. Отъ нападавшихъ негровъ онъ узналъ вкратцѣ о томъ, что про-

исходило въ деревнѣ. Онъ отлично зналъ, что обвиненіе Меты въ томъ, будто она посѣщала Священную рощу, не имѣло никакого основанія, такъ какъ съ того вечера, когда ее похитили въ лѣсу вангваны и такъ дурно обращались съ ней въ плѣну, она никогда не рѣшалась уходить далеко отъ Чернаго замка и ни разу не была въ лѣсу. Къ чему было знахарю вооружать мѣстныхъ жителей противъ Бѣлой Бороды и выбрать въ качествѣ жертвы какъ разъ Мету? Почему именно единственная христіанка въ лагерѣ должна была совершить преступленіе, которое наказывается по мѣстному закону смертной казнью. Старый знахарь не былъ настолько хитеръ, чтобы съумѣть сдѣлать такой тонкій выборъ среди отряда Бѣлой Бороды. Онъ былъ, очевидно, только орудіемъ въ рукахъ другого негодяя, который не только имѣлъ дерзость вступать въ Священную рощу, но даже входилъ и въ самый храмъ. Человѣческая кровь, впервые пролитая сегодня на берегу рѣки Черной, была на совѣсти одного только Сагорро.

Пока не приходилъ арабъ со своими вангванами, здѣсь было мирно и тихо, и мѣстное населеніе находилось въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ Бѣлой Бородой. Но стоило только показаться Сагорро,—и картина сразу измѣнилась.

Арабъ остался вѣренъ себѣ: весь путь его до самаго Конго былъ обогренъ кровью негровъ, и здѣсь также кровь должна была запечатлѣть шествіе этого настоящаго африканскаго хищника. Онъ желалъ сдѣлать пребываніе на берегахъ Конго невозможнымъ для Бѣлой Бороды и возбуждалъ противъ него мѣстныхъ жителей. Руководствуясь старымъ правиломъ, благодаря которому горсть арабовъ подчинила себѣ всю Восточную Африку,—правиломъ, гласившимъ: „Раздѣляй и владствуй“, — онъ хотѣлъ посѣять здѣсь раздоръ, чтобы сдѣлаться единственнымъ господиномъ страны.

Его планы были построены такъ тонко и искусно, что Бѣлая Борода не могъ еще доискаться до всѣхъ нитей разставленной ему сѣти, чтобы успѣшно разорвать ихъ. Вотъ почему бѣлый велѣлъ поднять и принести въ домъ раненыхъ,

желая разспросить ихъ о томъ, что происходило въ послѣдніе два дня въ деревнѣ у Пантеры. Двое изъ негровъ, раненые въ ноги, оказались послѣ перевязки еще довольно крѣпкими, чтобы подвергнуться допросу.

Оба они разсказали о таинственныхъ полетахъ камней въ первую ночь.

— А былъ въ это время кто-нибудь чужой въ деревнѣ?— спросилъ Бѣлая Борода.

— Да!—отвѣчалъ одинъ изъ раненыхъ.

— Кто именно?

— Четверо вангвановъ Абеда.

Это объяснило половину дѣла: теперь Бѣлая Борода зналъ, кто были эти черти, по милости которыхъ камни сами летали по комнатамъ. Затѣмъ онъ велѣлъ подробно описать себѣ болѣзнь вождя и знатнѣйшихъ негровъ. Одинъ изъ раненыхъ самъ захворалъ той-же болѣзнью, и потому могъ подробно разсказать о своихъ страданіяхъ, которыя начались съ часъ спустя послѣ обѣда.

— А присутствовалъ знахарь на этомъ обѣдѣ?—допытывался Бѣлая Борода.

— Да!—отвѣчалъ раненый.

— Почему-же онъ не помогъ вамъ, когда вы почувствовали себя плохо?

— Онъ сейчасъ-же послѣ обѣда ушелъ.

Допросъ былъ оконченъ. Бѣлая Борода зналъ теперь, кто былъ тотъ чортъ, который съ помощью несильнаго яда, подмѣшаннаго къ кушаньямъ или питью, былъ причиной болѣзни вождя и знатнѣйшихъ негровъ.

Онъ заперся въ своемъ домѣ, чтобы обдумать планъ дѣйствій, а часъ спустя велѣлъ позвать къ себѣ Тома.

— Томъ,—сказалъ онъ ему,—я хочу обладѣть тѣмъ человѣкомъ, который очернилъ Мету,—хочу изловить знахаря. Понимаешь-ли ты меня? Мнѣ нужно его, чтобы предохранить насъ всѣхъ отъ его нападокъ. Подумай объ этомъ. Но объ этомъ должны знать только мы съ тобой, да Моари.

— Хорошо, господинъ,— вскричалъ Томъ съ сіяющими

отъ радости глазами.—Завтра, чуть свѣтъ, я приду къ вамъ и скажу, что выдумалъ за это время.

— Завтра?—проговорилъ Бѣлая Борода, качая головой.— Нѣтъ, Томъ, такъ долго намъ нельзя ждать. Къ завтрашнему утру старый знахарь можетъ улизнуть, Богъ знаетъ куда, такъ что мы и слѣдовъ его не найдемъ. Надо его накрыть теперь же въ его собственномъ жилищѣ. Позови скорѣй Моари. Ночь уже наступила и въ нашемъ распоряженіи десять часовъ времени.

— Послѣ урока, полученнаго неграми, они оставятъ въ покоѣ Черный замокъ; въ случаѣ-же какого-нибудь нападенія Майгазинъ-баки справится и одинъ съумѣетъ защитить его. И такъ, приходи скорѣй съ Моари!

Томъ быстро удалился, а Бѣлая Борода остался сидѣть передъ мерцающимъ свѣтомъ единственной масляной лампы. Онъ задумался, опершись головой на руку. Тотъ шагъ, на который онъ рѣшался, былъ нешуточнымъ. Или, можетъ быть, лучше отступить, пока не поздно? Не бросить-ли борьбу съ могущественнымъ арабомъ?

— Нѣтъ,—вскричалъ онъ рѣшительно.—Если-бы даже пришлось разрушить идола, чтобы убѣдить негровъ въ истинѣ,—я всетаки сдѣлаю то, что задумалъ!

X. Тайна Священной рощи.

Полчаса спустя трое людей вышли изъ Чернаго замка. Черезъ заднюю калитку, которой не видно было съ берега рѣки Черной, незамѣтно проскользнули они на плантацію высокихъ банановъ, и подъ прикрытіемъ ихъ стали быстро подвигаться впередъ. Время отъ времени они останавливались и прислушивались, но кругомъ не слышно было никакого подозрительнаго шороха.

Ночь была тихая, безлунная и темная. Обогнувъ плантаціи Чернаго замка, трое мужчинъ зашагали по высокой

травѣ саваннъ, похожихъ на паркъ, и подошли, наконецъ, къ берегу Черной рѣки.

— Лодка привязана выше по теченію!—прошепталъ Бѣлая Борода и пошелъ впередъ, прячась въ береговыхъ кустахъ. Томъ и Моари послѣдовали за нимъ. Онъ не ошибся: шагахъ въ ста нашли они лодку, тщательно спрятанную въ камышѣ.

— Моари,—произнесъ Бѣлая Борода, сдерживая голосъ,— посмотри, нѣтъ-ли кого на рѣкѣ!

Негръ передалъ Тому свое ружье и безшумно нырнулъ въ воду. Затѣмъ онъ медленно поплылъ къ серединѣ рѣки, гдѣ остановился и оглянулся по сторонамъ.

— Я ничего не видалъ,—сказалъ онъ, вернувшись снова на берегъ,—рѣка свободна, на ней нѣтъ ни одной лодки.

— Ну, такъ въ путь! — тихонько скомандовалъ Бѣлая Борода и вскочилъ въ лодку.

Томъ и Моари послѣдовали его примѣру, и лодка безшумно поплыла по рѣкѣ, причаливъ къ противоположному берегу. Молча вытащили ее гребцы на берегъ, спрятали въ развѣсистыхъ кустахъ и направились къ густому лѣсу, соблюдая полнѣйшую тишину и стараясь безшумно ступать по травѣ. Моари взялся показывать дорогу къ Священной рощѣ. Въ этомъ угрюмомъ дѣвственномъ лѣсу, въ которомъ даже днемъ царствовали зеленоватыя сумерки и куда не проникалъ ни одинъ яркій лучъ солнечнаго свѣта, нельзя было, конечно, оріентироваться съ помощью зрѣнія въ эту черную ночь. Правда, къ храму и къ жилищу знахаря была прорублена узкая тропинка, по которой негры ходили въ Священную пещеру, но наши путники не воспользовались ею, опасаясь встрѣчи съ неграми, которая могла разрушить всѣ ихъ планы. Они приблизились къ цѣли своего ночного путешествія совсѣмъ съ противоположной стороны, черезъ чащу лѣса, гдѣ не было никакихъ тропинокъ. Но, несмотря на это, Моари увѣренно пробирался впередъ въ этомъ лабиринтѣ темныхъ великановъ-деревьевъ. Зрѣніемъ, правда, онъ не могъ нахо-

дить дорогу, но за то ему оказывали въ этомъ помощь слухъ и обонянiе. Изъ прежнихъ своихъ скитанiй по лѣсу онъ отлично зналъ, что здѣсь протекаетъ ручей, по берегу котораго растутъ кусты съ красивыми душистыми цвѣтами, напоминающими запахомъ жасминъ. Ручей сбѣгалъ съ холма въ долину, съ журчанiемъ прыгая съ камня на камень. Вотъ этотъ запахъ цвѣтовъ и лепетъ воды и помогали Моари орiентироваться среди темноты, заставляя его сворачивать то направо, то налѣво. Они около часу поднимались вверхъ на гору, но, наконецъ, почувствовали подъ ногами ровную почву: они стояли у Священной рощи. И такъ, они были у цѣли своего ночного путешествiя. Съ этой минуты они стали двигаться впередъ ползкомъ, стараясь избѣгать всякаго шороха и треска сучьевъ. Наконецъ, Моари остановился позади куста, вѣтки котораго осторожно раздвинулъ, чтобы образовать подобiе окна, и затѣмъ уступилъ свое мѣсто своимъ спутникамъ.

Черезъ раздвинутыя вѣтки Бѣлая Борода увидѣлъ потухшiй огонь, отбрасывавшiй блѣдный отблескъ на двѣ простыя соломенныя хижины. Большая изъ хижинъ была, очевидно, жалкимъ храмомъ фетиша, а меньшая—жилищемъ знахаря. Но гдѣ-же былъ самъ знахарь? Неужели они опоздали уже?

Зоркiй глазъ Бѣлой Бороды скоро замѣтилъ его. Облокотившись спиной о стѣну хижины и протянувъ ноги къ костру, онъ спалъ глубокимъ сномъ. Голова его склонилась на грудь. Старикъ, очевидно, отдыхалъ послѣ тяжелыхъ трудовъ и хлопотъ, доставленныхъ ему въ послѣднiе дни чортомъ. Схватить его было, конечно, очень просто и легко. Томъ и Моари получили предписанiе подкрасться къ старику, связать его и заткнуть ему ротъ, между тѣмъ какъ Бѣлая Борода стоялъ наготовѣ съ заряженнымъ ружьемъ на тотъ случай, если-бы кто-либо неожиданно выбѣжалъ изъ храма или дома на помощь къ знахарю.

Моари, какъ кошка, поползъ на четверенькахъ къ спящему старику; вотъ онъ уже около костра. Языки огня

ярко освѣщали его уродливый шрамъ на лбу и искрились въ его глазахъ.

— Если старикъ вдругъ проснется и увидитъ передъ собой это лицо, —мелькнуло въ головѣ у Бѣлой Бороды — то онъ подумаетъ, конечно, что самъ чортъ явился для того, чтобы взять его съ собой.

Моари продолжалъ сидѣть на корточкахъ въ ожиданіи, чтобы Томъ приблизился къ спящему съ другой стороны. Затѣмъ онъ далъ ему нѣмой знакъ глазами,—и оба безшумно поползли дальше. Теперь ихъ отдѣляло отъ старика разстояніе не болѣе, чѣмъ въ два шага. При слабомъ свѣтѣ костра Томъ казался страшной гигантской тѣнью, а Моари походилъ на кошку, приготовившуюся прыгнуть на свою добычу. Прошла еще секунда. Томъ сдѣлалъ знакъ рукой,—и въ одно и то-же мгновеніе оба бросились впередъ; четыре жилистыхъ кулака желѣзными когтями впились въ спящаго. Но тотъ не сопротивлялся, не закричалъ о помощи; онъ оставался лежать также спокойно и невозмутимо, какъ и раньше, и только покачивался изъ стороны въ сторону послѣ того, какъ негры встряхнули его. И... что-же это значитъ? Они не стали его связывать.

Какъ передъ этимъ они одновременно набросились на него и схватили его, также сразу они теперь выпустили его и отскочили назадъ. Знахарь съ секунду качался изъ стороны въ сторону и затѣмъ тяжело рухнулъ на бокъ. Оба негра дрожали, какъ осиновый листъ.

Бѣлая Борода подошелъ ближе, глядя съ удивленіемъ на то, что происходило передъ его глазами. Что еще это было за новое проявленіе волшебныхъ чаръ? Да, это была тайна, заставившая отступить слугъ Бѣлой Бороды,—страшная тайна, которая особенно глубокб потрясаетъ человѣка, и къ которой онъ никогда не можетъ привыкнуть.

Не мирный сонъ, а его болѣе суровый братъ—смерть спустилась въ эту ночь къ изголовью знахаря, и оттого-то негры и отступили съ такимъ ужасомъ назадъ, замѣтивъ, что схватили трупъ, и что собираются связывать мертваго

Бѣлая Борода тоже былъ глубоко потрясенъ. Итакъ, это утомительное путешествіе черезъ чащу лѣса привело только къ тому, чтобы узнать, что старый комедіантъ покончилъ свое земное существованіе. А между тѣмъ сколько опасностей могло ожидать ихъ во время этого путешествія! Въ душѣ его поднималось кромѣ того тяжелое предчувствіе: вѣдь онъ подвергался еще непріятности быть обвиненнымъ въ смерти этого охранителя священнаго храма! Какъ доказать, что не онъ былъ причиной его смерти?

Всѣ трое стояли по прежнему, не шевелясь. Въ природѣ тоже все было тихо, какъ въ могилѣ; только въ вершинахъ высокихъ деревьевъ Священной рощи протяжно и печально завывалъ вѣтеръ. Моари первый очнулся отъ оцѣпенѣнія.

Какъ олень, который чуетъ опасность, поднялъ онъ голову и вслушивался въ шелестъ лѣсныхъ верхушекъ; казалось, онъ различалъ въ нихъ оттѣнки, не принадлежавшіе къ обычнымъ звукамъ лѣса: въ этомъ едва уловимомъ шелестѣ было что-то зловѣщее. Наконецъ, онъ отдалъ себѣ въ нихъ ясный отчетъ и понялъ, что нельзя мѣшкать ни секунды.

— Бѣжимъ!—сказалъ онъ вполголоса. — Сюда идутъ. Я слышу говоръ. Они приближаются съ той стороны.

Теперь Бѣлая Борода и Томъ тоже различили смѣшанные человѣческіе голоса.

— Куда бѣжать?—спросилъ Томъ растерянно. — Въ той сторонѣ рощи кто-то точно смѣется. Сюда идутъ съ двухъ сторонъ!

— Это только эхо!— возразилъ Моари. — Бѣжимъ туда, откуда мы пришли.

Всѣ трое отступили дальше, куда не достигалъ свѣтъ костра и зашли за хижину знахаря. Голоса приближавшихся людей становились все громче, и можно было ясно разслышать, какъ кто-то крикнулъ:—„Тамъ еще горитъ костеръ“!

Эти слова были сказаны на языкѣ, на которомъ говорили только вангваны. Итакъ, это одинъ изъ вангвановъ

Абеда обращалъ вниманіе товарищей на огонь передъ жилищемъ знахаря. Восклицаніе это донеслось съ тропинки, которая вела къ храму, но затѣмъ ясно раздался крикъ и справа, изъ глубины лѣса:

— Ого, Сагорро!

Моари, убѣдившійся теперь, что Томъ былъ правъ и что люди приближались также и съ другой стороны, началъ инстинктивно, не произнося ни слова, лѣзть на дерево и его спутники послѣдовали безъ разсужденія его примѣру.

Неужели Сагорро узналъ отъ своихъ развѣдчиковъ о ночной вылазкѣ Бѣлой Бороды и хотѣлъ помочь своему другу, старому знахарю? Это должно было сейчасъ-же выясниться.

Первымъ вышелъ изъ лѣса самъ Сагорро, а за нимъ показались и вангваны. Мало по малу, они наполнили все свободное пространство между храмомъ и хижиной знахаря. Сагорро подбросилъ хворосту въ догоравшій огонь, и тотъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, при свѣтѣ котораго Бѣлая Борода могъ сосчитать число непріятелей: ихъ было, не считая Сагорро, тридцать человѣкъ, т.е. по десяти на каждаго изъ обитателей Чернаго замка!

Почему Сагорро не искалъ знахаря и устраивался здѣсь, какъ у себя дома? О, онъ навѣрное зналъ, что того уже не было въ живыхъ!

— Вотъ тамъ онъ лежитъ, — сказалъ онъ, указывая на трупъ.—Вѣдь ужъ онъ умеръ, если я не ошибаюсь?

— Да, онъ уже окоченѣлъ!—отвѣтилъ одинъ изъ вангвановъ, пощупавъ трупъ.

— Тогда живо за дѣло, вангваны,—приказалъ Сагорро.— Рано утромъ вернется глупая невольница съ неграми изъ деревни Пантеры. Нельзя терять времени. Полночь уже давно миновала!

Онъ схватилъ при этихъ словахъ горящую головню и направился съ ней къ храму. Вангваны, толкая другъ друга, бросились за нимъ. Черезъ нѣсколько секундъ они стали выходить оттуда съ ношей за плечами: каждый несъ по

клыку слона. Только нѣсколько послѣднихъ вангвановъ шли съ пустыми руками. Снова появился Сагорро съ горящей головней, бросилъ ее въ огонь и сталъ считать вангвановъ, несшихъ слоновую кость.

— Двадцать пять!—воскликнулъ онъ.—Всѣ на лицо. Теперь въ путь!

Пять вангвановъ, которымъ не досталось клыковъ, указали на жилище знахаря, которое оставалось нетронутымъ, но Сагорро властно сказалъ:

— Не стоитъ грабить этого жалкаго скарба. Пускай невольница возьметъ себѣ ту бездѣлицу матеріи, которая тамъ есть. И замѣтьте себѣ: мы никогда здѣсь не были. Это чортъ похитилъ старика и слоновую кость! Негры легко повѣрятъ этому.

Разбойники со смѣхомъ двинулись въ обратный путь. Ихъ шаги постепенно затихали въ лѣсу,—и вотъ снова слышался только шелестъ листьевъ въ вершинахъ деревьевъ, къ которому примѣшивались теперь странные звуки, точно кто-то звалъ или смѣялся: то приближались гіены—эти лѣсные могильщики, чтобы исполнить послѣдній обрядъ надъ покойнымъ.

Бѣлая Борода и его спутники слѣзли съ деревьевъ. Опасность миновала — теперь можно было спокойно вернуться въ Черный замокъ. Но раньше, чѣмъ уйти, Бѣлой Бородѣ захотѣлось посмотрѣть на внутренность храма. Онъ взялъ въ свою очередь горящую головню и черезъ узкую дверь вошелъ въ это святилище.

Внутреннія стѣны сводчатаго помѣщенія были зачернѣны сажей. По срединѣ возвышался огромный, выше человѣческаго роста, фетишъ, грубо вырубленный изъ дерева и выкрашенный широкими полосами При колеблющемся пламени головни нельзя было различить красокъ, и можно было только догадываться объ этомъ по темнымъ пятнамъ. Вокругъ фетиша разставлены были на землѣ черепа. Куда только ни направлялъ Бѣлая Борода свѣтъ головни, повсюду скалили на него зубы страшные человѣческіе черепа.

Зрѣлище было по истинѣ ужасное. Бѣлая Борода внутренно содрогнулся. И это былъ не склепъ, а храмъ. Бѣлая Борода слыхалъ и раньше отъ другихъ негрскихъ племенъ, что ближайшіе его сосѣди—людоѣды, что они будто-бы убивали своихъ рабовъ и съѣдали ихъ; въ этомъ пиршествѣ принимали участіе только вожди и знатнѣйшіе изъ негровъ. Но втеченіе своего пребыванія въ этой мѣстности онъ не могъ замѣтить подтвержденія этихъ слуховъ: въ жизни и обычаяхъ дикарей не видно было ничего, что указывало-бы на такое грубое варварство. Теперь-же онъ былъ убѣжденъ въ этомъ. Всѣ эти черепа были, очевидно, остатками отвратительныхъ кровавыхъ пиршествъ, происходившихъ въ таинственной Священной рощѣ. Теперь съ глазъ Бѣлой Бороды спала завѣса великой тайны, окутывавшей Священную рощу. Такъ вотъ почему вступать въ нее воспрещалось подъ страхомъ смерти! Вотъ какія священнодѣйствія совершались въ этомъ храмѣ!

Передъ его глазами возвышался грубый божокъ, смотрѣвшій сверху внизъ на всѣ эти ужасы, разыгрывавшіеся передъ нимъ втеченіе десятилѣтій. Заслуживали-ли эти чудовища, безжалостно закалывавшія своихъ ближнихъ, лучшей доли, чѣмъ какую готовили имъ гробы?

— Отомсти за насъ! Отомсти за оскорбленное въ нашемъ лицѣ человѣчество!—казалось, кричали ему всѣ эти мертвыя головы, такъ что онъ вышелъ изъ страшнаго храма, содрагаясь отъ ужаса.

Хорошо, что благодаря темнотѣ ночи Томъ и Моари, которые ни за какія сокровища не переступили-бы порога храма, не могли различить блѣдное лицо и блуждающій взглядъ Бѣлой Бороды, такъ какъ иначе они могли-бы подумать, что фетишъ такъ могущественъ, что внушилъ страхъ даже Бѣлому; а между тѣмъ тотъ содрогался только отъ зрѣлища дикаго варварства чернокожихъ, которыхъ собирался защищать отъ притѣсненій арабовъ и которымъ хотѣлъ дать болѣе разумное и счастливое существованіе.

XI. Передъ битвой.

Абеду стоило не малаго труда уговорить Пантеру не оставлять деревни: отбитые негры хотѣли во чтобы то ни стало бѣжать подальше отъ этого бѣлаго, который наводилъ на нихъ ужасъ своими заколдованными ружьями.

— Бѣлый явится къ намъ въ деревню! — кричали они. Онъ подожжетъ ее и убьетъ насъ или сдѣлаетъ своими рабами!

Никакія увѣщанія не помогли, и когда поздно ночью явилась въ деревню невольница знахаря и объявила, что старикъ умеръ, то всѣ стали хватать свое имущество и готовить лодки. Но въ послѣднюю минуту все-же явилась помощь: изъ лагеря араба приплыли въ длинныхъ челнокахъ тридцать вангвановъ, чтобы поддержать Абеда.

— Пантера—обратился тогда къ вождю негровъ Абедъ. Ты видишь, Сагорро не оставляетъ тебя. Онъ посылаетъ тебѣ своихъ воиновъ, а завтра пришлетъ еще больше. Мы станемъ защищать вашу деревню и сразимъ бѣлаго, если-бы онъ вздумалъ напасть на тебя. Не бойся, мы не дадимъ васъ въ обиду, а отомстимъ ему за тотъ день, когда онъ отбилъ васъ отъ замка. Мы предадимъ огню замокъ и возьмемъ въ плѣнъ его людей. Сдѣлаете-ли вы это, сыны Занзибара?—спросилъ онъ вагвановъ, и толпа въ отвѣтъ на это дико заревѣла и стала потрясать длинными ружьями.

Тогда мужество вернулось въ сердце вождя, а когда онъ услышалъ, что Сагорро готовъ выпить съ нимъ кровавый брудершафтъ, то первый-же отнесъ свое добро въ домъ и старался вдохнуть мужество и надежду въ своихъ воиновъ.

Никто и не думалъ о снѣ. Всю ночь напролетъ велись самыя оживленныя бесѣды, въ которыхъ всячески оскорбляли бѣлаго, а вангваны сочинили пѣсни, восхваляя въ нихъ свои будущія дѣянія. Первый запѣлъ Абедъ:

„Друзья, скажите мнѣ, кто тотъ герой великій,
Что изъ-за озера пришелъ на берега рѣкы

Чрезъ степи, лѣсъ, пустынныя мѣста?
То нашъ Сагорро!"

— То нашъ Сагорро! — подхватили вангваны. Абедъ продолжалъ:

„Друзья, скажите мнѣ, кто въ годъ одинъ
Завоевалъ для насъ богатый этотъ край
И насъ привелъ къ волнамъ рѣки шумливой?
То нашъ Сагорро!"

— То нашъ Сагорро! — хоромъ пропѣли вангваны, а негры изъ деревни Пантеры обступили ихъ тѣснымъ кругомъ. Абедъ запѣлъ далѣе, импровизируя слова:

„Друзья, сочтете-ль вы число рабовъ,
Захваченныхъ за тотъ походъ великій?
Нѣтъ, то не подъ силу смертному простому!
Да здравствуетъ герой Сагорро!"

* * *

„Теперь васъ спрашиваю я; кто помѣшаетъ намъ
Владѣть богатымъ этимъ краемъ,
Кто плодъ трудовъ оспаривать дерзнетъ?
Кто этотъ врагъ?"

Вангваны молчали и Абедъ продолжалъ:

„Глядите-же, друзья: тамъ на холмѣ высокомъ
Колеблетъ вѣтеръ знамя; на знамени звѣзда сіяетъ,
И эта звѣздочка поспорить съ полумѣсяцемъ желаетъ?
Но въ силахъ-ли она?"

* * *

„Тамъ, въ замкѣ, тамъ живетъ нашъ врагъ!
Возстань, Сагорро, смѣлый нашъ герой!
Беритесь за оружіе, вы, храбрые вангваны!
Смерть, смерть врагу!"

Негры подхватили послѣднія слова съ дикимъ воемъ, и до самаго разсвѣта не прекращался шумъ и пѣніе. Утромъ вангваны принялись за постройку себѣ зеленыхъ хижинъ около деревни. Бѣлая Борода, спавшій тревожнымъ сномъ послѣ своего ночного похода былъ разбуженъ Майгазиномъ-баки, сообщившимъ ему эту непріятную вѣсть. Сагорро до-

стигъ своей цѣли: теперь онъ былъ защитникомъ негровъ а Бѣлая Борода—ихъ врагомъ. Теперь уже никто изъ мѣстныхъ жителей не являлся работать на плантаціяхъ Чернаго замка. Но Бѣлая Борода не потерялъ мужества. Правда, приходилось начинать все съизнова и снова добиваться довѣрія негровъ. Но онъ вѣрилъ, что недалеко то время, когда арабъ покажетъ свои когти мѣстному населенію, и тогда оно снова вернется къ Черному замку, съ которымъ было раньше въ такой дружбѣ.

Но пока арабъ держалъ себя вѣжливо и безупречно относительно Бѣлой Бороды. Онъ самъ явился вечеромъ въ Черный замокъ.

— Ради нашихъ общихъ интересовъ я прислалъ сюда отрядъ своихъ вангвановъ!—сказалъ онъ Бѣлой Бородѣ.— На твоихъ плантаціяхъ плоды еще не поспѣли, и такъ какъ мы съ тобой еще долго останемся въ этой странѣ, то надо намъ позаботиться о томъ чтобы негры не покинули своихъ деревень. Если они уйдутъ отсюда, то мы лишимся съѣстныхъ припасовъ. Споръ изъ-за негритянки, надо надѣяться, скоро кончится. Я охотно предлагаю тебѣ свои услуги. Смерть стараго знахаря дала дѣлу благопріятный оборотъ: теперь будутъ выбирать новаго знахаря и устроятъ праздникъ, на которомъ будутъ приносить жертвы; эти жертвы и искупятъ вину Меты. Тогда негры почувствуютъ себя удовлетворенными, успокоятся, и все снова станетъ по прежнему тихо и мирно.

— Ты, какъ видно, близко знакомъ съ нравами мѣстнаго населенія!—замѣтилъ Бѣлая Борода.

— Конечно!—отвѣчалъ Сагорро.—Когда такъ долго, какъ я, живешь среди этихъ людей, то невольно изучишь наконецъ всѣ ихъ обычаи. А если желаешь жить съ ними въ мирѣ, то надо и уважать эти обычаи!

— Сагорро!—вскричалъ насмѣшливо Бѣлая Борода.— Могу увѣрить тебя, что Мета не входила въ Священную рощу, и ужъ если законы страны должны быть уважены, то слѣдуетъ искать виновныхъ въ другихъ лицахъ. Ты даешь

понять мнѣ своими намеками, что мнѣ надо было-бы выдать Мету. Хорошо, я отдамъ ее вамъ, если вождю Пантерѣ выданы будутъ всѣ тѣ, которые похитили изъ храма людоѣдовъ двадцать пять слоновыхъ клыковъ!

Сагорро отступилъ на шагъ назадъ, но быстро овладѣлъ собой и сказалъ:

— Ты говоришь загадками, Бѣлая Борода! Какъ? Неужели изъ храма похищено двадцать пять клыковъ? Я еще не слыхалъ объ этомъ! Увѣренъ-ли ты, что это правда?

— Мнѣ это достовѣрно извѣстно, Сагорро! — возразилъ Бѣлая Борода.—Кто-то привелъ въ эту ночь тридцать черныхъ дьяволовъ въ Священную рощу и—такъ-какъ знахаря уже не было въ живыхъ — ввелъ ихъ въ храмъ Фетиша, а когда они вернулись оттуда съ нашей за плечами, онъ сосчиталъ ихъ и сказалъ: „Двадцать пять! значитъ, всѣ на лицо!“ И затѣмъ увелъ ихъ изъ Священной рощи. Всѣ эти тридцать человѣкъ, какъ и ихъ вождь, совершили точно такое же преступленіе, въ какомъ несправедливо обвиняютъ негры Мету. Развѣ они не подлежатъ за это смерти? Развѣ мѣстный обычай не наказываетъ одинаково всѣхъ чужестранцевъ, которые вступаютъ въ Священную рощу?

Сагорро на секунду измѣнился въ лицѣ и опустилъ глаза въ землю, но уже при послѣднихъ словахъ Бѣлой Бороды дерзко закинулъ голову назадъ и иронически произнесъ:

— Ты не спалъ, какъ видно, эту ночь, потому что выглядишь блѣднымъ и разстроеннымъ!

— Ты правъ. Въ эту ночь я многое узналъ и знаю теперь, что нельзя вѣрить даже словамъ друга!—коротко отвѣтилъ Бѣлая Борода.

— Оставимъ всѣ эти страшныя исторіи о привидѣніяхъ и таинственностяхъ!—сказалъ немного спустя Сагорро.—Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ; быть можетъ, мы еще поймемъ другъ друга. Помнишь, какъ я дружески привѣтствовалъ тебя, какъ только увидѣлъ здѣсь въ первый разъ? Помнишь, какъ я увѣрялъ тебя, что хочу только мира и согласія между нами?

— О, отлично помню!—отвѣчалъ Бѣлая Борода.—Твои ласковыя слова еще звучатъ у меня въ ушахъ, такъ что мнѣ очень трудно согласовать ихъ съ поступками твоихъ вангвановъ!

— Моихъ вангвановъ?—вскричалъ Сагорро съ притворнымъ удивленіемъ.—Но, Бѣлая Борода, если они обидѣли, оскорбили тебя, почему-же ты не пришелъ ко мнѣ, почему ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ? Я далъ-бы тебѣ удовлетвореніе, какъ тотъ разъ, при похищеніи Меты.

— Благодарю тебя, Сагорро, за твою доброту!—холодно возразилъ Бѣлая Борода.—Но я предпочелъ самому искать себѣ удовлетворенія.

Негры должно быть знаютъ теперь цѣну нашимъ маленькимъ ружьямъ; но они не удовлетворились въ этомъ отношеніи урокомъ, даннымъ имъ на бегемотѣ, а пожелали на самихъ себѣ испытать силу нашего оружія, и въ этомъ виноваты ихъ совѣтчики и руководители, которымъ они и должны быть благодарны.

— О, что касается до этихъ мелочей!.. Неужели ты придаешь такое значеніе болтовнѣ негровъ? Пожалуйста, забудь это, Бѣлая Борода. Объ этомъ, право, не стоитъ даже и говорить. Предоставь вождямъ болтать всякій вздоръ, какой только они пожелаютъ! Тебя это не можетъ очень трогать, потому что вѣдь не останешься-же ты вѣчно въ этой странѣ. Мнѣ кажется, я угадываю, что ты собираешься предпринять: ты хочешь изслѣдовать новыя земли въ Африкѣ, какъ это дѣлали и другіе бѣлые. Направляясь сюда, ты проѣзжалъ по незнакомымъ странамъ, а теперь отдыхаешь здѣсь въ ожиданіи того, чтобы твои соотечественники доставили тебѣ нужные припасы для дальнѣйшаго путешествія. Съ сѣвера въ Конго вливаются могучія рѣки: ты, навѣрное, слыхалъ про Арувхими, верховья которой находятся вблизи Нила. Я вижу тебя насквозь, Бѣлая Борода, вижу всѣ твои мысли и планы: ты хочешь изслѣдовать Арувхими. Но и я собираюсь туда-же, для этой цѣли и построилъ свои лодки. Мой флотъ готовъ. Ты знаешь моихъ вангва-

новъ: они не уступятъ въ храбрости солдатамъ Типпу-Тиба. Такъ вотъ я и предлагаю тебѣ отправиться вмѣстѣ со мной къ берегамъ Арувхими: я буду тебя сопровождать, какъ Типпу-Тибъ сопровождалъ Стэнли.

— Сагорро, ты сообщаешь мнѣ пріятную новость!—сказалъ съ оттѣнкомъ насмѣшки Бѣлая Борода. — Какія цѣли ты при этомъ преслѣдуешь,—такъ какъ вѣдь, только изъ любви ко мнѣ, врядъ-ли ты сталъ-бы дѣлать мнѣ подобное предложеніе?!

— Понятно, я преслѣдую этимъ нашу общую выгоду!— возразилъ Сагорро.—Для тебя цѣлью будетъ само путешествіе, такъ какъ вѣдь бѣлые не покупаютъ слоновой кости и не похищаютъ рабовъ: съ васъ довольно и того, что вы видите страны. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступали до сихъ поръ всѣ твои братья, которые приходили изъ Занзибара въ Танганайку и на берега Конго. Въ сопровожденіи меня ты будешь путешествовать совершенно безопасно. Мы составимъ вдвоемъ значительную силу, съ которой не въ состояніи будетъ бороться ни одно негрское племя. Ты совершишь свое путешествіе и этимъ достигнешь желаемой цѣли. Такъ сдѣлалъ и Стэнли, но онъ долженъ былъ заплатить Типпу-Тибу много денегъ, кажется, цѣлыхъ шесть тысячъ долларовъ, которые и были ему уплочены въ Занзибарѣ. Я же не хочу отъ тебя никакихъ денегъ: по пути представится не мало случаевъ поживиться слоновой костью и рабами, а съ меня довольно и этого! Какъ видишь, тебѣ будетъ только выгодно соединиться со мной, во всякомъ случаѣ ты не понесешь отъ этого никакихъ убытковъ.

— Ты очень великодушенъ, Сагорро!—возразилъ со смѣхомъ Бѣлая Борода.—Такъ я долженъ участвовать съ моими гаусами и балубами въ сотнѣ схватокъ, чтобы только дать тебѣ возможность раздобыть побольше слоновой кости и рабовъ? Но ты придумалъ все это, не спросясь моего желанія. Мы не грабимъ, и ты долженъ былъ-бы знать это. Никогда я не буду сопровождать тебя въ твоихъ хищническихъ походахъ. Прими въ соображеніе еще одно обстоятельство,

Сагорро: то время, когда вы могли безнаказанно убивать и расхищать въ Африкѣ, близится уже къ концу. Всюду проникаютъ европейцы, и ты знаешь, что наши пароходы плаваютъ уже и по Конго. Я не покину своего Чернаго замка. Я останусь здѣсь, чтобы устраивать плантаціи, чтобы научить негровъ пользоваться сокровищами растительнаго міра. Эта дѣятельность стоитъ того, чтобы ею заняться. Повѣрь мнѣ, Сагорро, и примкни ко мнѣ! Условься съ вождями, чтобы каждый изъ ихъ воиновъ собиралъ въ день хотя-бы по четверти фунта каучука, и черезъ годъ у тебя будетъ много центнеровъ, которые тоже чего-нибудь да стоятъ и не могутъ погибнуть по дорогѣ къ морю, какъ ваши рабы, изъ которыхъ едва десятая часть достигаетъ моря. Примкни ко мнѣ, Сагорро, и ты будешь получать нужные товары и припасы дешевле здѣсь, у нашихъ пароходовъ, чѣмъ въ Ніангве или даже въ самомъ Занзибарѣ, такъ-какъ мы не станемъ требовать съ тебя страшныхъ пошлинъ.

Сагорро иронически улыбнулся.

— Бѣлая Борода,—возразилъ онъ,—я желаю тебѣ счастья въ твоемъ предпріятіи. Ты хочешь пріучить къ труду этихъ людоѣдовъ и безбожниковъ? Но скорѣе Конго потечетъ обратно, чѣмъ это случится. О, если ты ради этого остаешься здѣсь, то я тебѣ не помощникъ, потому что могу дѣйствовать только такъ, какъ это въ обычаѣ у арабовъ; вѣдь эта страна язычниковъ самимъ Аллахомъ отдана въ наши руки, и мы можемъ распоряжаться здѣсь такъ, какъ найдемъ нужнымъ!

Послѣ этого Сагорро удалился. И такъ, единеніе не состоялось, и слова его звучали скорѣе угрозой и объявленіемъ войны.

Въ ту-же ночь Сагорро и Абедъ сидѣли вмѣстѣ у костра и составляли планы на будущее.

— Удивляюсь твоей прозорливости!—проговорилъ Абедъ.— Смерть знахаря произошла очень кстати и доставила намъ двадцать пять слоновыхъ зубовъ: вѣдь храмъ фетиша—это лучшій магнитъ, притягивающій къ себѣ всю слоновую

кость изъ этой страны. Новый охранитель бога долженъ позаботиться о томъ, чтобы утраченныя сокровища храма снова пополнились. Вожди, которымъ дозволяется входить въ храмъ послѣ смерти знахаря, вернулись изъ священной рощи глубоко потрясенными видѣннымъ: по ихъ мнѣнію, свершилось великое чудо, — какой-то Духъ унесъ знахаря вмѣстѣ со слоновой костью. Простяки заботятся уже о томъ, чтобы потеря утраченнаго была возмѣщена, и каждая деревня обязуется доставить свою долю въ сокровищницу храма.—Теперь мы знаемъ, откуда въ скоромъ времени можемъ снова получить слоновую кость. Меня удивляетъ только, какъ это старый составитель ядовъ самъ проглотилъ ядовитый напитокъ, даже не замѣтивъ этого.

— Помнишь, — остановилъ его Сагорро, — какой страхъ внушалъ арабамъ въ Таборѣ и на озерѣ Танганайкѣ Мирамбо? Арабы Восточной Африки не въ силахъ были одолѣть его на войнѣ. Онъ разбивалъ ихъ на голову, грабилъ ихъ караваны. Но, наконецъ, ему дали выпить одинъ ядъ— тотъ самый, который выпилъ и знахарь,—и на другое утро онъ не проснулся болѣе. Негры не знаютъ, что этотъ напитокъ ядовитъ, потому что онъ сладкій и пріятный на вкусъ.

— Сагорро!—вскричалъ Абедъ.—Какъ вижу, тебя надо остерегаться! Но скажи мнѣ, дѣйствуетъ-ли этотъ ядъ на бѣлыхъ, или-же онъ страшенъ только для чернокожихъ?

— Противъ каждаго яда есть свое противоядіе!—возразилъ арабъ. —Мой напитокъ дѣйствуетъ медленно и умный человѣкъ успѣетъ принять противоядіе раньше, чѣмъ ядъ окажетъ свое вредное дѣйствіе. Но что касается до Бѣлой Бороды, то съ нимъ надо бороться иными средствами. Ты самъ знаешь, что онъ видитъ насъ насквозь.

— Да замѣтилъ Абедъ.—И я даже могу отлично объяснить, почему онъ знаетъ всѣ подробности о кражѣ слоновой кости.

— О!—произнесъ съ изумленіемъ Сагорро. — Неужели ты знаешь, кто сказалъ ему объ этомъ?

— Дѣло въ высшей степени просто!—продолжалъ Абедъ.— Мѣстные жители ничего не знаютъ о событіяхъ прошлой ночи: они и въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что духъ унесъ изъ нашего міра и знахаря, и оберегаемую имъ слоновую кость. Тѣ-же тридцать чертей, о которыхъ разсказывалъ Бѣлая Борода, ни въ какомъ случаѣ не духи: подъ черными дьяволами разумѣетъ онъ насъ, т. е. тѣхъ тридцать вангвановъ, которые входили съ тобой въ Священную рощу. Ты говоришь, что онъ слово въ слово передалъ тебѣ то, что ты сказалъ своимъ людямъ; изъ этого я заключаю, что онъ самъ былъ въ ту ночь въ Священной рощѣ и слышалъ все собственными ушами!

Сагорро съ недовѣріемъ покачалъ головой.

— Не сомнѣвайся въ этомъ, Сагорро,—продолжалъ Абедъ.— Бѣлая Борода былъ увѣренъ, что въ ту ночь, послѣ того, какъ негры были отбиты съ такими потерями для нихъ, не произойдетъ вторичнаго нападенія на Черный замокъ, и вотъ оттого-то онъ и отправился къ старому знахарю, чтобы хитростью и подарками склонить его на свою сторону. Онъ желалъ поступить также умно, какъ поступилъ ты. Но только онъ пришелъ слишкомъ поздно, когда ядъ уже сдѣлалъ свое дѣло, и такимъ образомъ его смѣлый поступокъ не принесъ ему никакой пользы.

Вотъ на этомъ-то я основалъ свой планъ, который состоитъ въ слѣдующемъ: Бѣлая Борода знаетъ не хуже нашего, что въ Священной рощѣ, во время ночныхъ пиршествъ, лакомятся человѣческимъ мясомъ; такой праздникъ предстоитъ теперь съ выборомъ новаго знахаря. Вожди—Пантера, Крокодилъ, Козелъ и Гусеница,—находятся въ нѣкоторомъ затрудненіи, откуда имъ взять жертву для этого дня, такъ какъ мѣстные жители не могутъ употребляться для этой цѣли, а чужеземные рабы уже давно всѣ съѣдены. Они уже собирались предпринимать небольшіе набѣги на острова по Конго, гдѣ тамъ и сямъ живутъ рыбаки, или къ іаунгамъ, чтобы поживиться невольниками. Я пришелъ къ нимъ какъ разъ во время, чтобы обратить ихъ вниманіе на чужезем-

цевъ, живущихъ со всѣмъ подъ бокомъ у нихъ: я напомнилъ имъ о балубахъ Бѣлой Бороды. Правда, они теперь стали трусливы, но Тумба мало обращаетъ вниманія на военное настроеніе страны; у нея на берегу рѣки воспитываются ея крокодилы, къ которымъ она сильно привязалась и о которыхъ не перестанетъ заботиться, хотя-бы для этого и пришлось подвергаться опасностямъ. Она и теперь, какъ и прежде, ходитъ кормить своихъ питомцевъ и ухаживаетъ за ними. Ты понимаешь меня, Сагорро?

Тотъ утвердительно кивнулъ головой, и Абедъ продолжалъ дальше, зловѣще сверкнувъ глазами:

— Вожди тоже понимаютъ, въ чемъ дѣло! Они уже заранѣе щелкаютъ зубами отъ удовольствія и подсматриваютъ за старухой.

— Они не упустятъ ее, въ этомъ можно быть совершенно увѣреннымъ. А что будетъ послѣ? Бѣлая Борода станетъ требовать выдачи похищенной старухи и захочетъ взять деревню Пантеры. Но тогда я вмѣшаюсь съ моими вангванами.—Довольно уже пролито человѣческой крови! — скажу я. Ты ошибаешься, Бѣлая Борода: негры съ береговъ Конго невиновны. Обыщи всю деревню и ты не найдешь той, которую ищешь. И онъ дѣйствительно не найдетъ ее, потому что мы спрячемъ старую Тумбу въ Священной рощѣ. Быть можетъ онъ и нападетъ на деревню, если не повѣритъ нашимъ словамъ или захочетъ отомстить неграмъ. Что-жъ! Ты только то сообрази, Сагорро, что мы будемъ защищены въ закрытомъ мѣстѣ, а ему придется брать насъ приступомъ. Можетъ быть онъ на этотъ разъ даже одержитъ побѣду, но навѣрное не безъ потери части своихъ людей, а потеря каждаго человѣка чувствительно отзовется на его силѣ. Если онъ подожжетъ деревню, то мы объявимъ войну, и тогда онъ рано или поздно долженъ будетъ сдаться. Такъ какъ видишь-ли, ему придется отъ времени до времени покидать свой замокъ, чтобы доставить воду; каждое ведро воды будетъ доставаться ему не дешево, такъ какъ мы изъ засады станемъ стрѣлять въ тѣхъ, кто будетъ хо-

дить за водой. Но на такую борьбу Бѣлая Борода не пойдетъ. Онъ знаетъ Священную рощу и проникнетъ въ нее, чтобы спасти свою негритянку. Онъ отважится пойти туда съ горстью своихъ гауссовъ, — но ему не удастся сдѣлать этого такъ безнаказанно, какъ въ прошлую ночь! Мы сейчасъ-же узнаемъ черезъ нашихъ развѣдчиковъ, когда онъ оставитъ свой замокъ, и можемъ отправиться въ Священную рощу обходнымъ путемъ, или-же осадить Черный замокъ, который останется безъ хозяина. Тогда ты можешь выбирать одно изъ двухъ: или покончить съ нимъ самимъ, или-же взять приступомъ беззащитный замокъ!

— Абедъ! — вскричалъ Сагорро. — Это великая мысль пришла тебѣ въ голову! Я сейчасъ-же дамъ твоимъ вангванамъ подкрѣпленіе въ видѣ свѣжихъ силъ.

— Не правда-ли, мой планъ недурно задуманъ? — спросилъ Абедъ. — Во всякомъ случаѣ онъ очень смѣлъ и обѣщаетъ много выгоды. Разъ мы овладѣемъ запасами Бѣлой Бороды, мы можемъ похитить еще двадцать шесть слоновыхъ клыка изъ храма фетиша и вернуться въ Ніангве, Табору и Занзибаръ, чтобы съ честью выплатить наши деньги.

— А Бѣлая Борода? — спросилъ Сагорро. — Что мы будемъ съ нимъ дѣлать?

— Конечно — отвѣчалъ Абедъ, — онъ не долженъ остаться въ живыхъ и быть свидѣтелемъ того, что мы сдѣлали. Мы дадимъ знать его бѣлымъ братьямъ, что его убили людоѣды береговъ Конго, и когда пріѣдутъ съ запада пароходы, чтобы узнать о житьѣ-бытьѣ владѣльца замка, они не найдутъ и слѣдовъ Чернаго замка. Отъ деревенъ по Конго тоже ничего не останется: вѣдь мы обѣщали рыбакамъ изъ Веньи, что покажемъ имъ страну, гдѣ они могутъ вдоволь поживиться вмѣстѣ съ нами невольниками. Смотри, эта страна простирается передъ нашими глазами; четыре деревни лежатъ по берегу рѣки. Но скоро скажутъ: „рыбаки изъ Веньи пришли и опустошили весь край“, — и пароходы, приплывшіе съ запада, отчалятъ прочь, чтобы привезти извѣстіе объ этомъ на родину Бѣлой Бороды.

Сагорро обнялъ своего слугу.

— Абедъ,—проговорилъ онъ,—мы по братски раздѣлимъ съ тобой добычу!

Они разстались. Сагорро вернулся назадъ въ лагерь, Абедъ-же зловѣщимъ взглядомъ смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Раздѣлимъ по братски! — прошепталъ онъ.— Знаю я тебя, Сагорро. Въ ожиданіи добычи останусь я вѣроятно только до Ніангве, а потомъ... Ну, потомъ съ Абедомъ можно и покончить! Ха-ха-ха! Но я не Мирамбо и не старый знахарь. Не видать тебѣ еще разъ Ніангве, Сагорро! У насъ съ тобой есть еще кое-какіе счеты, которые намъ надо свести другъ съ другомъ!

XII. Святая ночь.

Не чернокожіе-ли индѣйцы сидѣли въ углу двора Чернаго замка и курили трубку мира? Огромная трубка переходила отъ одного къ другому, какъ это въ обычаяхъ у индѣйцевъ.

Нѣтъ, это были балубы Бѣлой Бороды, которые, согласно своимъ обычаямъ, хотѣли защитить себя отъ всякаго несчастья въ это смутное время, грозившее всевозможными опасностями. Сегодня утромъ Тумба видѣла на берегу рѣки пару аистовъ и сообщила объ этомъ своимъ балубамъ, лица которыхъ стали при этомъ извѣстіи серьезны и печальны: вѣдь аисты и журавли считались вѣстниками несчастій, то были первые аисты, которыхъ они видѣли въ этой мѣстности. Они появились сейчасъ-же послѣ битвы съ неграми, а это служило еще болѣе зловѣщимъ знакомъ, означая какую-нибудь бѣду. Очевидно, ихъ могъ прислать сюда только злой духъ Коумбе, а потому балубы и рѣшили употребить противъ этихъ посланцевъ злого духа вѣрное и испытанное средство, которое уже не разъ предохраняло ихъ отъ всякихъ несчастій.

Они собрались вмѣстѣ и курили—но не табакъ, а ко-

коплю, какъ имъ предписывала ихъ религія: дымъ долженъ былъ уничтожить силу злого духа и разогнать его злостныя намѣренія. Бѣлая Борода употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы отъучить балубовъ отъ этого обычая, но тѣ стояли на своемъ и курили по крайней мѣрѣ хоть въ наиболѣе важныхъ случаяхъ жизни.

Дѣйствіе конопли гораздо сильнѣе, чѣмъ табакъ: въ коноплѣ, именно въ той, которая растетъ въ южныхъ странахъ, содержится очень сильное наркотическое вещество, которое опьяняетъ и ошеломляетъ тѣхъ, кто куритъ, оказывая на нихъ дѣйствіе, сходное съ дѣйствіемъ опіума.

Старая Тумба, которая играла среди балубовъ роль настоящей прорицательницы, умѣла предсказывать всевозможныя вещи на основаніи галлюцинацій, которыя являлись у курившихъ. Сегодня собраніе балубовъ придавало особенное значеніе ея предсказаніямъ, такъ какъ положеніе дѣлъ было очень серьезно и можно было ожидать, что оно кончится очень плохо для обитателей замка.

Тумба тоже курила, сильно и долго затягиваясь, неподвижно глядя передъ собой.

Наконецъ, дымъ оказалъ свое одурманивающее дѣйстіе: старуха вскочила на ноги и потребовала, чтобы участники церемоніи протанцовали танецъ. Онъ былъ некрасивъ и не отличался граціозностью, такъ какъ состоялъ только въ дикихъ тѣлодвиженіяхъ; но эти движенія танцующихъ привели Тумбу въ какой-то бѣшеный экстазъ и она стала громко и на распѣвъ разсказывать свои видѣнія.

— Глядите, глядите, балубы,—кричала она, — вотъ началась война. Дикіе приходятъ съ кольями и луками; дикіе нападаютъ на нашу деревню. Но горе имъ, горе! Кассонго, вождь нашъ, воскресни изъ моря духовъ! У Кассонго лицо бѣлое, какъ ликъ самого солнца. Онъ любимецъ добраго духа, и Фиду-Мукулло снабдилъ его огромной властью. Онъ далъ ему свое оружіе, — оружіе, которое можетъ все разрушить и обратить въ ничто: онъ далъ ему ослѣпительную молнію и страшный раскатистый громъ.

— Кассонго построилъ замокъ, замокъ на высокой горѣ. Если врагъ приближается къ нему, его поражаетъ молнія Кассонго, его оглушаетъ громъ.

— Но замокъ этотъ горитъ: слишкомъ велико число враговъ. Огонь, огонь! Горятъ всѣ деревни кругомъ. Небо покрыто алымъ заревомъ, небо пылаетъ огнемъ. И земля въ огнѣ, она красная... красная отъ крови.

— О, мы умираемъ, умираемъ! Вотъ прилетѣли зловѣщія птицы—вотъ онѣ ближе, ближе!

Смерть темна, насъ окружаетъ мракъ. Но съ нами Кассонго! — Кассонго, любимецъ Фиду-Мукулло, великаго, добраго духа. И Кассонго снесетъ насъ, онъ проведетъ насъ черезъ мракъ, проведетъ къ морю духовъ. Солнце сіяетъ... Мы выплываемъ изъ волнъ... Кассонго... Кассонго!..

Негритянка пробормотала еще какія-то невнятныя слова, которыя нельзя было разобрать. Она стала танцовать вмѣстѣ съ другими, но затѣмъ вдругъ упала безъ чувствъ на землю.

Бѣлая Борода наблюдалъ за этимъ дикимъ танцемъ балубовъ. Сколькими представителями религій онъ былъ окруженъ! Онъ самъ, Томъ и Мета были христіанами, его гаусы—магометанами; религія балубовъ выражалась въ куреніи конопли и дикой пляскѣ; негры съ береговъ Конго пожирали ближнихъ въ честь своего фетиша, а арабы держались того мнѣнія, что небо отдало въ ихъ власть всю языческую страну, чтобы они распоряжались и хозяйничали тамъ, сколько ихъ душѣ угодно.

Араба Сагорро и вангвановъ, которые, судя по ихъ имени, принадлежали къ магометанской религіи, онъ не могъ склонить на свою сторону, а также и варвары въ деревняхъ Конго навѣрное остались-бы глухи къ его словамъ. Но ему хотѣлось, чтобы Черный замокъ служилъ для мѣстнаго населенія поучительнымъ примѣромъ. Завтра былъ день, которому онъ давно уже радовался—сочельникъ, и онъ рѣшилъ устроить елку съ подарками для своихъ людей, чтобы сильнѣе запечатлѣть въ ихъ памяти этотъ великій день, при

этомъ можно было разсказать имъ кое-что изъ религіи любви. Томъ и Мета были посвящены въ эту тайну и тоже ожидали, что этотъ великій праздникъ произведетъ сильное впечатлѣніе на балубовъ и гауссовъ. Самъ Бѣлая Борода еще недавно думалъ, что торжественный день окажетъ вліяніе и на Сагорро, почему и приглашалъ того на этотъ вечеръ. Но теперь праздникъ любви былъ разстроенъ, и приходилось праздновать Рождественскій сочельникъ среди враждебно настроеннаго населенія. Потерялъ-ли онъ отъ этого въ своей прелести? Нѣтъ, для Бѣлой Бороды онъ и теперь не утратилъ ничего въ своей чистотѣ. Вѣдь охотникъ былъ борцомъ за правое дѣло и могъ смотрѣть на зажженныя восковыя свѣчи рождественскаго дерева тѣмъ-же спокойнымъ взглядомъ, полнымъ слезъ, какимъ смотрѣли-бы на нихъ храбрые воины, отбившіе отъ своей крѣпости непріятеля, намѣревавшагося напасть на ихъ землю съ цѣлью грабежа. Вѣдь святость этого праздника можетъ нарушаться только нечистыми, дурными мыслями: одно чистое сердце можетъ находить въ немъ настоящую отраду. А Бѣлая Борода былъ даже на войнѣ благороденъ и честенъ.

Оставивъ танцовавшихъ балубовъ, онъ вошелъ въ свой домъ, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія на завтрашній день. Здѣсь, въ большой столовой, Томъ уже поставилъ рождественское дерево. Это не была елка, но крѣпкое кофейное деревцо, которое Мета какъ разъ теперь украшала. Само собой разумѣется, золоченыхъ орѣховъ, яблокъ и всякихъ пестрыхъ сахарныхъ вещицъ на немъ не было, и все украшеніе состояло изъ стеклянныхъ бусъ и нѣсколькихъ стеариновыхъ свѣчей, пожертвованныхъ Бѣлой Бородой для этого торжественнаго случая.

Поздно ночью Бѣлая Борода отпустилъ спать своихъ вѣрныхъ помощниковъ; на другое утро онъ хотѣлъ самъ отыскать подарки своимъ гауссамъ и балубамъ.

Святой вечеръ наступилъ. Сагорро не забылъ обѣщанія, но прислалъ гонца съ извиненіемъ, что не можетъ придти, такъ какъ сегодня негры собираются назначить новаго зна-

харя, и деревни переполнены воинами; онъ долженъ быть на сторожѣ, такъ какъ нѣкоторые изъ дикарей уже подкрадывались къ его лагерю, чтобы, какъ онъ полагалъ, похитить плѣнныхъ для своего гнуснаго пиршества.

И такъ, раздача подарковъ должна была происходить безъ гостей, и Бѣлая Борода даже радовался тому, что арабъ не пришелъ: они будутъ, по крайней мѣрѣ, справлять этотъ день только въ своей семьѣ.

Солнце склонялось къ западу. Люди оживленно бѣгали и суетились, кончая послѣднія дѣла передъ праздникомъ. На всѣхъ лицахъ сіяло радостное ожиданіе. Пускай себѣ, въ Священной рощѣ дикари убиваютъ другъ друга—здѣсь предстояло празднество совсѣмъ въ другомъ родѣ. Не мало было дѣла сегодня и „поварамъ", такъ какъ готовились особенно вкусныя блюда, и балубы съ нетерпѣніемъ поджидали у своего очага старую Тумбу, которая должна была принести къ празднику пару молодыхъ крокодиловъ изъ своего пруда. Когда она, несмотря на позднее время, все еще не возвращалась, двое балубовъ отправились на берегъ, но не нашли тамъ Тумбы и вернулись съ извѣстіемъ, что деревня биткомъ набита воинами, и что ихъ не пустили туда, когда они хотѣли узнать, куда дѣвалась Тумба. Услышавъ объ этомъ, Мета первая стала безпокоиться о томъ, не случилось-ли какой бѣды съ ея матерью. Она пошла къ Бѣлой Бородѣ и просила его послать Тома съ нѣсколькими гауссами въ деревню. Бѣлая Борода тоже былъ неспокоенъ: исчезновеніе старухи какъ разъ въ этотъ вечеръ было подозрительно. Онъ вспомнилъ слова Сагорро, что негры высматривали себѣ плѣнныхъ, чтобы заколоть во время ночной оргіи. Хотѣлъ-ли Сагорро предупредить его объ опасности? Онъ задумался объ этомъ, и, зная хорошо араба, пришелъ къ заключенію, что тотъ просто хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ: Сагорро, очевидно, уже зналъ, что старую Тумбу поймали эти людоѣды, чтобы заколоть ее въ жертву своему чудовищному богу, и по своему извѣщалъ объ этомъ Бѣлую Бороду. Если только это предположеніе было вѣрно, то

нельзя было терять ни минуты, чтобы спасти негритянку; иначе могло быть уже поздно.

Тихая, святая ночь! Она спускалась уже на землю, бросая на нее свои таинственныя тѣни. Тамъ, далеко-далеко, на сѣверѣ, пѣли уже псалмы въ церквахъ и въ каждомъ домѣ, и сердца всѣхъ людей, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, какъ высокихъ по положенію, такъ и самыхъ ничтожныхъ, отогрѣвались въ лучахъ великой любви. Въ этотъ день вспоминали о бѣдныхъ, дарили вдовамъ и сиротамъ; даже въ тюрьмы проникалъ свѣтъ рождественской елки, внося туда свое облагораживающее и примиряющее съ жизнью дѣйствіе. Бѣлой Бородѣ хотѣлось испытать дѣйствіе этихъ неотразимыхъ чаръ святой любви на горсти людей, еще такъ глубоко погрязшихъ въ язычествѣ и грубыхъ нравахъ. То зерно добра, которое западетъ имъ сегодня въ душу, принесетъ свои плоды впослѣдствіи, какъ онъ полагалъ. Но ему не давали покою, его лучшія намѣренія встрѣчали непреодолимыя препятствія, и вмѣсто мирнаго и всепрощающаго настроенія приходилось дѣйствовать силой.

Святая ночь! Здѣсь она осквернялась отвратительнѣйшимъ праздникомъ, какой только когда-либо совершался на землѣ. Въ Священной рощѣ собирались участники пиршества, чтобы закалывать своихъ ближнихъ! И эта жертва закланія взята была среди его людей. Бѣдная Тумба! Слова любви должны были проникнуть сегодня въ твое сердце и разсѣять твое суевѣріе. Передъ твоими духовными очами долженъ былъ раскрыться новый міръ, полный добродѣтели и милосердія,—а между тѣмъ тебя заковали въ цѣпи, тебя поволокли на закланіе; тебя встрѣтитъ тамъ дикій, радостный вой,—и ты умрешь, содрагаясь передъ людьми!

Такой ужасъ въ эту тихую, святую ночь! Все въ Бѣлой Бородѣ возмущалось противъ этого. Онъ не допуститъ, чтобы совершился этотъ невѣроятный поступокъ, онъ поставитъ все на карту, и хотя-бы отъ этого зависѣлъ успѣхъ всей экспедиціи его, всего его труднаго дѣла, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, онъ не остановится ни передъ

чѣмъ, а скорѣе самъ погибнетъ, спасая несчастную женщину!

Онъ послалъ Тома и Майгазинъ-баки въ деревню, чтобы потребовать выдачи Тумбы.

— Ея нѣтъ здѣсь!—насмѣшливо кричали дикари.

— Обыщите деревню!—издѣвался Абедъ.

— Боюсь только, что вы напрасно потеряете время!

— Смотрите, вожди отправились уже въ Священную рощу, чтобы принести жертву фетишу. Теперь не время думать о какой-то балубской женщинѣ.

Посланные вернулись ни съ чѣмъ, какъ это и предвидѣлъ Бѣлая Борода.

— Господинъ,—сказалъ Томъ,—деревня кишитъ воинами, танцующими дикіе танцы.

— Вангваны тоже подкрѣплены свѣжими силами, и мнѣ кажется, что я почти навѣрное видѣлъ среди нихъ Сагорро.

— Томъ,—спросилъ его Бѣлая Борода.—Знаешь-ли ты, гдѣ Тумба?

— Знаю, господинъ!—отвѣчалъ Томъ, печально опуская голову.

— Томъ,—продолжалъ Бѣлая Борода,—неужели мы отдадимъ такъ легко мать Меты? Хватитъ-ли у тебя мужества еще разъ пойти со мной въ Священную рощу?

— Только прикажи, господинъ!—вскричалъ Томъ и положилъ правую руку на сердце, точно желая показать, что онъ готовъ рисковать своей жизнью ради освобожденія Тумбы.—Я съ радостью пойду съ тобой всюду!

— Моари,—обратился затѣмъ Бѣлая Борода къ бывшему плѣннику, стоявшему около него,—дикари собираются заколоть въ Священной рощѣ старую Тумбу и раздѣлить между собой ея мясо, какъ кровожадные звѣри. Моари, хочешь-ли ты отправиться со мной, чтобы освободить ее изъ когтей этихъ чудовищъ въ образѣ людей?

— Господинъ,—вскричалъ Моари,—ты спасъ меня изъ когтей леопарда и изъ рукъ торговцевъ невольниками. Я

никогда не забуду этого. Моя жизнь принадлежитъ тебѣ. Я готовъ умереть за тебя и пойду за тобой всюду!

— А кто изъ васъ,—обратился Бѣлая Борода къ гауссамъ,—рѣшится идти со мной въ рощу передъ храмомъ фетиша, чтобы разогнать кровожадныхъ чудовищъ и освободить несчастную жертву, выхваченную изъ нашей среды? Кто дерзнетъ пойти со мной, чтобы бороться не на животъ, а на смерть?

Гауссы отошли въ сторону, столпились тѣснѣе и стали говорить другъ съ другомъ. Затѣмъ Майгазинъ-баки вышелъ впередъ и сказалъ:

— Господинъ, мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, готовы слѣдовать за тобой. Мы пойдемъ съ тобой даже на вѣрную смерть!

— Бѣлая Борода, мы тоже должны участвовать въ этомъ,—вскричали балубы,—вѣдь дѣло идетъ объ освобожденіи нашей пророчицы, и ты обидишь насъ, если не возьмешь съ собой!

Тогда на глазахъ Бѣлой Бороды выступили слезы радости. Его люди отличались храбростью и добротой, и способны были на благородныя чувства. О, они были настоящіе герои, эти чернокожіе! Теперь онъ чувствовалъ, что стоило бороться за освобожденіе негровъ, что труды его окупались. Въ эту торжественную минуту, когда предстояло совершить доброе дѣло, самоотверженное мужество его солдатъ было лучшимъ доказательствомъ того, что въ каждомъ человѣкѣ дремлетъ зародышъ добра и что надо только пробудить его къ жизни, чтобы оно принесло богатые плоды. Сегодня Бѣлая Борода пожиналъ то, что раньше посѣялъ; на его любовь отвѣчали ему взаимностью.

О, какъ щедро одарили его эти люди въ рождественскій сочельникъ!

Но ему было некогда предаваться отраднымъ чувствамъ въ это смутное военное время, какъ ни тѣснили эти чувства его грудь. Теперь надо было дѣйствовать, не тратя ни

секунды, потому что одна минута проволочки могла стоить жизни бѣдной Тумбѣ.

Быстро выбрано было пятнадцать человѣкъ изъ гауссовъ, извѣстныхъ за хорошихъ ходоковъ и которыхъ поэтому не могла испугать долгая и трудная ходьба. Эти пятнадцать человѣкъ, не считая Тома и Моари, должны были сопровождать Бѣлую Бороду, а остальные оставались подъ начальствомъ Майгазинъ-баки для защиты Чернаго замка на случай, если-бы враги рискнули напасть на него. Отрядъ въ восемнадцать человѣкъ вышелъ изъ замка черезъ заднюю дверь и по знакомой тропинкѣ, дѣлая длинный обходъ, направился къ Священной рощѣ въ эту тихую ночь.

Да, ночь была тиха. Мильоны звѣздъ сіяли на небѣ, бросая свой кроткій свѣтъ на землю, точно затихшую въ ожиданіи того, что должно было случиться. Не слышно было никакого подозрительнаго шороха. Всѣ негры были, очевидно, уже на мѣстѣ празднества. Бѣлая Борода облегченно вздохнулъ и осторожно сталъ пробираться впередъ. Никто изъ враговъ не замѣтилъ, какъ онъ вышелъ изъ Чернаго замка, и можно было надѣяться, что задуманное предпріятіе удастся.

* * *

Немного погодя одинъ изъ вангвановъ вбѣжалъ, едва переводя духъ, въ хижину Пантеры; около двери съ любопытствомъ столпились прочіе вангваны. На всѣхъ лицахъ изображалось напряженное ожиданіе и въ толпѣ слышался возбужденный шопотъ. Вдругъ въ дверяхъ показался Сагорро. Въ правой рукѣ у него было бѣлое знамя; онъ развернулъ его, и при свѣтѣ костра можно было различить алый полумѣсяцъ на бѣломъ полѣ. Вангваны знали, что это означало начало войны, и привѣтствовали знамя дикими воинственными кликами, къ которымъ присоединился и вопль дикарей: „Ха-ха-ха!“

Сагорро поднялъ лѣвую руку и этимъ далъ знакъ своимъ воинамъ замолчать.

Мало по малу, военый кликъ вангвановъ затихалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и голоса негровъ. Тысяча черныхъ головъ тѣснилась на площади, образуя густую толпу, и скоро водворилась глубокая тишина. Сагорро началъ рѣчь.

* * *

Храмъ фетиша былъ празднично разукрашенъ въ эту ночь. Три огромныхъ костра отбрасывали красный отблескъ на соломенный храмъ съ его остроконечной крышей въ видѣ сахарной головы, доходившей до верхушки великановъ-деревьевъ. Съ самаго острія глядѣло на землю какое-то странное лицо съ парой темныхъ глазъ; было время, когда они смотрѣли иначе, эти большіе темные глаза: когда-то свѣтились они радостью, сверкали дикой местью въ бою,—но теперь взглядъ ихъ былъ тусклый и безучастный, неспособный выражать земныя страсти. Всмотритесь пристальнѣе въ эти глаза: они совершенно безстрастны. Это не глаза живого человѣка, глядящаго сверху на то, что дѣлаютъ внизу люди, это темныя глазныя впадины черепа. Неужели негры украсили черепомъ верхушку своего храма,—ту верхушку, на которой мы привыкли видѣть крестъ?

Угрюмо шелеститъ вѣтеръ въ листвѣ великановъ-деревьевъ, спускается съ мрачныхъ вершинъ на землю, раздуваетъ пламя костровъ, и огненные языки ярче разгораются. Вотъ отблескъ ихъ падаетъ уже на верхушки деревьевъ и ясно освѣщаетъ куполъ храма. Да, теперь несомнѣнно, что это человѣческій черепъ, который, скаля зубы, смотритъ сверху внизъ на мѣсто празднества. Но онъ не единственный свидѣтель праздника, справляемаго этими дикими сынами лѣса: край крыши украшенъ цѣлымъ вѣнкомъ изъ череповъ, также и надъ дверью, ведущей въ помѣщеніе фетиша, красуется гирлянда изъ человѣческихъ череповъ. Какое ужасное украшеніе! И какъ должно быть темно на душѣ людей, находящихъ удовольствіе въ подобной красотѣ!

Въ насъ это украшеніе вызываетъ содроганіе, но къ празднику, справляемому здѣсь, оно какъ нельзя болѣе под-

ходитъ: вѣдь это-же пиршество, на которомъ ненасытный Молохъ требуетъ человѣческихъ жертвъ!

Вожди и старѣйшины изъ окрестныхъ деревень давно уже собрались, чтобы поставить новаго знахаря. Всѣ они были въ лучшихъ своихъ нарядахъ; не было недостатка и въ роскошныхъ головныхъ уборахъ изъ пестрыхъ перьевъ. Повсюду звенѣли мѣдныя кольца, украшавшія черные руки и ноги. Были на лицо и музыканты, и раздавался отчаянный бой барабановъ, трескотня трещотокъ, а въ промежуткѣ между этими—звуки роговъ изъ слоновой кости, въ которые по временамъ трубили воины.

Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ храмъ фетиша, на праздникѣ виднѣлись и европейскіе мундиры: канареечнаго цвѣта кучерской кафтанъ Пантеры и бѣлый кирассирскій мундиръ Крокодила; Козелъ красовался въ своей красной полосатой жокейской курткѣ, а Гусеница не забылъ своего зеленаго гусарскаго сюртука. Эти костюмы придавали празднеству, по мнѣнію негровъ, еще больше торжественности.

Праздникъ затянулся очень на долго: различныя церемоніи, танцы и пѣніе продолжались цѣлыми часами, пока, наконецъ, не наступила полночь, а вмѣстѣ съ ней и тотъ моментъ, когда новый знахарь долженъ былъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей и заколоть свою первую человѣческую жертву.

Участники пиршества, числомъ до пятидесяти, сдѣлались еще болѣе возбужденными, пока, наконецъ, при дикихъ крикахъ, не выволокли жертву закланія изъ хижины знахаря и не помѣстили ее въ середину круга.

Несчастная Тумба почти потеряла сознаніе отъ страха; дикій шумъ, видъ ужаснаго храма, чудовища, скалившія на нее зубы,—все это опьянило ее сильнѣе, чѣмъ самое продолжительное куреніе конопли. Она упала на колѣни и, не отрываясь, глядѣла въ землю, казалось, не замѣчая того, что происходило кругомъ нея; губы ея непрерывно

шевелились, но она произносила только одно слово, точно призывая кого-то на помощь:

— Кассонго, Кассонго!

Праздникъ дикарей шелъ между тѣмъ своимъ чередомъ согласно установленной программѣ, и часовые, поставленные на краю священной рощи, не предупреждали о приближенiи враговъ. Только отъ пѣнiя дикарей раздавалось въ лѣсу эхо. Вотъ, наконецъ, участники торжества поднялись съ своихъ мѣстъ и окружили тѣснымъ кругомъ свою несчастную жертву, около которой помѣстился новый знахарь съ ножемъ въ родѣ кинжала. Дикари сѣли въ кругъ и знахарь запѣлъ послѣднюю пѣснь въ честь праздника, которую остальные подхватывали хриплыми голосами.

Извѣстно, что видъ и запахъ крови опьяняетъ хищныхъ звѣрей; существа, собравшiяся здѣсь и имѣвшiя только образъ человѣческiй, но ни капли человѣчности въ своихъ сердцахъ, были тоже глухи и слѣпы ко всему, что не касалось прямо ихъ кровожаднаго наслажденiя. Глаза ихъ не отрывались отъ движенiй знахаря и отъ дрожавшаго тѣла несчастной жертвы.

Какъ могли они услышать въ это время крики тревоги, раздавшiеся въ лѣсу, какъ могли они обратить вниманiе на то, что часовые вбѣжали на площадку передъ храмомъ, громко предупреждая объ опасности? Какъ разъ въ эту минуту знахарь поднялъ надъ своей жертвой ножъ... Еще секунда—и Тумба будетъ освобождена отъ всякихъ земныхъ мученiй!

Но ножъ не опускается, не вонзается въ грудь жертвы. Знахарь поднимаетъ глаза, чтобы еще разъ окинуть взоромъ собранiе—и видитъ бѣгущую стражу, а на опушкѣ лѣса—привидѣнiе въ бѣлой одеждѣ, поднявшее ту самую громовую трубу, которая убила на мѣстѣ даже бегемота. И онъ, только что собиравшiйся нанести смертельный ударъ беззащитной женщинѣ, смотритъ теперь въ дуло направленнаго противъ него оружiя и дѣлается пепельно-сѣраго цвѣта отъ

ужаса. Онъ шатается. Можетъ быть, этотъ человѣкъ еще сжалится надъ нимъ?

Но въ сердцѣ Бѣлой Бороды нѣтъ въ эту секунду ни капли жалости: на этомъ отвратительномъ пиршествѣ онъ видитъ только одно человѣческое существо—это связанную балубскую женщину. Всѣ остальные, озаренные свѣтомъ костровъ, являются въ его глазахъ дикими звѣрями, худшими, чѣмъ пантеры и гіены.

Онъ цѣлитъ вѣрно и такъ хладнокровно, какъ если-бы хотѣлъ лишить жизни леопарда, затѣмъ спускаетъ курокъ. Раздается выстрѣлъ,—и знахарь, пораженный пулей въ голову, падаетъ мертвымъ на землю, не успѣвъ произнести ни звука.

Одну секунду негры, охваченные паническимъ ужасомъ, не двигаются съ мѣстъ, точно оцѣпенѣвъ отъ неожиданности. Затѣмъ всѣ сидящіе вскакиваютъ. Но врагъ, свалившійся къ нимъ точно съ неба, не даетъ имъ времени собраться съ мыслями и обороняться. Одинъ выстрѣлъ слѣдуетъ за другимъ, и участники торжества падаютъ на землю. Пантера, Козелъ и Гусеница поражены на смерть. Крокодилъ раненъ. Остальные обращаются въ бѣгство, испуская крики ужаса... Врагъ-же проникаетъ уже и на самую праздничную площадку, и вотъ Томъ стоитъ возлѣ Тумбы и развязываетъ на ней веревки. Когда Тумба взглядываетъ на Бѣлую Бороду, быстро заряжающаго свое ружье послѣ каждаго выстрѣла, онъ представляется ей разгнѣваннымъ богомъ, бросающимъ молніи въ своихъ враговъ, и она падаетъ безъ чувствъ съ радостнымъ крикомъ:

— Кассонго! Кассонго!

Дикари скрылись въ лѣсу, и снова наступаетъ тишина. Слышны только хрипѣніе и стоны тяжелораненыхъ, лежащихъ на землѣ. Бѣлая Борода отдаетъ приказаніе не стрѣлять больше. Онъ окидываетъ глазами поле битвы и ищетъ среди раненыхъ своихъ людей. Но нѣтъ, никто изъ нихъ не раненъ—вѣдь дикари обратились въ бѣгство, не оказавъ непріятелю никакого сопротивленія. Но за то какое крова-

вое побоище устроили гауссы! Скоро можно будетъ сосчитать потери враговъ: во время бѣгства собравшихся на праздникъ кто-то отбросилъ горящую головню къ сухой стѣнѣ соломеннаго храма фетиша; головня разгорѣлась, и пламя лизало стѣну тонкими языками еще во время битвы. Теперь-же огонь взвился до самаго верха и освѣтилъ самые отдаленные уголки Священной рощи. Говорятъ, что всякій пожаръ представляетъ ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ красивое зрѣлище; этотъ-же пожаръ былъ только ужасенъ и производилъ жуткое впечатлѣніе. Храмъ мертвецовъ со своими безчисленными черепами вызывалъ содроганіе, а площадка передъ нимъ была завалена трупами и ранеными: спаслось бѣгствомъ меньше половины всѣхъ дикарей. Бѣлая Борода поднялъ глаза на горѣвшій храмъ фетиша: изъ пламени, охватившаго его со всѣхъ сторонъ, глядѣлъ на его мертвыя человѣческія головы. Онѣ не кричали уже ему: „Отмсти за насъ!“—какъ прежде, когда онъ въ первый разъ взглянулъ въ ихъ черныя впадины вмѣсто глазъ. Онѣ были отомщены, эти несчастныя жертвы, замученныя здѣсь до смерти.

Какъ ни высоко поднимались языки пламени по остроконечной крышѣ, среди нихъ и среди облаковъ дыма верхній черепъ смотрѣлъ на разыгрывавшуюся глубоко внизу сцену; но вдругъ онъ отдѣлился отъ острія палки, на которую былъ посаженъ, и, дымясь, скатился внизъ къ ногамъ Бѣлой Бороды.

Ужасъ объялъ этого мужественнаго человѣка, и онъ съ содроганіемъ отвернулся.

— Назадъ!—скомандовалъ онъ.

Онъ поспѣшилъ уйти въ темный лѣсъ, и гауссы не отставали отъ него ни на шагъ: никто не могъ дольше оставаться въ этомъ мѣстѣ, гдѣ все говорило о звѣрствахъ человѣка.

XIII. Разрушенiе Чернаго замка.

Итакъ, они остались побѣдителями и освободили Тумбу. Побѣдили, не потерявъ изъ своей среды ни одного человѣка. Почему-же шли они теперь лѣсомъ въ такомъ глубокомъ молчанiи и такъ торопливо?

Не одно только ужасное и тяжелое впечатлѣнiе отъ храма фетиша заставляло Бѣлую Бороду и его товарищей ускорять шаги, чтобы скорѣе уйти отъ запятнаннаго кровью мѣста: новая забота овладѣла всѣми участниками освобожденiя Тумбы.

Негры, бѣжавшiе изъ Священной рощи, должны были скоро добраться до деревни и принести извѣстiе о нападенiи. Тогда Сагорро и Абедъ узнаютъ, что Черный замокъ остался безъ части своихъ защитниковъ, и имъ нетрудно будетъ подбить мѣстныхъ жителей на месть въ отсутствiе владѣльца замка. Теперь, когда забота о судьбѣ Тумбы разсѣялась, всѣ были озабочены судьбой Чернаго замка. Не произошло-ли съ нимъ чего-нибудь, пока они были въ Священной рощѣ? Что, если они не найдутъ ничего, кромѣ развалинъ?

Они дошли до рѣки Черной. Большая часть гауссовъ положила оружiе въ лодку, въ которую сѣлъ Бѣлая Борода съ Томомъ и нѣкоторыми гауссами, бросилась въ воду и поплыла черезъ рѣку, чтобы не потерять ни минуты. Затѣмъ, выскочивъ на берегъ, они снова поспѣшили впередъ. Имъ оставалось только небольшое разстоянiе, чтобы достичь конца лѣса и саваннъ, откуда открывался уже видъ на Черный замокъ.

Моари, служившiй проводникомъ въ этой глухой чащѣ лѣса, далеко опередилъ остальныхъ. Онъ остановился и крикнулъ что-то назадъ. Словъ нельзя было разобрать, но тонъ предвѣщалъ несчастье.

Длинная линiя гауссовъ разорвалась: всякому хотѣлось скорѣе выйти изъ лѣса, и всѣ пробирались по одиночкѣ

черезъ густой кустарникъ, обгоняя другъ друга и торопясь изъ всѣхъ силъ, такъ какъ на душѣ у каждаго было неспокойно.

Тамъ, на сѣверѣ, возвышался холмъ, на которомъ стоялъ Черный замокъ. Но въ эту ночь вершина холма была окружена поясомъ огня: Черный замокъ былъ объятъ пламенемъ. Горѣли и стѣны, и хижины балубовъ и гауссовъ, и склады провіанта—все было объято огнемъ, и только блокгаузъ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ, выдѣлялся въ серединѣ, еще не тронутый пламенемъ. Это была крѣпость и въ тоже время здѣсь хранились запасы пороха; вотъ почему Бѣлая Борода нарочно построилъ это зданіе подальше отъ хижинъ и складовъ, чтобы сдѣлать его болѣе безопаснымъ въ пожарномъ отношеніи.

— Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха! Бѣдный Майгазинъ-баки!

— О, моя Мета!

— Все потеряно!

Такія восклицанія вырвались одновременно у гауссовъ, Тома и Моари. Одинъ Бѣлая Борода не произнесъ ни звука. Онъ смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на горящій холмъ.

Разстояніе до него было слишкомъ велико, чтобы можно было различить, что дѣлали темныя человѣческія фигуры, виднѣвшіяся среди пожара. Завладѣли-ли негры замкомъ? Были-ли то воры, сновавшіе на пожарищѣ и расхищавшіе его добро? Или Майгазинъ-баки спасся въ крѣпости и давалъ оттуда отпоръ нападавшимъ?

Вдругъ вдали грянулъ выстрѣлъ. Звукъ его донесся глухо и замеръ, отдавшись слабымъ эхо на опушкѣ лѣса. Сердце Бѣлой Бороды сильно забилось. За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ цѣлый залпъ другихъ, которые разсыпались въ воздухѣ раскатистыми звуками:—Так... так... так!

Эти звуки были ему хорошо извѣстны: то стрѣляли его ружья мелкаго калибра. Значитъ, еще есть надежда! Еще можно отстоять хоть что-нибудь изъ его имущества!

Онъ даже подпрыгнулъ отъ сильной радости и высоко поднялъ вверхъ свое оружіе.

— Еще не все потеряно!—вскричалъ онъ.—Смотрите, друзья, Майгазинъ-баки еще держится въ крѣпости! Впередъ! Поспѣшимъ къ нему на помощь!

— Впередъ, впередъ! — закричала и старая Тумба. — Идите за Бѣлой Бородой, за нашимъ Кассонго!

— Впередъ, впередъ!—присоединились къ этому крику и остальные,—и отрядъ устремился черезъ саванны на помощь къ тѣснимому со всѣхъ сторонъ Черному замку.

* * *

Развѣдчики, которыхъ послалъ Майгазинъ-баки сейчасъ послѣ ухода Бѣлой Бороды, вернулись уже черезъ часъ съ извѣстіемъ, что изъ деревни вышелъ большой отрядъ, въ числѣ котораго находились и вангваны, и, судя по всему, направился къ Черному замку.

— Впереди развивается военное знамя Сагорро—бѣлое съ краснымъ полумѣсяцемъ, — сообщилъ развѣдчикъ, пришедшій въ замокъ послѣднимъ.—Они раздѣлились на три части, чтобы одновременно напасть на замокъ съ разныхъ сторонъ.

Майгазинъ-баки, на отвѣтственность котораго оставленъ былъ Черный замокъ, не растерялся при этомъ извѣстіи, котораго можно было ожидать.

Онъ прежде всего отдалъ приказъ, чтобы всѣ женщины заперлись въ крѣпости, поставилъ балубовъ и гауссовъ на ихъ посты около бойницъ и объявилъ имъ, что и они также должны торопливо скрыться въ крѣпость, какъ только услышатъ звукъ его рога.

Онъ сразу-же понялъ, что если только вангваны нападутъ на Черный замокъ вмѣстѣ съ дикарями, то ему невозможно будетъ долго удержаться на стѣнахъ. Пятнадцать гауссовъ, и среди нихъ лучшіе стрѣлки, ушли съ Бѣлой Бородой, а въ распоряженіи Майгазина-баки было только пять гауссовъ и шесть негровъ изъ западной Африки, хорошо справлявшихся съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; на десятерыхъ-же балубовъ нельзя было особенно разсчитывать въ

этомъ отношенiи. Съ такими малыми силами нельзя было и думать бороться противъ огромнаго отряда, сохранивъ за собой весь замокъ; но въ крѣпости можно было по крайней мѣрѣ продержаться до прихода Бѣлой Бороды.

У подножiя холма стали показываться темныя фигуры людей, приближавшiяся къ стѣнамъ замка военнымъ шагомъ. Одинъ изъ воиновъ опередилъ другихъ и крикнулъ:

— Майгазинъ-баки, сдавайся, если тебѣ дорога жизнь! Сагорро пощадитъ тебя и твоихъ воиновъ, такъ какъ вы тоже поклонники пророка, какъ и мы. Сдавайся! Бѣлая Борода побѣжденъ и находится въ нашихъ рукахъ. Довѣрься великодушiю Сагорро, пока не поздно, чтобы не пришлось каяться послѣ въ своемъ неблагоразумiи!

Майгазинъ-баки узналъ по голосу Абеда и закричалъ ему:

— Змѣя! Меня-то ты не проведешь! Отправляйтесь, откуда пришли, или вамъ придется покончить счеты съ жизнью!

Но темная толпа людей подвигалась все ближе и ближе, и Майгазинъ-баки скомандовалъ своимъ воинамъ, чтобы они стрѣляли. Изъ бойницъ Чернаго замка грянули выстрѣлы, но они не удержали нападающихъ: тѣ тоже открыли огонь, и изъ сотней ружей посыпались пули на стѣны замка. На другой сторонѣ замка, гдѣ одинъ изъ гауссовъ командовалъ балубами, тоже началось стрѣльба, и не прошло и минуты, какъ одинъ изъ балубовъ прибѣжалъ къ Майгазину-баки съ крикомъ:

— Мы не можемъ дальше держаться! Непрiятель гораздо сильнѣе насъ!

Дикари также устремились и въ главныя ворота, стараясь взять ихъ приступомъ и испуская свой отвратительный военный кликъ:—ха-ха-ха! Вангваны-же, подойдя ближе къ стѣнамъ, обстрѣливали замокъ со всѣхъ сторонъ.

Очевидно было, что на стѣнахъ нельзя было удержаться. Еще одинъ залпъ,—и затѣмъ Майгазинъ-баки далъ сигналъ удалиться всѣмъ въ блокгаузъ, что и было исполнено. Те-

перь, когда стѣны замка остались беззащитными, негры съ шумнымъ, радостнымъ воемъ ворвались въ ворота и устремились по широкой дорогѣ, которая вела къ блокгаузу; но эта дорога находилась отъ дома на разстояніи выстрѣловъ, которые не заставили себя ждать, и потому она скоро опустѣла. Чернокожіе разсыпались въ боковыхъ переулкахъ между хижинами гауссовъ и балубовъ, отыскивая запасы, чтобы разграбить все, что только возможно. Вангванамъ было строго запрещено поджигать строенія; но мѣстные негры не могли удержаться отъ искушенія подбросить, по африканскому обычаю, краснаго пѣтуха въ покоренную деревню. Вотъ почему очень скоро нѣсколько хижинъ было объято пламенемъ. Огонь, раздуваемый вѣтромъ, распространялся очень быстро, и скоро долженъ былъ загорѣться складъ, въ которомъ хранились сукна, проволока и бусы, другими словами—касса Бѣлой Бороды. Тогда и вангваны позабыли на время про непріятеля и начали, подъ руководствомъ Абеда, расхищать запасы. Самого Абеда больше всего привлекала особаго вида постройка, находившаяся позади блокгауза; она была наполовину врыта въ землю, стѣны ея были изъ земли и травы, а входъ запирался тяжелой дверью. Выломавъ дверь топоромъ, Абедъ съ огнемъ вошелъ въ темное помѣщеніе. Это былъ винный погребъ, довольно богатый винами, такъ какъ пріѣзжавшій недавно пароходъ оставилъ въ немъ запасы, которыхъ должно было хватить по крайней мѣрѣ на годъ. Бѣлая Борода пользовался спиртными напитками въ этомъ жаркомъ климатѣ только какъ лекарствомъ, и истратилъ съ послѣдняго пріѣзда парохода не больше двухъ бутылокъ вина. Большая часть бутылокъ стояла еще нераспакованная въ ящикахъ; здѣсь было и пиво, и коньякъ, и даже нѣсколько бутылокъ шампанскаго, которое Бѣлая Борода берегъ для больныхъ.

Абедъ, думая, что въ тяжелыхъ ящикахъ находятся склады оружія и патроновъ, крикнулъ вагвановъ, чтобы они основательно очистили погребъ. И воины, нагруженные тяжелой ношей, скрылись во мракѣ ночи.

Подобныя-же сцены разыгрывались и передъ другими складами, если только послѣдніе не находились на разстояніи выстрѣловъ изъ главнаго дома. Какъ вангваны, такъ и мѣстные негры, презирая опасность, врывались даже въ охваченные пламенемъ дома, выказывая при этомъ самоотверженіе и мужество, которыя сдѣлали бы честь самымъ смѣлымъ пожарнымъ. Но не всѣмъ удавалось счастливо отдѣлаться при этомъ расхищеніи чужой собственности: опьянѣвъ отъ дикой радости, устремлялись негры на главную улицу и падали безъ чувствъ на землю, но не подъ тяжестью своей ноши, а отъ мѣткихъ пуль балубовъ и гауссовъ, которые, засѣвъ въ главномъ домѣ, зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило вокругъ.

Такъ вышло то, что Сагорро могъ начать осаду блокгауза уже съ сравнительно меньшими силами. Нѣсколько нападеній его было отражено. Залпы выстрѣловъ, посылаемые вангванами въ блокгаузъ, не причиняли непріятелю никакого вреда, и наконецъ, настало полное затишье среди битвы, пока Сагорро не удалось собрать всѣхъ своихъ воиновъ, разсѣявшихся въ разныя стороны съ цѣлью грабежа.

Горѣвшіе дома представляли плохое прикрытіе, и осаждающіе отступили нѣсколько назадъ, посылая совершенно безполезный градъ выстрѣловъ въ блокгаузъ. Негры, разграбивъ все, что только можно было и стоило унести, тоже сдѣлали попытку осадить блокгаузъ, но послѣ значительныхъ потерь, причиненныхъ имъ осажденными, отошли на почтительное разстояніе; большинство бросилось съ награбленными вещами въ деревню, чтобы припрятать ихъ тамъ хорошенько.

Вангваны, въ своихъ нападеніяхъ на негрскія деревни, привыкли побѣждать сразу, и такое упорное сопротивленіе было для нихъ совершенной неожиданностью. По мѣрѣ того, какъ пламя горѣвшихъ домовъ потухало, мужество ихъ слабѣло все болѣе и болѣе.

Сагорро былъ такъ предусмотрителенъ, что оставилъ развѣдчиковъ въ саваннахъ, чтобы они дали ему знать о

возвращеніи Бѣлой Бороды, хотя арабъ твердо былъ увѣренъ, что Черный замокъ сдается въ его руки черезъ какія-нибудь полчаса и, во всякомъ случаѣ, раньше возвращенія Бѣлой Бороды.

И вдругъ прибѣжалъ одинъ изъ развѣдчиковъ, крича еще издали, что Бѣлая Борода возвращается! Это извѣстіе отняло послѣднее мужество даже у самыхъ храбрыхъ воиновъ; многіе изъ нихъ тайкомъ скрылись въ лѣсъ послѣ этого, другіе-же стали громко заявлять:

— Мы достаточно потрудились на сегодняшній день, Сагорро! Съ Бѣлымъ нелегко бороться! Лучше придти въ другой разъ, чтобы докончить начатое нами сегодня!

Такимъ образомъ арабу не оставалось ничего другого, какъ отправиться въ обратный путь; это отступленіе приняло у подножія холма характеръ настоящаго бѣгства, такъ какъ вангваны увидѣли уже среди плантацій бѣлые мундиры гауссовъ.

* * *

Въ большой столовой блокгауза тѣснилось все мужское и женское населеніе Чернаго замка. Начинался разсвѣтъ, и первые лучи солнца бросали розоватый отблескъ на всѣ лица, сіявшія самой искренней радостью. Вѣдь они вышли побѣдителями въ эту ужасную ночь изъ всѣхъ опасностей, которымъ подвергались, и теперь всѣ были здѣсь на лицо— какъ защитники Чернаго замка, такъ и освободители Тумбы. И въ эти первыя минуты, когда можно было, наконецъ, успокоиться послѣ волненій, испытанныхъ ночью, ни одно темное облачко не омрачало общаго веселаго настроенія.

Конечно, рождественскій праздникъ, задуманный Бѣлой Бородой еще такъ задолго, не могъ состояться въ томъ видѣ, какъ онъ мечталъ, но подарки, заботливо выбранные имъ для каждаго изъ его вѣрныхъ помощниковъ, еще лежали на столахъ и скамейкахъ, хотя и въ безпорядкѣ послѣ выдержанной только что осады; рождественское же дерево стояло въ уголку, отодвинутое туда во время общей суматохи. Бѣлая Борода прежде всего поблагодаримъ всѣхъ за вѣр-

ность, съ которой они стояли за него и Черный замокъ, похвалилъ ихъ мужество и затѣмъ вручилъ каждому назначенный для него подарокъ.

Теперь, когда всѣ запасы сгорѣли или были похищены, эти небольшія вещицы являлись настоящими сокровищами, и вѣрные люди были до глубины души тронуты щедростью своего вождя. Но радость была, однако, не продолжительна: какъ только всѣ вышли изъ блокгауза и глазамъ ихъ представились дымящіяся развалины нѣкогда грознаго замка, для каждаго еще яснѣе стала печальная дѣйствительность, съ которой надо было считаться.

Побѣда обошлась дорого. Того, что осталось въ блокгаузѣ, едва могло хватить на двѣ недѣли, да и то въ томъ только случаѣ, если мѣстные жители согласятся продавать съѣстные припасы. Бѣлая Борода особенно тяжело чувствовалъ потерю всего своего мѣнового товара. Итакъ, онъ спасъ только жизнь — свою и своихъ людей, но все предпріятіе его погибло, и арабъ могъ безнаказанно радоваться этому. А сколько трудовъ было положено Бѣлой Бородой на обработку той землѣ, на которой онъ думалъ прочно основаться! Сколько широкихъ замысловъ лелѣялъ онъ въ душѣ, когда строилъ свой замокъ, который долженъ былъ стать впослѣдствіи центромъ просвѣщенія для окрестныхъ деревень!

Бѣлый не могъ даже ждать, пока пароходъ снова посѣтитъ Конго, что должно было случиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: между нимъ и мѣстнымъ населеніемъ произошли слишкомъ тяжелыя столкновенія, чтобы можно было разсчитывать на примиреніе. Дѣйствительно, храмъ фетиша былъ имъ сожженъ, вожди—убиты или ранены. Въ деревнѣ, лежавшей по берегу рѣки, не осталось ни души: жители ея, изъ страха мести со стороны Бѣлой Бороды за разрушеніе его замка, бѣжали въ деревню вождя Крокодила, подъ защиту араба или на противоположный берегъ Конго. И они навѣрное убѣгутъ отъ Бѣлой Бороды, какъ только тотъ начнетъ приближаться къ нимъ: они теперь не повѣрятъ его словомъ. Онъ былъ чужой для нихъ, и они скорѣе послѣдо-

вали-бы за арабомъ, который помогалъ имъ справлять, когда это было нужно, ихъ варварскіе праздники, и вообще былъ ближе и понятнѣе для нихъ. Что могли они понимать въ хорошихъ намѣреніяхъ владѣльца замка?

Черный замокъ покончилъ, повидимому, свое существованіе, съигравъ такую мимолетную роль въ жизни Бѣлой Бороды; съ какими гордыми надеждами воздвигался онъ— и вотъ теперь представляетъ только груду обгорѣвшихъ развалинъ съ единственнымъ уцѣлѣвшимъ среди нихъ блокгаузомъ. И такъ придется отправляться назадъ, внизъ по могучему Конго, назадъ, не достигнувъ желанной цѣли, къ которой онъ стремился,—назадъ, признавая себя побѣжденнымъ врагами! Въ бѣломъ заговорила оскорбленная гордость. До сихъ поръ онъ игралъ роль только осаждаемаго. Что, если онъ явится нападающимъ и прогонитъ разбойниковъ, которые хозяйничали здѣсь подъ предводительствомъ Сагорро? Но какой цѣной достанется ему эта побѣда? Положимъ, погибнутъ и вангваны, но что, если порѣдѣютъ и ряды его собственныхъ воиновъ?

Что, если ему придется потерять кого-нибудь изъ храбрыхъ и честныхъ балубовъ или гауссовъ? Нѣтъ, каждый изъ его вѣрныхъ товарищей былъ ему слишкомъ дорогъ, чтобы стоило рисковать его жизнью, хотя-бы и цѣною гибели двухъ торговцевъ невольниками.

Съ такими мыслями шелъ Бѣлая Борода по направленію къ деревнѣ, чтобы позаботиться о лодкахъ для путешествія по Конго; но онѣ исчезли. Сагорро нанесъ ему еще и этотъ ударъ, чтобы окончательно добить своего врага. Теперь бѣлый не могъ даже вернуться назадъ!

Вдругъ подошелъ къ нему Моари и сказалъ:

— Господинъ, у іаунговъ есть лодки, а у насъ старыя ружья, которыя вѣдь все равно предназначены для подарковъ мѣстному населенію. Я отправлюсь къ іаунгамъ и куплю у нихъ лодки. Мы побѣдили теперь вангвановъ, и іаунги повѣрятъ намъ.

Бѣлая Борода радостно взглянулъ на негра. Какія чуд-

ныя надежды возбудили въ немъ слова Моари! Въ окрестностяхъ были еще люди, которыхъ онъ могъ защищать, люди, поселенія которыхъ были тоже сожжены и которые не меньше его ненавидѣли арабовъ. А онъ еще собирался бѣжать изъ этихъ мѣстъ, точно никто не нуждался здѣсь въ его помощи! Теперь ему было стыдно за свое малодушіе. Если только ему удастся привлечь на свою сторону іаунговъ и убѣдить ихъ возстановить изъ развалинъ свою деревню, тогда у него еще будетъ цѣль, ради которой стоитъ здѣсь остаться, тогда побѣда, доставшаяся ему, окажется не безплодной и его завѣтное желаніе все-же будетъ исполнено!

— Моари!—вскричалъ Бѣлая Борода.—Тебѣ пришла въ голову прекрасная мысль! Идемъ къ іаунгамъ. Въ лѣсу теперь безопасно, да и что можетъ съ нами случиться, если мы вдвоемъ?

XIV. Въ лагерѣ торговца невольниками.

Вангваны уѣхали по рѣкѣ въ своихъ челнокахъ, весело направляясь къ лагерю. Сегодня имъ было не мало работы, и они радовались награбленной добычѣ. Стоны раненыхъ также мало смущали ихъ радостное настроеніе, какъ и тотъ фактъ, что по крайней мѣрѣ дюжина вангвановъ заплатила цѣной собственной жизни за разрушеніе Чернаго замка. Что значила для нихъ жизнь другого человѣка?

Недоволенъ былъ только Сагорро, ѣхавшій въ первомъ челнокѣ съ Абедомъ. Онъ молчалъ, такъ какъ не хотѣлъ говорить со своимъ довѣреннымъ при свидѣтеляхъ; только, когда пріѣхали они въ лагерь и остались вдвоемъ въ палаткѣ Сагорро, послѣдній излилъ на своего слугу долго сдерживаемый имъ гнѣвъ.

— Ты, какъ каркающій воронъ, постепенно накликаешь на меня несчастія!—вскричалъ онъ.

— Ты трусъ, у котораго не хватаетъ мужества на смѣлые поступки, и изъ-за этого упускаешь выгоду! Кто

изъ насъ оказался правъ? Развѣ не было-бы въ тысячу разъ умнѣе захватить Бѣлую Бороду въ плѣнъ передъ Священной рощей, какъ я и хотѣлъ? Тогда Черный замокъ самъ-бы упалъ къ намъ въ руки, какъ спѣлый плодъ. Въ послѣднiй разъ послушался я твоего совѣта! Такой удобный случай, какъ въ прошлую ночь, врядъ-ли представится намъ еще разъ!

Абедъ презрительно пожалъ плечами.

— Сагорро,—произнесъ онъ,—ты мастеръ дѣлать упреки. Если-бы ты отправился тогда въ Священную рощу, то покоился-бы теперь вмѣстѣ со многими убитыми вождями. Подумай только о томъ, что съ Бѣлой Бородой было шестнадцать ружей, не считая его собственнаго револьвера. И притомъ тамъ были все лучшiе стрѣлки — гауссы, Томъ и Моари, котораго ты подарилъ своему бѣлому другу. Я, напротивъ того, очень доволенъ результатами нашей осады, и такъ какъ всегда все хорошо обдумываю, то и велѣлъ припрятать всѣ лодки, въ томъ числѣ и „Впередъ". Теперь онъ не уйдетъ изъ блокгауза, такъ-какъ у него осталась только одна лодка, которой онъ пользовался при поѣздкѣ въ Священную рощу; не можетъ-же онъ перевезти на ней всѣхъ своихъ гауссовъ, балубовъ и негровъ изъ Западной Африки! Или ты и въ этомъ держишься другого мнѣнiя?

— Не болтай глупостей!—грубо обрѣзалъ его Сагорро.

— Сагорро,—продолжалъ Абедъ, — дай мнѣ дня на два двадцать изъ твоихъ вангвановъ!

— Не дамъ ни одного!

— Сагорро, какъ ты думаешь, что будутъ ѣсть сегодня люди Бѣлой Бороды?

Сагорро съ недоумѣнiемъ поднялъ глаза на Абеда.

— Всѣ деревни совершенно пусты: мѣстные негры ушли вмѣстѣ съ нами, а Крокодилъ не продастъ съѣстныхъ припасовъ человѣку, который нанесъ ему такое тяжкое оскорбленiе. Какъ ты полагаешь, пойдетъ Бѣлая Борода на охоту?

Сагорро оперся головой на руку и молча смотрѣлъ на Абеда, не понимая, къ чему клонится его рѣчь.

— Ему придется охотиться, чтобы доставать дичь для себя и своихъ людей. Но мы сдѣлаемъ это невозможнымъ для него, мы будемъ ходить за ними по пятамъ, показываться издали и стрѣлять: при такихъ условіяхъ у Бѣлой Бороды пропадетъ желаніе охотиться. Тогда ему захочется пуститься по широкому раздолью Конго, а для этого надо имѣть лодки. Онъ и начнетъ строить лодки, или-же украдетъ ихъ у кого-нибудь. Но мы и въ этомъ отношеніи встанемъ ему поперегъ дороги. Мнѣ кажется, ты обѣщалъ рыбакамъ изъ Веньи, что покажешь имъ страну, гдѣ они могли-бы достать себѣ невольниковъ. Не пройдетъ и четырехъ дней, какъ они будутъ уже здѣсь, а у нихъ аппетитъ сильно разыгрался! Вонъ тамъ, въ блокгаузѣ, ждетъ ихъ особенно лакомый кусочекъ, который придется имъ по вкусу! Да, я увѣренъ, что они съумѣютъ хорошо сдѣлать свое дѣло!

— Абедъ!—вскричалъ Сагорро.—Я запрещаю тебѣ говорить объ этомъ! Одинъ разъ я закрылъ глаза и помогъ тебѣ доставить человѣческое мясо этимъ звѣрямъ въ образѣ людей, но больше этого никогда не будетъ, потому что я не желаю!

— Сагорро!—воскликнулъ съ удивленіемъ Абедъ.—Что съ тобой случилось? Я совсѣмъ не узнаю тебя! Еще вчера ты говорилъ совсѣмъ другое!

— Не забывай, что я арабъ!—сказалъ Сагорро, вскакивая съ мѣста.

Абедъ отступилъ назадъ, но затѣмъ овладѣлъ собой и сказалъ съ язвительной насмѣшкой въ голосѣ:

— Если негръ долженъ отправляться въ Ніангве, чтобы обмануть тамъ другихъ арабовъ, то онъ хорошъ и имъ пользуются; если онъ долженъ заманить въ сѣти знахаря, то и тогда его услуги принимаютъ. Развѣ теперь негръ собирается сдѣлать что-либо дурное? Развѣ прежде ему не дозволялось доставлять въ храмъ жертвы закланія?

Сагорро молча уставился глазами на Абеда, всматриваясь въ его хищное выраженіе лица. Это было то самое

выраженіе, какое онъ видѣлъ въ тотъ вечеръ, когда была схвачена Тумба и когда ее тащили черезъ всю деревню въ Священную рощу. Сагорро замѣтилъ тогда на лицахъ вождей звѣрскую алчность, и его человѣческое достоинство въ первый разъ было оскорблено. Но онъ закрылъ на это глаза и не считалъ возможнымъ, чтобы даже Бѣлая Борода рисковалъ своей жизнью ради спасенія старой негритянки. Но онъ ошибся: нѣсколько часовъ спустя, онъ получилъ извѣстіе, что Бѣлая Борода дѣйствительно отправился въ Священную рощу, чтобы застать врасплохъ участниковъ въ празднествѣ и спасти свою старую служанку. Тогда имъ овладѣло странное чувство, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета. Общество этихъ низкихъ варваровъ и людоѣдовъ стало ему вдругъ противно. Правда, онъ самъ былъ торговецъ невольниками, убійца, отравитель, но въ его сердцѣ еще осталась искра человѣчности: людоѣдство было ему отвратительно. Въ томъ странномъ настроеніи, въ какомъ арабъ находился, онъ позволилъ Абеду руководить всѣмъ движеніемъ: въ ту памятную ночь его слуга былъ, собственно говоря, военачальникомъ, который всѣмъ распоряжался. Гордость Сагорро была уязвлена: только теперь онъ понялъ, что находится подъ вліяніемъ негра, и твердо рѣшилъ сорвать съ себя эти оковы. Но вѣдь голосъ совѣсти не дѣлаетъ различія между людьми, принадлежащими къ разнымъ расамъ; вотъ почему одного сознанія того, что Абедъ—только негръ, еще было недостаточно для того, чтобы круто оборвать его. Но теперь арабъ нашелъ существенное различіе между собой и Абедомъ: онъ чувствовалъ, что, хотя въ одномъ отношеніи, стоитъ выше негра, и сознаніе того, что онъ одной нравственной ступенью выше, чѣмъ тотъ, дало ему силу поставить своего довѣреннаго и помощника въ извѣстныя границы. Тотъ начинаетъ уже зазнаваться, и пора, давно пора указать ему его мѣсто. Вѣдь скоро вангваны будутъ, пожалуй, слушаться не его, Сагорро, а Абеда!

— Ты—не болѣе, какъ негръ!—медленно началъ Сагорро свою рѣчь, сдерживая гнѣвъ.

— И хотя по имени ты сдѣлался магометаниномъ, но въ душѣ остался презрѣннымъ язычникомъ. Замѣть себѣ: какъ я чувствую отвращеніе къ гіенѣ и коршуну, точно такъ презираю я и людей, которые ѣдятъ мясо своихъ братьевъ. Это дикіе звѣри въ человѣческомъ образѣ, и я, Сагорро, никогда не унижусь до того, чтобы доставлять жертвы для ихъ ужасныхъ пиршествъ.

Но Абедъ вскричалъ съ насмѣшливымъ хохотомъ:

— Сагорро! Ха-ха-ха! Право, тебѣ-бы какъ разъ въ пору пить брудершафтъ съ Бѣлой Бородой! Я ухожу, потому что мнѣ кажется, что ты не въ полномъ умѣ.

— Помни, что теперь все стоитъ на картѣ! Какъ хочешь ты вернуться въ Занзибаръ—богачемъ или нищимъ? Лучше подумай объ этомъ, Сагорро! А я между тѣмъ позабочусь о томъ, чтобы въ лагерѣ все было въ порядкѣ. Я увѣренъ, что ты скоро опомнишься и будешь думать также, какъ я!

Негръ вышелъ изъ палатки, а Сагорро бросился на полъ и закрылъ лицо руками. Онъ лежалъ такъ въ нѣмомъ отчаяніи, но у него не хватало силъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ: Сагорро слишкомъ низко уже упалъ и для него не было возврата къ лучшей жизни. Онъ зналъ, что Абедъ былъ правъ: онъ одумается и дастъ ему разрѣшеніе на всѣ новыя звѣрства, которыя тотъ задумалъ.

Когда, спустя нѣкоторое время, Абедъ снова вошелъ въ палатку и спросилъ араба, точно между ними ничего ровно не произошло: — ну, Сагорро, что-же мнѣ дѣлать? — тотъ устало проговорилъ:

— Зайди сюда черезъ часъ.

Черезъ часъ Абедъ снова явился, и тогда Сагорро согласился со всѣми планами своего слуги. И только, когда Абедъ вышелъ изъ палатки, онъ вскочилъ и прошипѣлъ сквозь зубы:

— Дьяволъ, я освобожусь отъ тебя раньше, чѣмъ ты предполагаешь!

Между тѣмъ въ лагерѣ араба царило сильное волненіе: десять человѣкъ изъ взятыхъ въ Соляныхъ деревняхъ плѣн-

ныхъ убѣжали, и вангваны рѣшили крѣпче заковывать своихъ рабовъ. До сихъ поръ ихъ сковывали по трое или по четверо, теперь-же молодыхъ невольниковъ, еще совсѣмъ юношей, соединяли по двадцати человѣкъ вмѣстѣ. У каждаго изъ нихъ было одѣто на шеѣ желѣзное кольцо, а черезъ кольца продѣта длинная желѣзная цѣпь толщиной въ канатъ отъ якоря. Такимъ образомъ, каждый изъ плѣнныхъ былъ въ полной зависимости отъ остальныхъ.

— Язычники, негодяи: — кричалъ на нихъ Абедъ. — Если хоть одинъ изъ васъ убѣжитъ, и другіе не помѣшаютъ ему въ этомъ, то я всѣхъ оставшихся запорю до смерти!

Затѣмъ неграмъ приказано было принести съ рѣки воды, и вся закованная въ цѣпи длинная вереница медленно спустилась къ берегу. Какъ тяжелы были ихъ шаги, и какъ звенѣли при каждомъ ихъ движеніи цѣпи! А они должны были носить свои оковы и днемъ, и ночью!

Другой отрядъ представлялъ еще болѣе раздирательную картину: это было пять точно такимъ-же образомъ скованныхъ другъ съ другомъ матерей, изъ которыхъ нѣкоторыя держали на рукахъ грудныхъ дѣтей, а другія вели за руку трехъ или четырехлѣтнихъ дѣтей.

А вотъ и третья группа: она состоитъ изъ мальчиковъ отъ шести до десяти лѣтъ. Они тоже закованы въ желѣзо: каждую дѣтскую ножку обхватываетъ желѣзное кольцо, и кромѣ того эти кольца прикрѣплены короткими цѣпями къ кольцу кругомъ туловища; закованныя такимъ образомъ по трое или по четверо, дѣти вяло и медленно бродятъ по лагерю, вмѣсто того, чтобы прыгать, какъ это свойственно ихъ возрасту.

Какъ-же велико число всѣхъ плѣнныхъ? Въ настоящую минуту ихъ больше пятисотъ. Многіе изъ нихъ больны, всѣ безъ исключенія исхудали и ослабли, и смерть пожинаетъ среди нихъ богатую жатву. Сколько изъ нихъ доберется живыми до берега, чтобы быть затѣмъ проданными и терпѣть, быть можетъ, еще большія мученія вдали отъ родины?

Многимъ-ли выпадетъ на долю счастье освободиться изъ рабства благодаря тому, что европейцы случайно нападутъ на арабское судно, которое повезетъ невольниковъ на какой-нибудь островъ за тысячу миль отъ ихъ родины?

А сколько деревень сжегъ Сагорро, чтобы добыть такую массу плѣнныхъ! Сто восемнадцать цвѣтущихъ мѣстечекъ превращено имъ въ теченіе послѣдняго похода въ кучу развалинъ и пепла, о чемъ свидѣтельствуетъ бѣлое знамя араба съ краснымъ полумѣсяцемъ. А сколькихъ людей онъ убилъ за этотъ хищническій походъ! Число ихъ такъ и останется неизвѣстнымъ, и тысячи труповъ гніютъ въ дремучихъ лѣсахъ этой темной части свѣта въ ожиданіи того времени, когда за нихъ будетъ отомщено.

Кто совершилъ столько позорныхъ дѣяній, тотъ не можетъ уже свернуть съ этого пути: онъ упалъ слишкомъ низко. Сегодня его отталкиваетъ еще отъ себя людоѣдство, но очень скоро онъ и съ этимъ свыкнется и станетъ задабривать дикарей, если будетъ въ нихъ нуждаться, тѣмъ, что самъ будетъ доставлять имъ человѣческое мясо!

Волны могучаго Конго могли-бы многое разсказать о тѣхъ ужасахъ, раздирающихъ душу сценахъ, которыя разыгрывались на берегахъ съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ появился арабъ-хищникъ,—и, быть можетъ, будутъ разыгрываться еще долго, пока этотъ кровожадный торговецъ невольниками не встрѣтитъ въ комъ-нибудь мужественнаго отпора!

XV. Бѣлая Борода въ плѣну.

Былъ полдень второго дня праздника Рождества. Въ той самой лодкѣ, которая употреблялась въ дѣло при поѣздкѣ въ Священную рощу, ѣхали вверхъ по Черной рѣкѣ Бѣлая Борода и Моари: имъ хотѣлось розыскать іаунговъ въ ихъ болотахъ около Соляныхъ деревень.

Оставался еще одинъ изгибъ рѣки, за которымъ можно

было уже увидѣть Соляныя деревни. До сихъ поръ въ лѣсу не было ни души: ни одного негра не видно было на берегу и ни одна лодка не разрѣзала тихой поверхности рѣки. Всѣ жители деревень, лежащихъ по устью рѣки, бѣжали въ деревню къ вождю Крокодилу, а кто могъ приплыть съ верховьевъ рѣки? Тамъ вся мѣстность была опустошена Абедомъ, такъ что Бѣлой Бородѣ и Моари приходилось теперь разыскивать прежнихъ обитателей этихъ мѣстъ въ непроходимыхъ болотахъ.

Но на послѣднемъ поворотѣ сильно извивающейся рѣки Бѣлая Борода увидѣлъ, къ своему удивленію, лодку, въ которой сидѣло нѣсколько человѣкъ, крайне удивленныхъ, въ свою очередь, внезапнымъ появленіемъ Бѣлой Бороды. Нѣкоторые изъ нихъ натянули уже луки и приготовились защищаться, ожидая немедленнаго нападенія со стороны этихъ незнакомыхъ людей; но Моари, тоже замѣтившій лодку негровъ, вскочилъ на ноги и громко крикнулъ:

— Миръ, миръ! это я, іаунги,—тотъ, который привелъ къ вамъ маленькую Питти! Миръ, миръ!

Кто хоть разъ въ жизни видѣлъ Моари, тотъ могъ-бы узнать его потомъ съ перваго-же взгляда на разстояніи ста шаговъ, такъ какъ, вѣроятно, на всемъ земномъ шарѣ не было второго человѣка, которому бы когти леопарда оставили на лбу такой отличительный знакъ.

По этой примѣтѣ узналъ его и одинъ изъ негровъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ, и приказалъ своимъ товарищамъ опустить оружіе. Онъ также крикнулъ:

— Миръ, миръ!—и пустилъ лодку по теченію.

— Ну, вождь,—сказалъ ему Моари,—я снова пришелъ къ вамъ. Мы сдѣлали то, чего ты желалъ: мы перебили многихъ вангвановъ и совѣтуемъ вамъ теперь выбраться изъ вашихъ жалкихъ болотъ и встать подъ защиту Бѣлой Бороды!

Лодки между тѣмъ поровнялись другъ съ другомъ, и вождь іаунговъ отвѣчалъ:

— Мы уже знаемъ объ этомъ. Пока вы убивали вангвановъ, нѣкоторые изъ нашихъ убѣжали къ намъ изъ лагеря Сагорро. Мы очень рады тому, что произошло. Вы дали мужественный отпоръ врагамъ, и теперь мы вѣримъ что вы наши истинные друзья и одинаково съ нами ненавидите этихъ разбойниковъ. Но скажите намъ, захватили-ли вы разбойничій лагерь, всѣхъ-ли вангвановъ убили и освободили-ли нашихъ братьевъ?

— Всѣхъ вангвановъ мы еще пока не убили!—быстро отвѣтилъ Моари, ни на минуту не задумываясь.—Они ушли на рѣку, а у насъ нѣтъ лодокъ. Но если только вы захотите, мы перебьемъ ихъ всѣхъ до одного человѣка и освободимъ всѣхъ вашихъ братьевъ, которые ходятъ тамъ закованными въ тяжелыя желѣзныя цѣпи. Дайте намъ только лодокъ для этого, и вы увидите, что мы можемъ сдѣлать.

— Отлично!—вскричали іаунги.—Мы дадимъ вамъ лодокъ, если онѣ нужны вамъ, и пойдемъ вмѣстѣ съ вами, чтобы помочь вамъ покончить съ вангванами и освободить изъ неволи нашихъ братьевъ. Но скажите, правда-ли это, что храмъ фетиша сожженъ?

— Сожженъ до тла, и всѣ знахари убиты!—возразилъ Моари.—Я видѣлъ это собственными глазами. И смотрите, самъ бѣлый человѣкъ приходитъ къ вамъ, чтобы вы узнали его и заключили съ нимъ дружбу. Слушайте, іаунги, негры съ Конго покинули свои деревни, и совсѣмъ близко къ намъ стоитъ большая деревня Пантеры со многими крѣпкими домами и прекрасными садами. Мы взяли ее, но не пожелали поселиться тамъ, такъ какъ думали, что можетъ быть вы захотите быть нашими сосѣдями и жить въ этой деревнѣ, гдѣ вамъ будетъ гораздо лучше, чѣмъ въ разрушенныхъ соляныхъ деревняхъ.

Отвѣтомъ было только возгласы удивленія, и Моари продолжалъ далѣе:

— Подумайте, іаунги, какъ добръ бѣлый человѣкъ: онъ хочетъ подарить вамъ страшныя огнестрѣльныя трубки, чтобы вамъ нечего было бояться болѣе вангвановъ. Такъ

проводите же насъ въ вашъ лагерь, чтобы мы могли сообща рѣшить, что намъ дѣлать.

Такъ велъ переговоры съ іаунгами умный отъ природы Моари и съумѣлъ расположить къ себѣ всѣ сердца, такъ что негры готовы были согласиться на всѣ его предложенія.

— Мы вернулись въ наши деревни,—сказалъ вождь,—и хотимъ ихъ снова отстроить. Но если у васъ есть для насъ готовая хорошая деревня и это не шутка, то пожалуй мы охотнѣе пойдемъ съ вами. Но это долженъ рѣшить совѣтъ старѣйшинъ!

— Идемте же съ нами и будемъ держать совѣтъ.

— Мы не отстанемъ отъ васъ,—отвѣчалъ Моари, и обѣ лодки поплыли почти рядомъ противъ теченія рѣки. Іаунги робко и съ удивленіемъ поглядывали на бѣлаго человѣка, о могуществѣ котораго уже много слышали и который пришелъ къ нимъ теперь въ качествѣ друга. Онъ казался имъ какимъ-то сверхестественнымъ существомъ.

— Друзья,—началъ Моари, когда собрались старѣйшіе изъ деревни и площадь первой Соляной деревни, такъ долго пустовавшая, наконецъ оживилась,—какъ понравилось вамъ тогда мясо нашего буйвола?

Негры улыбнулись, переглянувшись другъ съ другомъ, а Моари продолжалъ:

— Какъ видите, мы умѣемъ ловить буйволовъ, а также и убивать ихъ нашими страшными трубками, изъ которыхъ вылетаетъ огонь и дымъ. Хотѣли-бы вы всегда имѣть мясо буйволовъ?

Одобрительный шепотъ раздался со всѣхъ сторонъ.

— Вы будете его имѣть, если заключите дружбу съ бѣлымъ человѣкомъ, который самъ пришелъ къ вамъ для этого!

— Скажите намъ только, чего вы хотите!—вскричали іаунги.—Мы охотно обсудимъ это и согласимся на ваши предложенія, если то, что вы говорите—правда!

— Друзья,—проговорилъ Бѣлая Борода,—мнѣ нужно

пять лодокъ, чтобы я могъ преслѣдовать съ моими людьми вангвановъ. Затѣмъ мнѣ нужно, чтобы здоровые и сильные негры и негритянки поселились около моего города и обрабатывали мои поля, чтобы я могъ постоянно и правильно покупать у нихъ съѣстные припасы. Я буду имъ хорошо платить платками, бусами и мѣдными гвоздями. За каждую же лодку, которую я отъ васъ требую, я дамъ вамъ по двѣ огненныхъ трубки, чтобы вы могли убивать въ лѣсу буйволовъ.

— О, друзья!—вскричали негры.—Неужели же это правда, что огненными трубками можно убивать на мѣстѣ даже слоновъ?

— Вы сами это увидите, — отвѣтилъ Моари и сильно взмахнулъ своимъ ружьемъ, такъ что іаунги со страхомъ попятились назадъ.

— Друзья мои, хотите вы сдѣлать такъ, какъ я вамъ сказалъ?—спросилъ Бѣлая Борода.

— О, почему-бы нѣтъ?!—отвѣчали іаунги.—Мы все обсудимъ и придемъ къ вамъ завтра съ отвѣтомъ. А теперь мы васъ угостимъ!

Угощеніе состояло изъ довольно своеобразныхъ блюдъ: тутъ были крысы, гусеницы, маленькія птички, термиты, лѣсные грибы и всевозможные кислые на вкусъ плоды.

— Развѣ у васъ нѣтъ другой пищи, іаунги?—спросилъ Бѣлая Борода.

Іаунги печально покачали головой въ знакъ отрицанія.

— Тогда вамъ слѣдуетъ посмотрѣть, какъ можно добывать себѣ мясо помощью огненной трубки!—продолжалъ Бѣлая Борода. — Пускай ваши вожди отправятся со мной и Моари на охоту.

— О,—вскричали іаунги,—мы знаемъ, гдѣ водятся антилопы: на болотѣ есть одно мѣсто, гдѣ ихъ много; но онѣ такъ боязливы, что мы не можемъ убивать ихъ стрѣлами.

— Проведите насъ на это мѣсто! — сказалъ Бѣлая Борода.

Лихорадочное волненіе охватило іаунговъ. Скоро готово было нѣсколько лодокъ, и кромѣ вождей отправилось въ путь не мало и другихъ негровъ.

Бѣлая Борода сидѣлъ въ первой лодкѣ. Не прошло и четверти часа, какъ они выѣхали на то мѣсто, гдѣ рѣка Черная расширяется, дѣлаясь все мельче и мельче; по берегу, въ густыхъ камышахъ, сидѣли дикіе гуси. Бѣлая Борода велѣлъ остановить здѣсь лодку. Въ скоромъ времени изъ камыша вылетѣла цѣлая стая гусей, которые были въ этихъ мѣстахъ не такъ боязливы, какъ у насъ, потому что не были еще знакомы съ опасностью, которая можетъ угрожать отъ вооруженнаго ружьемъ человѣка. Бѣлая Борода спустилъ курокъ, и одинъ изъ гусей упалъ въ воду.

— Вотъ вамъ гусь на жаркое, берите его! — крикнулъ Бѣлая Борода іаунгамъ, которые вздрогнули отъ звука выстрѣла и онѣмѣли отъ удивленія, увидѣвъ, какъ птица упала съ высоты въ воду.

Гуся достали изъ воды, и онъ переходилъ съ рукъ на руки, причемъ негры съ удивленіемъ щупали и разсматривали раны, нанесенныя пулей въ голову и шею.

Выстрѣлъ спугнулъ остальныхъ птицъ и между прочимъ цаплю, пролетавшую въ это время надъ рѣкой. Бѣлая Борода воспользовался благопріятнымъ случаемъ и выстрѣлилъ вторично. Съ криками радости вытащили іаунги изъ воды цаплю, но ихъ ожидали еще новые сюрпризы.

Выстрѣлъ разбудилъ слона, спавшаго на берегу рѣки недалеко отъ лодки; огромное животное поднялось на ноги и стало разсматривать своими умными глазами тѣхъ дерзкихъ людей, которые осмѣлились нарушить его покой. Тогда Бѣлая Борода схватилъ ружье, заряженное остроконечными пулями, и спустилъ курокъ, чтобы поразить этого великана животнаго міра и тѣмъ лучше всего доказать дикарямъ силу огнестрѣльнаго оружія.

Раздался выстрѣлъ, и слонъ, поднявъ хоботъ, испустилъ жалобный крикъ, затѣмъ съ бѣшенствомъ ринулся впередъ, чтобы раздавить ранившихъ его людей. Тяжелые

шаги этого могучаго колосса поднимали высокія брызги воды, и іаунги выскочили изъ своихъ лодокъ, чтобы искать спасенія въ бѣгствѣ: они были увѣрены, что пришелъ ихъ конецъ. Но у Бѣлой Бороды готовъ уже былъ новый зарядъ, и вторая пуля размозжила слону черепъ. Слонъ покачнулся, и тогда Моари, оставшійся спокойно стоять около Бѣлой Бороды, протянулъ тому свой карабинъ. Послѣ третьяго выстрѣла раненое на смерть животное упало въ предсмертныхъ судорогахъ, поднявъ цѣлый столбъ водяныхъ брызгъ, обдавшихъ лодки.

Мало-по-малу испуганные іаунги возвращались на берегъ, не вѣря своимъ глазамъ при видѣ убитаго въ такое короткое время слона. Нельзя описать ихъ восторга, когда они наконецъ собственными глазами убѣдились въ такомъ необыкновенномъ успѣхѣ охоты.

Два часа спустя Бѣлая Борода сидѣлъ уже за чисто африканскимъ обѣдомъ: супъ изъ слоноваго хвоста, грудинка цапли и языкъ слона составляли меню раскошнаго угощенія. Въ лодкѣ-же Бѣлой Бороды лежали охотничьи трофеи—два огромныхъ слоновыхъ клыка. На этотъ пиръ явились и незваные гости: запахъ свѣжаго мяса привлекъ многихъ коршуновъ, выказывавшихъ удивительную смѣлость и дерзость. Маленькой Питти доставляло удовольствіе держать въ высоко поднятой рукѣ остатки мяса, и птицы брали отъ нея куски во время полета, не обнаруживая никакого страха передъ дѣвочкой, которая весело смѣялась, забавляясь этой новой игрой.

— И такъ, вы придете къ намъ завтра, іаунги?—спросилъ Бѣлая Борода, когда угощеніе было кончено и онъ собирался идти домой.

— О, да! Дай намъ только приготовить запасы изъ нашего мяса! Завтра-же мы придемъ къ тебѣ и скажемъ наше рѣшеніе!—вскричали въ отвѣтъ непомнившіе себя отъ радости негры и долго смотрѣли вслѣдъ удалявшейся отъ нихъ лодки, въ которой этотъ необыкновенный въ ихъ глазахъ бѣлый человѣкъ возвращался въ свой городъ.

— Что это за люди,—говорили они между собой,—которые не боятся въ военное время разъѣзжать вдвоемъ по рѣкѣ?! Правда, что если они такъ легко справляются со слонами, то имъ нечего бояться людей. — Но все-же намъ надо хорошенько обсудить это дѣло,—сказалъ одинъ изъ самыхъ старыхъ негровъ въ деревнѣ. — Военное счастье очень измѣнчиво, и сегодня одинъ побѣждаетъ, а завтра другой; не слѣдуетъ также забывать, что у вангвановъ есть страшное оружіе, извергающее огонь. Поэтому не будемъ спѣшить съ этимъ дѣломъ, чтобы какъ-нибудь не попасть въ просакъ.

* * *

На опушкѣ лѣса спутники, возвратившіеся изъ поѣздки къ іаунгамъ, разстались: Моари отправился въ саванны по лѣвому берегу рѣки Черной, чтобы осмотрѣть свои западни, Бѣлая-же Борода хотѣлъ вернуться въ лодкѣ въ Черный замокъ. Моари уже давно скрылся изъ виду, а Бѣлая Борода все еще всматривался въ береговые кусты, не покажется-ли какая-нибудь дичь, которую-бы онъ могъ подстрѣлить. И вдругъ изъ саваннъ выпорхнула стая цесарокъ и опустилась на лѣвомъ берегу рѣки, у самой опушки лѣса. Бѣлая Борода рѣшилъ добраться до нихъ и сталъ грести къ берегу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже тамъ, цесарки взлетѣли на воздухъ, и раздались одновременно два выстрѣла изъ обоихъ зарядовъ. Бѣлая Борода улыбнулся: двѣ цесарки упали на землю. Онъ хотѣлъ еще разъ зарядить ружье, какъ вдругъ услышалъ шорохъ въ кустахъ, отстоявшихъ отъ него не болѣе, какъ на три шага, и въ тоже мгновеніе на него выскочили четыре вангвана, схватили его и бросили на землю. Его попыткѣ сопротивляться скоро положенъ былъ конецъ, потому что одинъ изъ разбойниковъ крѣпко скрутилъ ему веревкой ноги. Наконецъ выскочилъ изъ кустовъ и пятый вангванъ и связалъ ему руки; Бѣлая Борода узналъ въ немъ Абеда, который не скрывалъ сильной радости при видѣ плѣнника.

— Наконецъ-то ты въ моихъ рукахъ, Бѣлая Борода!—

вскричалъ онъ съ дикимъ хохотомъ.—Защищайся-ка теперь, если можешь! На этотъ разъ ты не уйдешь отъ насъ, и мы сведемъ съ тобой наши счеты! Возьмите его живѣе и тащите въ лѣсъ!—обратился онъ къ своимъ спутникамъ.—Намъ надо скорѣй уходить отсюда, пока не явятся сюди эти собаки гауссы, привлеченные звукомъ выстрѣловъ. Тогда намъ можетъ быть плохо придется.

Вангваны не замедлили исполнить приказаніе и поволокли Бѣлую Бороду въ чащу лѣса; Абедъ-же поднялъ его ружье, разсматривалъ его нѣсколько секундъ и наконецъ прошепталъ:

— Первое ружье съ двумя зарядами! И такъ легко, безъ всякаго труда, досталось! Ну, Сагорро, завтра доберемся мы и до остальныхъ, и тогда никто ужъ больше не помѣшаетъ неграмъ справлять ихъ праздникъ въ Священной рощѣ. Можно будетъ заколоть и Бѣлую Бороду въ качествѣ очистительной жертвы. Негры охотно согласятся на это, потому что ненавидятъ его теперь не меньше насъ.

Онъ насмѣшливо засмѣялся и бросился догонять своихъ товарищей.

На опушкѣ лѣса снова сдѣлалось совершенно тихо; только спустя нѣкоторое время стали раздаваться птичьи голоса, и вспугнутая стая цесарокъ снова слетѣлась вмѣстѣ. Можетъ быть и въ ней также недоставало вождя?..

Четверть часа спустя Моари поспѣшно вернулся къ тому мѣсту, на которомъ оставилъ Бѣлую Бороду. Онъ слышалъ выстрѣлы и имъ овладѣло безпокойство, которое еще болѣе усилилось, когда онъ увидѣлъ, что лодка пуста.

— Бѣлая Борода! Бѣлая Борода!—сталъ онъ звать.

Никто не откликался; кругомъ царила полная тишина. Въ болотѣ у самаго берега замѣтилъ онъ свѣжіе слѣды ногъ. Онъ пошелъ по этимъ слѣдамъ, направляя свое зрѣніе, чтобы не потерять отпечатки ногъ среди травы, такъ какъ надвигались уже сумерки. Такъ дошелъ онъ до того, мѣста, гдѣ Бѣлая Борода былъ взятъ въ плѣнъ. Трава кругомъ была примята, и здѣсь валялись двѣ патронныя гильзы.

*

Значитъ, выстрѣлы происходили въ этомъ мѣстѣ. Моари пошелъ по слѣдамъ къ лѣсу и у самой опушки его нашелъ феску—бѣлую съ красной кистью: онъ хорошо зналъ эти фески, которыя носили вангваны Сагорро. Нужны-ли были еще какія-нибудь доказательства? Онъ зналъ теперь, что его господина схватили, и что онъ въ рукахъ безжалостныхъ вангвановъ.

Слѣды терялись въ лѣсу, и было уже слишкомъ темно, чтобы найти по нимъ дорогу. Тогда Моари сѣлъ на пень въ нѣмомъ отчаяніи.

— О, мой дорогой, прекрасный господинъ! О, бѣдный мой господинъ, спасшій мнѣ жизнь!—воскликнулъ онъ наконецъ, закрывая лицо руками.

Но вдругъ онъ вскочилъ. Неужели онъ будетъ сидѣть здѣсь сложа руки, когда его господинъ въ плѣну? Неужели не употребитъ усилій спасти его?—И онъ исчезъ въ густой чащѣ лѣса, чтобы попытать счастье и найти все-таки слѣды разбойниковъ, не смотря на надвигавшійся вечеръ.

XVI. Отравитель.

Сагорро сидѣлъ передъ своей палаткой. Ужинъ былъ приготовленъ сегодня съ особой заботливостью: подано было все, что только можно было достать въ окрестностяхъ, и что находилось въ запасахъ лагеря. Такъ, на блюдѣ дымилась баранина съ рисомъ, разведеннымъ молокомъ (разумѣется, козьимъ), жареная грудинка цапли, бананы во всевозможныхъ видахъ—свѣжіе и сушеные, горка термитовъ, сахарный тростникъ и кофе; все это было разложено на пальмовомъ коврикѣ передъ палаткой. Это роскошное угощеніе готовилось въ честь Абеда, такъ какъ онъ долженъ былъ отправляться на другой день къ рыбакамъ, жившимъ въ Веньи, и Сагорро давалъ ему прощальный вечеръ.

Огни въ лагерѣ были уже зажжены, а тотъ, въ честь кого устраивался этотъ праздникъ, все не возвращался.

— Ну,—сказалъ онъ сегодня послѣ обѣда, — мои вангваны напали на слѣдъ Бѣлой Бороды, и я помогу имъ схватить его.

Часы проходили, а Абеда все не было. Сагорро потерялъ наконецъ терпѣніе.

— Не случилось-ли ужъ съ нимъ какого нибудь несчастія,—пробормотглъ онъ.—Бѣлая Борода хорошо стрѣляетъ и не легко отдастся въ руки.

Эта мысль не покидала его, и чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ становился спокойнѣе; злорадная, дьявольская улыбка кривила углы его рта.

— Вѣдь я уже сказалъ ему, — шепталъ онъ, — что не возьму подъ свою защиту убійцу, если-бы Бѣлая Борода задумалъ наказывать его. Теперь-же, когда Черный замокъ сожженъ, Бѣлая Борода не станетъ съ нимъ великодушничать. Да и пора уже, а то мои вангваны не знаютъ, кого изъ насъ слушаться. Не думаетъ-ли онъ, что я легко отдамъ ему свою власть?

Вдругъ въ восточномъ концѣ лагеря появилось оживленіе, послышались громкія восклицанія, и толпа вангвановъ устремилась къ палаткѣ Сагорро.

Сагорро поднялся: очевидно, произошло что-нибудь необычайное. Быть можетъ пришла давно желанная вѣсть? Глаза Сагорро тщетно искали Абеда среди торопливо бѣжавшей и взволнованной толпы. Онъ глубоко вздохнулъ. Неужели его предположеніе подтвердится?...

Какъ только вангваны увидѣли его, они еще издали закричали, перебивая другъ друга.

— Сагорро! Сагорро! Абедъ возвращается! Абедъ взялъ въ плѣнъ Бѣлую Бороду! Онъ ведетъ его сюда, ведетъ связаннымъ!

И чернокожіе танцовали и прыгали отъ радости, точно дикія фуріи, кругомъ лагерныхъ костровъ.

Сагорро не вѣрилъ своимъ ушамъ; онъ думалъ, что ослышался. Но вангваны продолжали выкрикивать:

— Онъ тащитъ его связаннымъ, и скоро мы увидимъ

его! О, Абедъ храбрѣе всѣхъ! Вотъ что значитъ настоящій мужчина!

А одинъ изъ занзибарскмхъ негровъ всталъ передъ огнемъ и началъ импровизировать:

„О, пойте, пойте вы, друзья! Войны ужъ больше нѣтъ!
Воспойте Абеда: онъ овладѣлъ врагомъ!
Вы слышите-ли, слышите-ль, друзья? Въ оковахъ бѣлый человѣкъ!
Кто-жъ левъ, свершившій подвигъ этотъ? То Абедъ, нашъ герой!.

— То Абедъ, нашъ герой! — громко подхватила толпа, но Сагорро не принялъ участія въ этомъ восторженномъ пѣніи. Онъ мрачно смотрѣлъ передъ собой. И такъ его предположеніе не оправдалось. Въ это мгновеніе онъ не испытывалъ никакой радости по поводу взятія Бѣлой Бороды въ плѣнъ, хотя выгоды этого были огромны и превышали самыя смѣлыя надежды; онъ чувствовалъ одну только сильнѣйшую зависть и не могъ простить Абеду этого торжества. Слѣдующія строфы пѣсни Сагорро не слышалъ, и очнулся только, когда импровизирующій вангванъ всталъ прямо передъ нимъ и запѣлъ:

„Сагорро, слушай! Владѣлъ на половину
Ты волнами могучими рѣки,
Съ побѣдой-жъ Абеда сталъ полнымъ властелиномъ здѣсь.
Благодари-жъ за то, со всѣми нами вмѣстѣ, героя Абеда!“.

Между тѣмъ въ лагерѣ раздавались новые возгласы, послышались выстрѣлы: то были восторжественныя привѣтствія, которыми встрѣчали возвращавшагося Абеда. Со страшнымъ шумомъ приближалось къ палаткѣ Сагорро длинное шествіе. Сагорро уже видѣлъ теперь Бѣлую Бороду, который медленно шелъ съ поднятой вверхъ головой и со связанными за спиной руками, между тѣмъ, какъ Абедъ выступалъ рядомъ съ нимъ, держа въ правой рукѣ конецъ веревки, обвязанной кругомъ шеи плѣнника.

— Сагорро! вангваны! — воскликнулъ Абедъ. — Вотъ я веду къ вамъ прежняго страшнаго врага. Это тотъ, кото-

рый наводилъ на всѣхъ страхъ своимъ волшебнымъ оружіемъ. Теперь онъ не опаснѣе каждаго изъ тѣхъ жалкихъ рабовъ, что лежатъ тамъ, закованные вмѣстѣ, и пускай онъ знаетъ, что ему одна цѣна съ ними. Приведите сюда отрядъ плѣнныхъ изъ деревень по Моари: они боготворятъ его, какъ величайшаго вождя и чародѣя. Мы закуемъ его вмѣстѣ съ ними: пусть знаетъ, что значитъ сопротивляться вангванамъ. Пускай попробуетъ нашу власть! Ее узнаютъ и тѣ, кто, подобно собакѣ Моари, помышляютъ о бѣгствѣ! Но плохо имъ тогда придется!

Нѣсколько вангвановъ выскочило впередъ, чтобы привести невольниковъ съ береговъ Моари; но Сагорро сдвинулъ брови и властно произнесъ:

— Чего ты хочешь, Абедъ?

— Надѣюсь, ты позволишь мнѣ надѣть оковы на моего плѣнника, чтобы онъ не убѣжалъ?—упрямо замѣтилъ Абедъ. Или-же я долженъ развязать его и просить сѣсть за приготовленный ужинъ?

Вангваны разразились насмѣшливымъ хохотомъ, а Сагорро сталъ съ досады кусать себѣ губы.

— Ужинъ приготовленъ для тебя, Абедъ,—сказалъ онъ, сдерживая гнѣвъ,—вѣдь ты собирался завтра ѣхать. Теперь же мы привѣтствуемъ тебя, какъ великаго побѣдителя, еще гораздо горячѣе и будемъ чтить тебя сегодня, сколько только хватитъ у насъ силъ. Не правда-ли, вы согласны со мной, вангваны?—обратился онъ къ толпѣ.—Мы всѣ сядемъ, и Абедъ пускай разскажетъ намъ, какъ ему удалось совершить свой геройскій подвигъ.

Въ толпѣ послышались одобрительные возгласы.

— Но ужинъ долженъ быть сегодня торжественнѣе обыкновеннаго!—продолжалъ Сагорро.—Вѣдь мы празднуемъ величайшую побѣду, которой наконецъ добились. Врагъ, который казался почти непобѣдимымъ, теперь въ нашихъ рукахъ. Одного пальмоваго вина недостаточно: надо выставить и тѣ ящики съ огненной водой, которые мы похитили изъ Чернаго замка. Я такъ желаю, вангваны!

Въ толпѣ снова раздались одобренія, а Абедъ воскликнулъ:

— Сначала покончить съ этимъ бѣлымъ! Вотъ идутъ уже его друзья и товарищи по плѣну, участь которыхъ онъ будетъ съ этихъ поръ раздѣлять.

Дѣйствительно, отрядъ плѣнныхъ изъ двадцати человѣкъ, къ которымъ долженъ былъ быть прикованъ и Бѣлая Борода, приближался медленнымъ шагомъ. Онъ состоялъ изъ однихъ только негровъ съ рѣки Моари, знавшихъ Бѣлую Бороду при другихъ, болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ— еще тогда, когда они жили въ постоянномъ страхѣ быть растерзанными леопардами, но все-таки вели несравненно болѣе счастливое существованіе, чѣмъ теперь, такъ-какъ были свободны. Въ то время это были люди во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, теперь-же они походили на жалкія тѣни.

При насмѣшливомъ хохотѣ вангвановъ Бѣлую Бороду приковали цѣпью къ этой вереницѣ плѣнныхъ, и затѣмъ имъ отданъ былъ приказъ, приправленный, для большей назидательности, пинками и ударами, чтобы они отправлялись спать на свое обычное мѣсто въ лагерѣ.

— Покойной ночи!—насмѣшливо крикнулъ Абедъ Бѣлой Бородѣ, пуская въ ходъ тотъ крошечный запасъ англійскихъ словъ, который сохранился у него въ памяти послѣ ученія въ миссіонерской школѣ.

— Сагорро!—произнесъ вдругъ Бѣлая Борода, который до сихъ поръ не удостоивалъ отвѣчать на насмѣшки вангвановъ.—Кто господинъ этого отряда? Назови мнѣ его, потому что я хочу говорить съ нимъ.

Сагорро чувствовалъ насмѣшку въ этихъ словахъ, но сдержалъ себя и возразилъ:

— Молчи, рабъ и отвѣчай только тогда, когда тебя спросятъ!

Одобрительный шепотъ вангвановъ встрѣтилъ эти слова, и Бѣлая Борода долженъ былъ послѣдовать за своими двадцатью товарищами по несчастью. Они послушно направились къ своему обычному мѣсту въ лагерѣ, и двадцать пер-

вый не могъ конечно, остановить всѣхъ остальныхъ. Но звонъ цѣпей говорилъ Бѣлой Бородѣ еще яснѣе словъ Сагорро:

— Что ты хочешь дѣлать? Ты хочешь разубѣдить своихъ палачей, хочешь сказать имъ, что ты—Бѣлый, что ты человѣкъ, котораго безнаказанно нельзя заковать въ цѣпи? Ты хочешь сказать арабу, что это не пройдетъ для него безнаказанно, что съ запада явятся пароходы и отомстятъ за тебя? Да, если-бы ты стоялъ во главѣ вѣрныхъ своихъ товарищей, если-бы ты держалъ въ рукахъ ружье, а за тобой стояли-бы твои гауссы, вооруженные ружьями съ двойными зарядами, — о, тогда конечно, твои слова могли-бы имѣть значеніе; теперь-же они не болѣе, какъ пустой звукъ. Пароходы такъ далеко отсюда, твои гауссы лишились своего вождя, и ты только плѣнникъ, который долженъ гнуться подъ своимъ ярмомъ, какъ и тѣ двадцать жалкихъ невольниковъ, съ которыми ты закованъ одной цѣпью и раздѣляешь одну участь; ты долженъ покорно нести свой тяжелый крестъ, такъ какъ сопротивленіе не принесетъ тебѣ никакой пользы, а только доставитъ новыя униженія!

Съ такими мыслями шелъ Бѣлая Борода послѣднимъ въ отрядѣ плѣнныхъ, и когда остальные опустились на землю, онъ долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру.

Въ другой сторонѣ лагеря, передъ палаткой Сагорро, началось пиршество, около-же плѣнныхъ съ рѣки Моари столпились женщины вангвановъ. Онѣ притащили съ собой факелы и освѣтили лицо Бѣлой Бороды, чтобы хорошенько разсмотрѣть этого удивительнаго человѣка, о которомъ столько слышали.

— У него и все тѣло бѣлое?—спросила одна изъ женщинъ, а другая разорвала рубашку Бѣлой Бороды, чтобы посмотрѣть на бѣлую кожу его тѣла.

— Красная-ли у него кровь, какъ у насъ?—сказала одна вангванка и, чтобы убѣдиться въ этомъ, уколола его въ грудь иголкой и засмѣялась, когда на мѣстѣ укола показались красныя капельки крови.

Другія женщины повторили за ней эту жестокую продѣлку, а нѣкоторыя дергали его за бороду.

Какъ кипѣла кровь у Бѣлой Бороды! Онъ не могъ защищаться потому-что у него было не только желѣзное кольцо на шеѣ, но и руки его были связаны. А между тѣмъ уколы иголки могутъ быть иногда чувствительнѣе ранъ отъ кинжала или стальныхъ пуль. О, какую отраду можетъ въ сущности доставить пуля, убивающая человѣка наповалъ!

Что значитъ въ сравненіи съ этой мукой всѣ страхи и опасности, которымъ Бѣлая Борода подвергался до сихъ поръ въ чащѣ африканскихъ лѣсовъ? Укусъ ядовитой змѣи не казался ему такимъ болѣзненнымъ, какъ эти мелкіе и ничтожные уколы иголки; глаза разъяреннаго буйвола, бросающагося на него, никогда не были ему такъ непріятны и противны, какъ взглядъ этихъ безчеловѣчныхъ женщинъ. Онъ былъ въ совершенно беззащитномъ и безпомощномъ положеніи, въ полной власти этихъ дикарей! Какъ охотно помѣнялся-бы онъ судьбой съ Моари, когда тотъ находился въ когтяхъ леопарда! Тотъ испытывалъ тогда только физическія страданія, такъ какъ вѣдь леопардъ не издѣвается надъ своей жертвой, какъ озвѣрѣвшій человѣкъ; не изобрѣтаетъ для него мелкихъ нравственныхъ мукъ, которыя могутъ быть чувствительнѣе самой страшной пытки. Ему вспомнилась Тумба. Тогда, въ Священной рощѣ, она тоже отдана была во власть грубыхъ людей, но и ея положеніе было лучше, чѣмъ его. По крайней мѣрѣ впереди ожидала ее смерть, какъ избавительница отъ всякихъ мукъ, а онъ и на это не могъ пока надѣяться. Конечно, позже, черезъ нѣсколько дней или недѣль, смерть постигнетъ и его, это несомнѣнно; но теперь еще это не было его удѣломъ, и онъ долженъ былъ жить и страдать въ рукахъ араба, который очевидно хочетъ добиться отъ него чего-нибудь. Абедъ достаточно ясно намекалъ ему на это дорогой: — Отдай намъ свои ружья и патроны—и ты будешь свободенъ!

А если-бы даже Томъ и Майгазинъ-баки и пошли на эти условія сдѣлки, то и тогда его навѣрное не освободили-

бы изъ плѣна: тогда вангваны достигли-бы только своей желанной цѣли и захватили-бы въ плѣнъ и его вѣрныхъ товарищей; и вотъ всѣ они будутъ въ плѣну — и гауссы, и балубы, и Томъ съ Метой, а вождь Крокодилъ выстроитъ снова храмъ фетиша, для котораго у него будетъ теперь жертвъ закланія, сколько угодно; и снова обогатится храмъ слоновой костью, и опять Сагорро похититъ ее.—Но неужели-же не найдется человѣка, который сразитъ непобѣдимаго араба?

Вдругъ подошелъ къ нему одинъ изъ вангвановъ и сказалъ женщинамъ:

— Видите, женщины, бѣлые все равно, что дѣти: они не умѣютъ даже обороняться, а бросаютъ оружіе и отдаются въ плѣнъ, когда на нихъ нападаютъ. Бѣлые люди—настоящія бабы, и вы увидите еще преинтересное зрѣлище: бѣлый будетъ танцовать вмѣстѣ съ вакуссами!

Всѣ ушли гурьбой въ другую сторону. Бѣлая Борода остался одинъ со своими мрачными мыслями, которыя рисовали ему будущее въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ.

Передъ палаткой Сагорро шло веселье. Вангваны откупоривали бутылку за бутылкой и пили безъ разбору все, что только попадалось имъ подъ руку: за глоткомъ краснаго вина слѣдовалъ глотокъ жалкаго рома, который для Африки дѣлается очень низкаго сорта; затѣмъ это запивалось коньякомъ. Удивительный вкусъ имѣли всѣ эти напитки изъ виннаго погреба Бѣлой Бороды! Они не утоляли жажды, а только еще болѣе усиливали ее, такъ что приходилось утолять ее пальмовымъ виномъ, которое пили большими, медленными глотками. Сагорро не старался сдерживать своихъ людей; напротивъ того, онъ самъ откупоривалъ бутылки, между прочимъ — полдюжину шампанскаго, которое Бѣлая Борода приберегалъ на случай лихорадки для подкрѣпленія больныхъ и какъ прохладительный напитокъ. Наперекоръ всѣмъ магометанскимъ законамъ, онъ поднесъ чашку шампанскаго къ своему рту. Абедъ послѣдовалъ его примѣру.

— Какъ это славно освѣжаетъ и придаетъ бодрости!— вскричалъ Сагорро. Абедъ кивнулъ утвердительно головой и продолжалъ пить и слушать пѣсни вангвановъ, въ которыхъ онъ восхвалялся въ качествѣ героя дня. Его воспѣвали, какъ непобѣдимаго воина, и превозносили до небесъ.

Женщины тоже подошли ближе къ палаткѣ, и ихъ также угостили пальмовымъ виномъ, которое лилось рѣкой.

Какъ заботливо заготовилъ Сагорро этотъ напитокъ! Онъ велѣлъ доставить его изъ деревни Крокодила и съ сосѣднихъ островов по Конго, точно заранѣе предвидя, что придется праздновать великую побѣду. О, какъ онъ предусмотрителенъ и внимателенъ, этотъ Сагорро! Онъ самъ такъ часто прикладываетъ ко рту чашу и пьетъ за здоровье храбраго героя Абеда, но на него вино не оказываетъ, повидимому, никакого дѣйствія: глаза его смотрятъ ясно и не затуманиваются влагой. Онъ говоритъ совершенно увѣренно и если встаетъ, то идетъ твердой походкой. Онъ обманываетъ своихъ товарищей по кутежу и наливаетъ себѣ неполныя чаши, или-же выпиваетъ ихъ только до половины; его зоркіе глаза внимательно наблюдаютъ за пирующими; онъ самодовольно улыбается, видя, что вангваны начинаютъ пьянѣть.

Герой дня тоже не въ силахъ противиться общему настроенію и также обнаруживаетъ первые признаки опьяненія: онъ пьетъ шампанское чашу за чашей, которыя Сагорро наливаетъ ему самъ, и всегда полными до краевъ. И Абедъ все пьетъ и пьетъ. Почему-бы ему и не пить? Самъ Сагорро знаетъ, что шампанское очень вкусно. Да, Сагорро знаетъ это, а также и то, что послѣ этого вкуснаго, сладкаго напитка спится такъ славно, такимъ спокойнымъ и долгимъ сномъ.

Голоса вангвановъ охрипли отъ непрерывнаго пѣнія.

— Танцы! танцы!—раздаются крики.—Женщинъ и невольницъ сюда! Пусть танцуютъ онѣ передъ своимъ господиномъ, который желаетъ, чтобы вангваны вполнѣ наслаждались этимъ праздникомъ побѣды!

О, Бѣлая Борода! если бы въ эту минуту твои гауссы и балубы напали на часовыхъ и внезапно явились-бы среди вангвановъ, они разсѣяли бы ихъ, какъ пыль по вѣтру. Если бы они только знали, что будутъ имѣть дѣло не съ храбрыми вангванами, а съ горстью пьяныхъ людей, которые не помнятъ даже, куда побросали свое оружіе! Но твои гаусы не знаютъ, что ты здѣсь томишься въ плѣну, и все еще ждутъ вѣстей о тебѣ, которыя можетъ принести имъ только одинъ Моари. Они сидятъ на берегу рѣки Черной, балубы-же сторожатъ черной замокъ, и старая Тумба снова опьяняетъ себя куреніемъ и пророчествуетъ.

— Второй разъ Коссонго умираетъ, но опять вернется къ намъ изъ моря духовъ.

„Танцы, танцы“! Негритянки уже устали, такъ какъ уже давно наступила полночь, и, едва переводя дыханіе, убѣгаютъ, чтобы отдохнуть въ своихъ зеленыхъ хижинахъ. Ночь вступаетъ въ свои права, и даже темныя группы плѣнныхъ, смотрѣвшихъ до сихъ поръ на праздникъ изъ узловъ лагеря, начинаютъ дремать. Вотъ одинъ изъ нихъ закрываетъ свои усталые глаза; его примѣру слѣдуютъ одинъ за другимъ всѣ остальные, точно сонливость передается по желѣзной цѣли, связывающей ихъ всѣхъ. Единственная отрада ихъ—это сонъ. Быть можетъ, они увидятъ во снѣ радостные дни на своей далекой родинѣ, когда и они также могли танцовать! Быть можетъ, имъ почудится во снѣ, что они свободны и вернулись домой!

— Танцевъ! танцевъ! Вангваны требуютъ побольше зрѣлищъ.—Пускай вакуссы исполнятъ свой военный танецъ!

— Да, да, пусть вакуссы танцуютъ! Приведите ихъ сюда!

— Пусть такъ, друзья,—говоритъ Абедъ,—но и Бѣлая Борода долженъ принять участіе въ танцахъ! Посмотримъ, какъ будетъ танцовать бѣлый!

Это предложеніе встрѣчено шумными возгласами одобренія. Абедъ встаетъ и шатаясь, не твердой походкой идетъ къ лагерю вакуссовъ. Сагорро остается на мѣстѣ, но его огромные глаза не теряютъ изъ виду Абеда. Затѣмъ его

взоръ отпускается на пустую чашу Абеда, и лобъ его покрывается морщинами; но вдругъ мрачное лицо его проясняется, въ душѣ созрѣваетъ рѣшеніе, и онъ вытягиваетъ правую руку, которую до этого времени крѣпко прижималъ къ груди, пряча подъ одеждой. Онъ играетъ съ чашей, изъ которой Абедъ пилъ шампанское, только играетъ съ ней, ничего не всыпая туда. Затѣмъ беретъ бутылку съ шампанскимъ и наливаетъ полную чашу. Послѣ этого онъ сидитъ спокойно на своемъ мѣстѣ, только вздрагивая по временамъ, точно его знобитъ въ это ночное время. Онъ подноситъ ко рту свою чашу и осушаетъ ее однимъ духомъ; потомъ наполняетъ ее и снова осушаетъ, пока щеки его не краснѣютъ и глаза не загораются блескомъ.

Вангваны вернулись къ палаткѣ и вмѣстѣ съ ними шли вакуссы и Бѣлая Борода въ сопровожденіи Абеда. Закованные въ цѣпи плѣнники, похожіе больше на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей, медленно вошли въ свѣтлый кругъ, на который костры бросали свой яркій отблескъ; цѣпи ихъ глухо звенѣли при каждомъ движеніи. Вангваны разразились громкимъ насмѣшливымъ хохотомъ при видѣ этой жалкой кучки изможденныхъ людей, явившихся, казалось, изъ преисподней, гдѣ они были осуждены на вѣчныя муки.

— Снимите же имъ оковы!—закричалъ Сагорро.—Какъ же имъ иначе танцовать?—Да, снимите оковы! — повторилъ Абедъ.—Только Бѣлая Борода пускай стоитъ съ завязанными руками: онъ долженъ изображать плѣнника вакуссовъ.

— Ну, вакуссы, танцуйте хорошенько и надвигайтесь на плѣннаго, какъ можно ближе. Если хорошо исполните свое дѣло, то получите кувшинъ пальмоваго вина!

Вакуссовъ освободили отъ оковъ, дали имъ щиты и копья и вывели Бѣлую Бороду на середину круга. Абедъ снова усѣлся рядомъ съ Сагорро и сталъ жадно смотрѣть на военный танецъ.

Вакуссы размѣстились передъ Бѣлой Бородой, подняли вверхъ щиты и запѣли африканскую военную пѣсню. Затѣмъ

сдѣлали прыжокъ впередъ, точно желая напасть на врага, окружили Бѣлую Бороду и подняли свои копья, точно собираясь убить его. Но всѣ движенія ихъ были вялыя, безъ огня, и Абедъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой: это было совсѣмъ не то, чего ему хотѣлось.

— Эй, вы!—крикнулъ онъ.—Развѣ такъ танцуютъ? У васъ выходитъ ужъ очень безжизненно. Вы умѣете лучше танцовать. Постарайтесь-ка, и если я останусь доволенъ, то вы проспите ночь безъ цѣпей. И такъ, начинайте! Я держу свое слово! Помните, ночь безъ цѣпей.

Данное обѣщаніе, повидимому, подѣйствовало. Вакуссы переговорили что-то другъ съ другомъ и затѣмъ снова начали танецъ. Пѣніе ихъ принимало все болѣе дикій характеръ, движенія становились все быстрѣе, и они набрасывались на Бѣлую Бороду такъ бѣшено, что Абедъ пришелъ въ настоящій восторгъ.

— Отлично! Чудесно! —кричалъ онъ. —Ну, Бѣлая Борода, если негры изъ деревни Крокодила будутъ такимъ-же образомъ мстить тебѣ за своихъ убитыхъ братьевъ, то стоитъ посмотрѣть на это зрѣлище. Что, ты и тогда будешь стоять также спокойно? Придетъ-ли тогда второй Бѣлая Борода, чтобы спасти тебя, какъ ты спасъ Тумбу? Повѣрь, Бѣлая Борода, мы позаботимся на этотъ разъ о томъ, чтобы веселый праздникъ не былъ никѣмъ прерванъ и не кончился плачемъ по убитымъ.

— Плѣнные славно сдѣлали свое дѣло!—обратился онъ затѣмъ къ вангванамъ.

— Не надѣвайте-же имъ цѣпей на эту ночь! Сгоните ихъ въ пустой сарай, и пускай двое людей стерегутъ ихъ. Этого-же,—указалъ онъ на Бѣлую Бороду,—уведите къ моей палаткѣ:—пускай проведетъ ночь передъ моимъ домомъ, какъ собака, которая сторожитъ домъ хозяина.

Вангваны отправились исполнять его приказаніе, точно онъ былъ начальникомъ въ лагерѣ, и Сагорро не противорѣчилъ ему, а только крикнулъ нѣсколько разъ вангванамъ:

— Слушайте, братья, для конца праздника пропойте еще что нибудь въ честь Абеда!

Одинъ изъ вангвановъ выступилъ впередъ и спѣлъ импровизанцію въ честь Абеда, закончивъ ее припѣвомъ: „Многая лѣта Абеду!“—Многая лѣта Абеду!—подхватили воины Сагорро.

— Многая лѣта Абеду!—вскричалъ и Сагорро, выпивъ изъ чаши за здоровье Абеда.

— Многая лѣта моему другу!—повторилъ онъ и, показывая Абеду, что его чаша пуста, схватилъ бутылку, чтобы наполнить ее виномъ; держа бутылку на-готовѣ, онъ дожидался, чтобы Абедъ послѣдовалъ его приглашенію и выпилъ изъ своей чаши.

— Многая лѣта Абеду!—доносился припѣвъ, выкрикиваемый хриплыми пьяными голосами, и Абедъ приставилъ чашу къ губамъ. Сагорро отвернулся, но черезъ секунду быстро взглянулъ на него. Абедъ пилъ.—Прошла еще одна секунда, которая показалась Сагорро безконечно долгой и мучительной. Неужели онъ не допьетъ и выплеснетъ вино? Сердце Сагорро трепетало въ томительномъ ожиданіи.—Нѣтъ, вино было такъ сладко, такъ вкусно!

Абедъ выпилъ всю чашу до дна и когда въ его честь запѣли второй куплетъ пѣсни, Сагорро снова наполнилъ чаши.

— Да, живетъ много лѣтъ Абедъ!—снова раздался припѣвъ, и Сагорро на глазахъ у всѣхъ обнялъ своего друга.

Третій куплетъ начался и кончился.

— Да здравствуетъ Абедъ на многіе годы!—подхватилъ съ другими Сагорро и опустошилъ чашу за здоровье „храбраго героя Абеда!“

— Ну, теперь пора на отдыхъ, вангваны!—сказалъ онъ затѣмъ.—Эта ночь останется въ нашей памяти на вѣки. Абедъ долженъ самъ вписать завтра на знамя свою побѣду.

Онъ удалился въ свою палатку, и вангваны стали мало

по малу расходиться. Абедъ, шатаясь, нетвердыми шагами направился къ своей палаткѣ.

* * *

Абедъ, какъ помощникъ военачальника, помѣщался не вмѣстѣ съ простыми воинами, а отдѣльно; его зеленая хижина стояла у самаго берега Конго, въ тѣни могучихъ деревьевъ.

— Конго нравится мнѣ; онъ напоминаетъ мнѣ родину,— любилъ говоритъ этотъ уроженецъ Занзибара, и, чтобы свободнѣе было любоваться огромнымъ воднымъ пространствомъ, не хотѣлъ никого имѣть по сосѣдству. Хижины его невольниковъ и невольницъ стояли шагахъ въ двадцати отъ его жилья, дальше на берегу.

Абедъ подошелъ къ своему дому.

— Кто-же это лежитъ тутъ передъ моей дверью?—удивился онъ.—Или мнѣ чудится привидѣнія при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца оттого, что я выпилъ много вина? А!— вскричалъ онъ, вдругъ ударяя себѣ по лбу.—Вѣдь это онъ, мой плѣнникъ! придется перешагнуть черезъ него!

И онъ остановился передъ Бѣлой Бородой.

— Отлично!—сказалъ онъ.—Сторожи хорошенько домъ своего господина! Вѣрность—таже добродѣтель, и она идетъ тебѣ...

Онъ пробормоталъ еще нѣсколько невнятныхъ словъ и перешагнулъ черезъ Бѣлую Бороду въ свой домъ.

Да, это смѣлый и непобѣдимый Бѣлая Борода лежалъ здѣсь на порогѣ дома Абеда со связанными руками и ногами. Онъ глядѣлъ наверхъ, на небо, усѣянное мильонами яркихъ звѣздъ, кротко мигавшихъ ему съ высоты. Скоро-ли оно пошлетъ ему помощь, избавленіе отъ мукъ? Что ждетъ его завтра?..

Крики и пѣсни вангвановъ мало по малу стихали. Сонъ охватилъ, какъ усталыхъ невольниковъ, такъ и пировавшихъ вангвановъ. Одинъ только Бѣлая Борода не спалъ. У ногъ его шептались, набѣгая на берегъ, волны Конго. Что хотѣли онѣ разсказать ему? Онъ видалъ на своемъ вѣку

такъ много чужого горя и страданій, что муки Бѣлой Бороды были только ничтожной каплей въ этомъ морѣ людской юдоли. Когда нибудь онъ поѣхалъ бы по этимъ желто-бурымъ волнамъ къ морю духовъ, на свою родину... Но теперь его ждала другая судьба: его душа черезъ болѣе или менѣе короткое время вернется на великую родину всѣхъ людей, но онъ уже давно поручилъ свою душу Создателю. Только-бы это было скорѣе! Это было единственное, о чемъ онъ просилъ судьбу.

Онъ лежалъ такъ съ полчаса, какъ вдругъ ему послышался шорохъ въ травѣ. Онъ поднялъ голову. У него молніей мелькнула мысль, что онъ, лежа въ безпомощномъ положеніи на порогѣ своего врага, сдѣлается жертвой хищнаго звѣря. Вѣдь и здѣсь водились леопарды. Почему-бы одному изъ нихъ не подкрасться къ лагерю, чтобы поживиться добычей, какъ дѣлали это леопарды въ деревняхъ вакуссовъ? Тогда по крайней мѣрѣ сразу положенъ будетъ конецъ всѣмъ его мукамъ, всѣмъ униженіямъ!

Но онъ должно быть ошибся. Все кругомъ снова было тихо. Только въ своемъ домѣ опьянѣвшій Абедъ говорилъ самъ съ собой, произнося длинные монологи. Вотъ онъ шатаясь подошелъ къ двери. Блѣдный свѣтъ мѣсяца упалъ на его лицо, казавшееся страшно искаженнымъ. Бѣлая Борода не вѣрилъ своимъ глазамъ: ему казалось, что оно выражаетъ смертельный ужасъ.

— Сагорро, Сагорро!—бормоталъ Абедъ.—Напитокъ такъ хорошъ, такъ сладокъ на вкусъ! Мирамбо стоилъ онъ жизни, старый знахарь погибъ отъ него... Сагорро, неужели это возможно? Сагорро! А какъ-же... „Многая лѣта Абеду! Да живетъ онъ долгіе, долгіе годы!“ Ты пѣлъ это, ты выкрикивалъ это, обнимая меня, и вдругъ... О, да, ты хотѣлъ этого, Сагорро! Но отчего-же такъ рано, зачѣмъ же теперь, такъ скоро? Къ чему-же было такъ спѣшить, чортъ возьми? Всегда ты такъ медлителенъ въ твоихъ рѣшеніяхъ, такъ долго собираешься!—О, сердце мое... грудь разрывается... душно мнѣ... воздуху не хватаетъ!..

Онъ облокотился о косякъ двери и замолкъ, задыхаясь и испуская стоны. Бѣлая Борода всматривался въ его искаженное страданіями лицо, неясно виднѣвшееся при лунномъ свѣтѣ. Слова, произнесенныя Абедомъ, его короткія, отрывистыя фразы были очень знаменательны: смыслъ ихъ былъ такъ ужасенъ и трагиченъ, что Бѣлая Борода невольно содрогнулся отъ холоднаго ужаса, охватившаго его душу.

Черезъ нѣсколько минутъ Абедъ оправился. Онъ обтеръ себѣ лобъ рукой и снова заговорилъ:

— О, этотъ потъ! Этотъ разъ было хуже... Если еще наступитъ такой припадокъ... Сагорро, отравитель! Неужели ты никого не боишься? О, я еще проживу! Но раньше, чѣмъ я испущу послѣдній вздохъ, я покончу съ тобой, предатель!

Онъ дѣлалъ, видимо, усилія сдѣлать шагъ впередъ, но ноги отказывались ему служить.

— Развѣ я скованъ?—вскричалъ онъ со стономъ.—Ну, такъ я доберусь до тебя ползкомъ, если не могу идти! Но я хочу видѣть тебя передъ смертью, я покончу съ тобой! У меня еще хватитъ на это силъ!

Онъ тяжело опустился на колѣни и хотѣлъ ползти на четверенькахъ. Вдругъ онъ наткнулся на Бѣлую Бороду. Голова его наклонилась надъ лицомъ связаннаго плѣнника, и глаза неподвижно, съ удивленіемъ уставились на него.

— Бѣлый, бѣлый!—шепталъ онъ.—Ты—бѣлый и у тебя сѣдая борода, какъ у того человѣка, что разсказывалъ мнѣ про великое Существо, живущее тамъ наверху... А, ты бѣлый... тебя ядъ не можетъ убить, ты знаешь противоядія... О, ты Бѣлая Борода, ты можешь спасти меня... Спаси меня!

Плѣнникъ ничего не отвѣтилъ. Невыразимое ощущеніе, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета, еще крѣпче сдавило его горло, чѣмъ веревки, которыми были скручены его руки и ноги.

Абедъ прохрипѣлъ:

— Ты не хочешь? Я освобожу тебя... Подари мнѣ только жизнь, и я дамъ тебѣ свободу... Вангваны, развяжите ему веревки... Ножъ сюда... Освободите моего спасителя... О!..

Больше онъ не могъ говорить; дыханіе спиралось у него въ груди. Онъ упалъ на бокъ, Бѣлая Борода не могъ больше видѣть его лица, и только слышалъ около себя хрипѣніе.

— Бѣлая Борода, вставай-же... Развѣ у тебя нѣтъ нож... чтобы перерѣзать веревки... Вотъ тамъ... около моей постели... тамъ лежитъ... Вставай-же... скорѣе... вставай... помоги... помоги... О!..

Абедъ смолкъ. Онъ еще хрипѣлъ нѣсколько секундъ, затѣмъ неслышно стало и хрипѣнія. Мертвая тишина кругомъ нарушалась только плескомъ волнъ могучаго Конго. Вся кровь сбѣжала съ лица Бѣлой Бороды, и только спустя нѣкоторое время нашелъ онъ въ себѣ мужество повернуть голову въ ту сторону, гдѣ лежалъ Абедъ. О, какъ близко отъ него лежала въ травѣ эта страшная голова негра, точно всматриваясь въ него своими широко открытыми стеклянными глазами, въ которыхъ застылъ смертельный ужасъ и страданіе.

— Многая лѣта Абеду!—казалось, звучало еще въ ушахъ Бѣлой Бороды, такъ какъ онъ самъ слышалъ этотъ повторявшійся много разъ припѣвъ. О, арабъ — хищникъ, Корсаръ-пустыни, ты умѣешь быстро расчищать себѣ путь! Все, что только стоитъ на твоей дорогѣ, ты сметаешь прочь, какъ негодный соръ! Ты хочешь властвовать одинъ, не раздѣляя ни съ кѣмъ власти!

Надъ высокими деревьями, возвышавшимися по берегу Конго, прокричалъ своимъ пронзительнымъ, ужаснымъ голосомъ водяной орелъ. Подожди, нетерпѣливый, скоро начнетъ свѣтать, тогда ты можешь осмотрѣться изъ своего гнѣзда и увидѣть, какъ лежатъ на берегу Конго мертвые рядомъ съ живыми!

На востокѣ протянулась бѣлая полоса свѣта, предвѣстница разсвѣта. Полчаса прошло уже съ того момента, какъ сердце Абеда перестало биться.

Вдругъ въ травѣ снова послышался шорохъ, тихое, едва слышное шуршаніе. Но Бѣлая Борода закрылъ глаза и не

приподнималъ усталой головы: онъ не хотѣлъ видѣть ночныхъ ужасовъ.

Изъ сосѣдняго куста безшумно выползла темная фигура; поднявъ голову, она прислушалась, оглядѣлась кругомъ, походя своими движеніями на дикую кошку. Затѣмъ вышла изъ тѣни куста на лунный свѣтъ, падавшій между вѣтвями деревьевъ на лугъ передъ хижиной Абеда. Теперь Бѣлая Борода могъ-бы различить, что это былъ негръ, державшій между двумя рядами ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ ножъ, сверкавшій при лунномъ свѣтѣ. Лицо его было страшно, а лобъ пересѣкался огромнымъ шрамомъ, какъ отъ ожога. Такимъ обыкновенно рисуютъ художники чорта, приходящаго за душами преступниковъ. Этотъ черный человѣкъ подползъ къ Бѣлой Бородѣ, сѣлъ на корточки и взялъ ножъ въ правую руку.

— Бѣлая Борода! — тихонько шепнулъ онъ. — Это я, Моари. Лежи тихо! Я тебя спасу!

Бѣлая Борода думалъ, что видитъ и слышитъ все это во снѣ. Онъ открылъ глаза, взглянулъ въ лицо своему вѣрному слугѣ и все еще не вѣрилъ, что это происходитъ на яву. Ему казалось, что онъ грезитъ, хотя онъ и чувствовалъ, что Моари перерѣзалъ его веревки. Вотъ ноги уже свободны; теперь онъ можетъ двигать и руками... Великій Боже, неужели же это не сонъ, а дѣйствительность? Неужели онъ на свободѣ и можетъ уйти, убѣжать отсюда?

Моари, все еще стоя на колѣняхъ и съ своимъ острымъ ножомъ въ правой рукѣ, всматривается въ мертвое лицо Абеда. Затѣмъ онъ встаетъ и дѣлаетъ знакъ Бѣлой Бородѣ, чтобы тотъ послѣдовалъ его примѣру, но Бѣлая Борода еще не можетъ приподняться съ земли, не можетъ пошевелить ни однимъ членомъ, такъ затекли они отъ туго стянутыхъ веревокъ. Тогда Моари беретъ его на руки, какъ маленькаго ребенка, и быстрымъ, увѣреннымъ шагомъ неслышно крадется со своей ношей къ берегу, гдѣ стоятъ три маленькія лодки. Онъ кладетъ въ одну изъ нихъ спасеннаго имъ человѣка, хватаетъ весло, сильно отталкиваетъ челнокъ да-

леко отъ берега и плыветъ по теченію могучаго Конго, на которомъ уже начинаетъ подниматься туманъ предвѣщающій наступленіе утра. Онъ гребетъ изо всѣхъ силъ, пока не исчезаетъ въ туманѣ лагерь араба и не показывается противоположный берегъ; и только тогда бросаетъ весло и пускаетъ лодку по теченію.

XVII. Въ лабиринтѣ острововъ.

Ниже впаденія рѣки Черной, Конго омывалъ цѣлое царство цвѣтущихъ острововъ, сильно разливаясь въ этомъ мѣстѣ и раздѣляясь на безчисленные рукава, извивавшіеся по всевозможнымъ направленіямъ между зелеными островками. Эти острова, сплошь покрытые роскошной растительностью, были такъ хороши среди глубокой, безмятежной тишины, царствовавшей въ этомъ земномъ раю. Теперь они высоко поднимались надъ водой, у самаго берега обнажились даже песчаныя мели, но во время приливовъ ихъ сплошь заливало водой, и ихъ можно было отличить только по верхушкамъ деревьевъ, высовывавшимся изъ воды. Вотъ почему эти острова оставались незаселенными, и только время отъ времени наѣзжали сюда въ лодкахъ негры ради рыбной ловли.

День, наступившій послѣ той ужасной ночи въ лагерѣ Сагорро, былъ чудесный и солнечный и птицы, свившія себѣ гнѣзда на островахъ, громко пѣли и щебетали на всѣ лады, сверкая въ яркихъ лучахъ солнца своими блестящими перьями. Но вдругъ онѣ цѣлыми стаями взлетѣли на воздухъ: къ одному изъ острововъ приблизилась легкая лодочка, изъ которой вышли на мелкій берегъ двое людей. Оба бѣглеца, ищущіе себѣ пріюта на этихъ забытыхъ міромъ островахъ, знакомы намъ; они искали здѣсь одиночества и успокоенія послѣ всѣхъ жизненныхъ передрягъ, послѣ насилія грубыхъ и дикихъ людей. Они выглядѣли усталыми и измученными: нѣсколько послѣднихъ часовъ тя-

желыхъ и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношенiи, наложили на ихъ лицо глубокiй отпечатокъ.—Покой, покой! Вотъ единственное желанiе, которое у нихъ осталось. Покой! Добрая мать! Развѣ можно желать большей идилліи, чѣмъ этотъ уголокъ? Гдѣ найдете вы болѣе тихую рощу, еще не оскверненную присутствiемъ человѣка? Изумруднымъ ковромъ устланъ островъ и зеленый сводъ изъ вѣтвей раскинутъ надъ нимъ. Идите сюда! Протяните свои усталые члены на этомъ ложѣ, войдите подъ эту мирную кровлю. Сквозь вѣтви деревьевъ пробираются лучи солнца; они высушатъ ваши платья, согрѣютъ ваши окоченѣвшiе отъ ночной сырости члены. Покой, покой! Сама природа посылаетъ его вамъ здѣсь, гдѣ царитъ такая глубокая, такая благоговѣйная тишина, какую врядъ-ли можно найти гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ!

Но несмотря на эту мертвую тишину бѣглецы безпокойно идутъ дальше. Они похожи на оленей, которыхъ собаки гнали на протяженiи многихъ миль; они бѣжали, переправляясь черезъ ручьи и рѣчки, черезъ кусты и камни, по горамъ и долинамъ, — и имъ удалось убѣжать отъ своихъ преслѣдователей; но сердца бѣглецовъ еще сильно бьются, они дышутъ часто и неспокойно; лѣсъ кружится передъ ихъ глазами, а въ ушахъ еще раздается лай собакъ; воспоминанiе объ опасности со всѣми ея ужасами еще такъ живо въ памяти, и, какъ ни тихо въ лѣсу, они вздрагиваютъ отъ воображаемаго шороха.

Тоже испытывали Бѣлая Борода и Моари на тихомъ островѣ и страдали еще сильнѣе, чѣмъ загнанные олени, такъ какъ ихъ неотступно преслѣдовали мрачныя мысли и заботы—какъ о своей собственной судьбѣ, такъ и о судьбѣ ихъ товарищей.

Мужественные и вѣрные товарищи ихъ въ Черномъ замкѣ, готовые на все, ради Бѣлой Бороды, не знали о несчастiи, постигшемъ ихъ господина, и о спасенiи его смѣлымъ Моари, который съ процентами отблагодарилъ своего бывшаго спасителя жизни. Они, вѣроятно, до поздней

ночи ждали его возвращенія. Затѣмъ ими овладѣло должно быть безпокойство, страхъ, дурныя предчувствія, и они бросились искать его въ лѣсу; всѣ поиски ихъ были безуспѣшны. А когда въ Черный замокъ пришли іаунги, какъ объяснились они другъ съ другомъ? Неужели Томъ и Майгазинъ-баки подумали, что тѣ убили ихъ господина и Моари, и отомстили за нихъ невиннымъ іаунгамъ? А Сагорро, этотъ торговецъ невольниками и отравитель, можетъ-быть, онъ шелъ теперь на Черный замокъ, чтобы разбить солдатъ, оставшихся безъ предводителя? Какъ тяжело и опасно было теперь положеніе Чернаго замка! И какими несчастными чувствовали себя бѣглецы!

Дивная природа этихъ цвѣтущихъ, улыбающихся острововъ, эта мечтательная лѣсная тишь простирали имъ свои объятія, но это не были объятія любящей матери: острова доставляли безчисленнымъ стаямъ птицъ обильную пищу, но не могли утолить голодъ людей, такъ-какъ не имѣли никакихъ плодовъ. Только желтобурый Конго, увлажнявшій почву острова, сжалился, казалось, надъ ними: онъ усыпалъ всю береговую мель безчисленными раковинами и точно приглашалъ голодныхъ путниковъ сѣсть за приготовленный для нихъ завтракъ.

Когда они вскрывали устрицы единственнымъ оружіемъ, которое у нихъ было, — ножомъ Моари, имъ ясно представилась вся безпомощность ихъ положенія. Что значитъ на твоихъ желтыхъ волнахъ, могучій Конго, — бѣлый, у котораго нѣтъ грознаго оружія, чтобы держать въ страхѣ хищныхъ негровъ, живущихъ на твоихъ берегахъ? Что можетъ сдѣлать онъ безъ сильнаго подкрѣпленія, безъ большихъ запасовъ разнаго товара, безъ платковъ, бусъ и мѣдныхъ гвоздей?

Если-бы у него даже было огнестрѣльное оружіе и храбрые товарищи, но онъ былъ-бы бѣденъ, то и тогда онъ могъ-бы умереть съ голоду у воротъ самаго богатаго города, если не предпочтетъ грабить. Теперь-же, безъ оружія и друзей, что было дѣлать Бѣлой Бородѣ и Моари, такимъ

одинокимъ и безпомощнымъ? Ну, что-же, если ужъ такова его судьба, онъ умретъ, и величавый Конго далеко унесетъ его трупъ, куда отнесъ уже безчисленные трупы негровъ убитыхъ врагами на его берегахъ.

— Моари,—сказалъ Бѣлая Борода.—Здѣсь намъ нельзя оставаться!

Негръ утвердительно кивнулъ головой.

— Теперь отдохнемъ!—проговорилъ онъ.—Засни, Бѣлая Борода, а вечеромъ мы отправимся въ путь: быть можетъ, намъ удастся добраться до Чернаго замка. Намъ угрожаетъ смерть и тамъ, но лучше умереть отъ пуль вангвановъ, чѣмъ погибнуть здѣсь медленной голодной смертью. Спи спокойно, Бѣлая Борода, а я спрячу лодку въ тростникахъ и буду сторожить. Быть можетъ, вангваны ищутъ насъ!

Солнце поднялось уже довольно высоко, но на берегу зеленаго острова не видно было слѣдовъ человѣческой жизни. Лодка спрятана была въ камышѣ, и въ тѣни рощи дремалъ Бѣлая Борода, между тѣмъ какъ вѣрный Моари сидѣлъ недалеко отъ него и всматривался въ безчисленныя развѣтвленія Конго, пробивавшія себѣ дорогу къ морю среди зеленыхъ острововъ. Гдѣ витали теперь его мысли? — Онъ еще разъ мысленно переживалъ событія ужасной ночи.

Недалеко отъ лагеря Сагорро, Моари догналъ Абеда и, слѣдуя за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, былъ свидѣтелемъ дикаго восторга, съ какимъ вангваны привѣтствовали плѣннаго. Кому могла придти въ голову мысль о немъ, кто повѣрилъ-бы, что нашелся безумецъ, осмѣлившійся одинъ пробраться темною ночью въ лагерь своего врага?

— Онъ спасъ меня изъ когтей леопарда!—сказалъ самъ себѣ Моари.—Моя жизнь принадлежитъ ему!

И онъ исполнилъ свое смѣлое рѣшеніе.

Темнота ночи и то, что всѣ вангваны перепились, были ему очень на руку и сослужили большую службу. Сидя на высокомъ деревѣ вблизи хижины Абеда, онъ видѣлъ все, что происходило въ лагерѣ, и тогда-же составилъ свой планъ спасенія.

— Жаль только, что я бросилъ ружье въ лѣсу передъ лагеремъ!—подумалъ онъ теперь.—Къ чему мнѣ теперь мои четыре патрона?!

Но затѣмъ онъ улыбнулся, схватилъ одну изъ раковинъ, открылъ ее и, раскусивъ одинъ изъ патроновъ, посыпалъ порохомъ устрицу и съѣлъ ее. Потомъ кивнулъ головой въ знакъ удовольствія и поглядѣлъ на своего спящаго господина. Какъ-бы тотъ удивился, еслибы онъ предложилъ ему за ужиномъ такое оригинальное кушанье, какъ „устрицы съ порохомъ“! Да, африканское обѣденное меню очень разнообразно!

Наступилъ вечеръ, и на часть острова, гдѣ рано утромъ игралъ яркій солнечный свѣтъ, легли теперь темныя тѣни. Но другіе острова, лежащіе напротивъ, еще блестѣли въ золотыхъ лучахъ заходящаго солнца.

Бѣглецы перемѣнились ролями: теперь спалъ Моари, а Бѣлая Борода бодрствовалъ около своего вѣрнаго товарища.

Тихо и безлюдно было на многочисленныхъ рукавахъ Конго: никто, очевидно, не пустился за ними въ погоню. Вѣроятно, Сагорро думалъ, что его бывшій плѣнникъ скрывается въ Черномъ замкѣ, и это поддерживало въ Бѣлой Бородѣ надежду на то, что ему удастся добраться до своихъ товарищей.

Моари проснулся и лежалъ нѣкоторое время съ широко открытыми глазами, глядя на верхушки деревьевъ, раскачивавшіяся надъ его головой. Вдругъ онъ быстро скочилъ на ноги и воскликнулъ:

— Нашелъ! Теперь я знаю, какъ намъ спастись! Путь не близкій, но зато вѣрный. Держась праваго берега Конго, мы минуемъ лагерь араба и высадимся на берегъ, чтобы, сдѣлавъ большой крюкъ, добраться до Соляныхъ деревень. Іаунги—наши друзья. Еслу даже мы отдохнемъ въ дорогѣ два часа, то и въ такомъ случаѣ доберемся до Соляныхъ деревень сейчасъ послѣ разсвѣта, а я не могу заблудиться въ этомъ лѣсу, потому что хорошо знаю его. Тогда мы вернемся въ Черный замокъ не одни, а съ нашими друзьями.

Право, это самый вѣрный путь, Бѣлая Борода, такъ какъ на рѣкѣ Черной насъ, навѣрное, увидятъ, а вѣдь не можемъ-же мы поочереди ссужать другъ друга моимъ ножемъ въ борьбѣ съ непріятелемъ!

— Я самъ думалъ какъ разъ объ этомъ единственномъ способѣ спастись!—возразилъ Бѣлая Борода.—Всякій другой путь опаснѣе.

— Ну, такъ ѣдемъ-же! — вскричалъ Моари. — Хорошо было-бы съ послѣдняго острова окинуть взглядомъ устье Черной и лагерь Сагорро, пока еще не зашло солнце. Меня тянетъ въ лѣсъ; тамъ есть и грибы, и термиты, и гусеницы, тамъ можно хоть голодъ-то по крайней мѣрѣ утолить, такъ какъ эти устрицы, не смотря на приправу ввидѣ пороха все-же слишкомъ водянисты. Теперь, послѣ того какъ я выспался, хочется-таки чего-нибудь поѣсть!

Бѣлая Борода взглянулъ на Моари, который, несмотря на печальное положеніе, въ которомъ находился, былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа: онъ все еще радовался тому, что удалось освободить своего господина.

— Бѣлая Борода,—вскричалъ онъ.—Еще одно! Если мы придемъ въ Черный замокъ съ іаунгами, то отомстимъ арабу и уничтожимъ это чудовище. Ты видѣлъ двадцать вакуссовъ, Бѣлая Борода; все это братья мои, и они жаждутъ вырваться на свободу. Они сдѣлаются самыми вѣрными твоими слугами. Повѣрь мнѣ! И въ военное время они тоже помогутъ тебѣ. Развѣ ихъ военный танецъ не былъ чудеснымъ? Бѣлая Борода, ты самъ знаешь теперь, какъ тяжело носить желѣзныя цѣпи, какъ тягостно, когда всѣ двадцать человѣкъ, скованныхъ вмѣстѣ, зависятъ другъ отъ друга въ каждомъ своемъ движеніи. Неужели-же, Бѣлая Борода, вакуссы останутся еще невольниками, когда мы съ тобой гуляемъ на свободѣ?

— Идемъ, другъ Моари! — вскричалъ Бѣлая Борода.— Я освобожу всѣхъ этихъ несчастныхъ, какъ ты освободилъ меня! Я хочу этого, Моари, такъ какъ знаю по соб-

собственному опыту, какъ тяжела желѣзная цѣпь рабства! И такъ, въ путь!

Челнокъ снова закачался на волнахъ Конго, и гребцы стали переѣзжать съ одного острова на другой. Тщательно изслѣдовали они каждый изгибъ рѣки и не встрѣтили, на свое счастье, ни одной лодки. Даже рыбаковъ не было видно. И въ этомъ не было ничего удивительнаго: слухъ о войнѣ на берегахъ Черной долженъ былъ далеко распространиться по окрестностямъ. Мѣстные жители всѣхъ деревень шумно радовались тому, что страшныя ружья бѣлаго и араба начали, наконецъ, соперничество другъ съ другомъ. Самое завѣтное ихъ желанiе, наконецъ, исполнилось, но они еще боялись выступить на театръ войны. Они хотѣли еще обождать, кто окажется побѣдителемъ; для себя-же желали они одного, чтобы всѣ чужеземцы погибли во взаимной враждѣ другъ съ другомъ. Негры были обмануты въ своихъ ожиданiяхъ: Бѣлая Борода былъ, повидимому, ихъ другомъ, и вдругъ пришло извѣстiе, что онъ сжегъ ихъ храмъ и убилъ вождей. Что могли знать негры о причинахъ этой войны? Въ данный моментъ Бѣлая Борода представлялся имъ не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ арабы, убивающiе негровъ или продающiе ихъ въ рабство. Вотъ почему мѣстное населенiе избѣгало близко подходить къ берегамъ Черной, и лодка Бѣлой Бороды могла спокойно переѣзжать съ острова на островъ, не боясь встрѣтить кого нибудь.

— Скоро будетъ уже послѣднiй островъ!—сказалъ Моари, который умѣлъ орiентироваться въ этомъ лабиринтѣ и указалъ на маленькiй островокъ. За нимъ открывается широкiй видъ на Конго, такъ что можно будетъ окинуть взглядомъ деревню Крокодила и лагерь араба.

Онъ повернулъ лодку къ этому острову, но вдругъ сталъ прислушиваться.

— Что это за звуки, Бѣлая Борода?—спросилъ онъ съ удивленiемъ.

Но Бѣлая Борода ничего не слыхалъ.

— Да, да!—продолжалъ Моари.—Должно быть, это бо-

рются вдали бегемоты, но только плескъ слишкомъ правильный.

Онъ усердно заработалъ веслами.

— Развѣ ты до сихъ поръ ничего не слышишь, Бѣлая Борода? — спросилъ онъ, когда они уже причалили къ острову.

— Похоже на то, точно тяжелый молотъ ударяетъ за много миль о раскаленное до красна желѣзо наковальни.

Бѣлая Борода прислушался. Теперь и ему казалось, что онъ слышитъ какіе-то звуки, доносящіеся издалека, но затѣмъ все снова стихло, такъ что даже Моари успокоился. Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Что это были за звуки? То не было фырканье или сопѣнье, не было похоже ни на удары молота, ни на завываніе вѣтра. Ни человѣкъ, ни животное не могли производить этихъ звуковъ, но они не доносились и съ неба.

— Те-те-ту-те-ту!—доносилась издалека, и даже Моари, несмотря на всю свою храбрость, началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Онъ взглянулъ на Бѣлую Бороду. Тотъ также слышалъ этотъ отдаленный шумъ, и каждый звукъ, доходившій до его слуха, заставлялъ сильнѣе биться сердце въ его груди. О, этотъ шумъ былъ для него небесной музыкой, восторженнымъ гимномъ, проносящимся надъ тихимъ лабиринтомъ острововъ! Моари замѣтилъ радость на лицѣ своего господина и вскричалъ:

— О, скажи скорѣй, не волшебныя-ли это чары?

Но Бѣлая Борода не отвѣчаетъ, хотя Моари на этотъ разъ отгадалъ. Онъ внимательно слушаетъ эти звуки, чтобы удостовѣриться, что онъ не ошибся, что это дѣйствительно появился на Конго, спустя долгое время, великій волшебникъ-пароходъ и совершенно неожиданно приноситъ ему помощь.

Наконецъ-то, показывается, ныряя между островами, удивительное, величавое сооруженіе, изъ трубъ котораго вылетаютъ облака дыма.

— Мы спасены! — вырываетсм у Бѣлой Бороды, и онъ бросается на шею къ своему другу. — Идемъ скорѣе, выѣдемъ на встрѣчу пароходу, а то иначе онъ проѣдетъ мимо, не замѣтивъ насъ!

Но Моари стоитъ на берегу, точно оцѣпенѣвъ отъ ужаса, и такъ какъ страшный пароходъ приближается все больше и больше, то онъ бросается наконецъ на землю и издаетъ стоны полнѣйшаго отчаянія. Никакія силы въ мірѣ не могли-бы его теперь заставить выѣхать на встрѣчу этому чудовищу.

— Развѣ ты хочешь здѣсь остаться, чтобы пришелъ Сагорро и убилъ тебя?—старается уговорить своего товарища Бѣлая Борода. — Развѣ ты не хочешь пойти со мной къ моимъ друзьямъ, которые дадутъ намъ оружіе и накормятъ насъ?

Но ни просьбы, ни приказан!я не помогаютъ, и Бѣлая Борода не желаетъ напрасно тратить время. Онъ хватаетъ безъ церемоніи негра и силой тащитъ его въ лодку; затѣмъ гребетъ по направленію къ пароходу, дѣлаетъ знаки и зоветъ.—Пароходъ мѣняетъ курсъ: съ борта увидѣли бѣглецовъ!

* * *

Четверть часа спустя Моари сидитъ на корточкахъ въ углу палубы парохода. Съ трепетомъ смотритъ онъ на чудовище, которое пожираетъ огромныя полѣнья, изрыгаетъ клубы дыма и пара, и непрерывно стонетъ и гудитъ.

Бѣлая Борода узнаетъ между тѣмъ важныя извѣстія. — Широкій Конго уже не дикая, никому не принадлежащая рѣка: на берегахъ его основано государство Конго, и эти привѣтливые, любезные господа—чиновники въ этомъ государствѣ, которые и здѣсь также основываютъ станціи, а тѣмъ, которыя стояли здѣсь и раньше, оказываютъ помощь. Съ полнымъ участіемъ освѣдомляются они о судьбѣ Чернаго замка и обѣщаютъ помощь. Да, теперь можно будетъ насаждать культуру въ сердцѣ этой темной и дикой части свѣта!

Молодое государство будетъ хорошимъ противовѣсомъ противъ арабовъ на своихъ восточныхъ границахъ!

И радостно беретъ Бѣлая Борода предлагаемый ему стаканъ вина и выпиваетъ за здоровье того прекраснаго человѣка, который включилъ Конго въ міръ цивилизованныхъ людей — за здоровье Леопольда Второго, короля Бельгіи и главы государства Конго, къ подданнымъ котораго будетъ причисленъ съ этой минуты и Бѣлая Борода.

Сагорро и его вангваны уже утромъ послѣ той ужасной ночи покинули лагерь и уѣхали на своихъ длинныхъ челнокахъ вверхъ по Конго; негры съ береговъ Конго послѣдовали за ними, и такимъ образомъ окрестности Чернаго замка очистились отъ враждебно-настроенныхъ сосѣдей. На берегу-же, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ лагерь араба, стояли густыми толпами іаунги и дождались грандіознаго зрѣлища — отъѣзда парохода, который хотѣлъ ѣхать еще дальше, до водопадовъ Стэнли, т. е. до границы, выше которой Конго перестаетъ быть судоходнымъ. Въ сторонѣ отъ другихъ стоялъ Моари и держалъ за руку маленькую Питти.

— Не бойся,—говорилъ онъ,—это пароходъ, который мы съ Бѣлой Бородой привели сюда, чтобы прогнать вангановъ. Смотри, теперь онъ сейчасъ отчалитъ отъ берега.

Раздался пронзительный свистокъ, и оба вздрогнули,— какъ маленькая Питти, такъ и большой храбрый Моари; но онъ сейчатъ-же овладѣлъ собой и засмѣялся, что было силы, чтобы скрыть собственный страхъ.

— Не бойся!—внушалъ онъ маленькой Питти.—Смотри, я тоже не боюсь! Гляди, какъ вода высоко поднимается брызгами, какъ вздымается кверху бѣлый паръ. Жаль, что пароходъ такъ скоро уходитъ отъ насъ! И видишь, у этихъ людей наше знамя—голубое знамя съ золотой звѣздой.

Еще долго смотрѣли іауги на рѣдкое зрѣлище и стояли на берегу долго спустя послѣ того, какъ пароходъ скрылся за цѣлью зеленыхъ острововъ; затѣмъ они поплыли на челнокахъ на свою новую родину.

Моари не шутилъ этотъ разъ, когда видѣлся и бесѣдовалъ съ іаунгами: у Бѣлой Бороды была для нихъ готовая деревня, въ которую тѣ могли хоть сейчасъ переѣхать. И они, дѣйствительно, поселились въ покинутой деревнѣ Пантеры, какъ вассалы Чернаго замка, который, точно птица фениксъ, возродился въ обновленномъ видѣ изъ пепла, въ который былъ обращенъ.

Но маленькая Питти не ушла съ іаунгами въ ихъ новую деревню, а отправилась съ Моари въ Черный замокъ; она уже не принадлежала больше къ племени іаунговъ, какъ и Мета—къ племени балубовъ: Моари купилъ у іаунговъ, согласно ихъ обычаямъ и переговоривъ предварительно съ Бѣлой Бородой, ту дичь, которую онъ когда-то нашелъ въ своей западнѣ для буйволовъ, и воспитаніе дѣвочки поручено было Метѣ. У Моари была своя хижина и свой клочекъ поля, и онъ сдѣлался осѣдлымъ гражданиномъ государства Конго, такъ-что могъ теперь обзавестись и женой. Въ скоромъ времени должна была состояться и свадьба. Балубы изъ Чернаго замка тоже высмотрѣли себѣ нѣсколькихъ дѣвушекъ изъ племени іаунговъ, и такъ породнились между собой мало по малу вакуссы, балубы и іаунги. Всѣ радовались этому, и только одна Тумба вздыхала и печалилась: благодаря этому смѣшенію народовъ балубы потеряли свою самостоятельность, обычаи ихъ стали понемногу предаваться забвенію и куреніе конопли изъ общей трубки было оставлено.

— И онъ допускаетъ все это!—говорила она себѣ. — А между тѣмъ онъ—нашъ Коссонго и долженъ знать права и обычаи балубовъ. Правда, и то сказать, — прибавляла она послѣ нѣкотораго размышленія,—онъ, вѣрно, объ всемъ забылъ въ морѣ Духовъ!

И она отправлялась къ берегу рѣки, чтобы позаботиться о своихъ крокодилахъ. Теперь въ странѣ было совсѣмъ мирно и спокойно, и никто не долженъ былъ дрожать за свою жизнь въ окрестностяхъ Чернаго замка.

Бѣлая Борода добился своей цѣли.

XVIII. Сагорро.

Саванны по берегамъ рѣки Моари снова лежатъ голыя и выжженныя; снова движутся по нимъ, крутя, мрачные столбы изъ пепла, похожіе на привидѣнія, и жалобно завываетъ вѣтеръ, напѣвая печальную пѣсню.

И снова тянется черезъ саванны караванъ. Знамя, развѣвающееся впереди, разорвалось и потемнѣло отъ времени; едва можно различить красный полумѣсяцъ на бѣломъ фонѣ, и напрасны были-бы усилія прочесть разсказы о побѣдахъ, которые были когда-то написаны здѣсь.

Слова этихъ великихъ дѣяній такъ быстро блѣднѣетъ со временемъ! Вѣтеръ и дождь смываютъ надписи втеченіе одного года. Это знамя не произведетъ никакого эффекта въ Ніангве, и будутъ только насмѣхаться надъ нимъ. Арабы станутъ кричать:

— Какъ прилежно ты писалъ, Сагорро! Правда, масса названій деревень, которыхъ мы не знаемъ, и многіе побѣды, про которыя ты написалъ здѣсь, вызываютъ удивленіе. Но гдѣ-же плоды этихъ побѣдъ, Сагорро? Гдѣ-же слоновая кость изъ храмовъ, гдѣ невольники изъ преданныхъ огню деревень? Неужели вся страна между Ніангве и шумными волнами Конго такъ бѣдна? Приди-же сюда, Сагорро, ты, который хотѣлъ сравнивать себя съ Типпу-Тибомъ; разскажи намъ о своихъ геройскихъ подвигахъ и выпей при этомъ хорошенько для храбрости, чтобы легче было фантазировать и сочинять небылицы. А сосчиталъ-ли ты проценты, которые требуетъ отъ тебя твой кредиторъ? У тебя не нашлось среди многихъ битвъ времени заняться этимъ дѣломъ! Такъ послушай-же, какъ выросъ теперь твой счетъ. Мы всѣ отлично знаемъ его: Типпу-Тибъ привезъ его съ собой изъ Занзибара. Посчитай-ка, Сагорро! А гдѣ-же твой вѣрный другъ Абедъ? Почему онъ не заботится о твоихъ дѣлахъ? „Бѣлый волшебникъ убилъ его“! Ахъ, Сагорро, разскажи намъ эту страшную сказку!

Назойливыя мрачныя мысли! Онѣ оживляютъ въ памяти Сагорро прошлое, то, что онъ испыталъ въ послѣдніе мѣсяцы съ той ужасной ночи на берегу Конго.

— Если-бы только Абедъ былъ живъ! — говорили вангваны, когда на нихъ напали негры и они, всегда остававшіеся прежде побѣдителями, должны были отступить.

Если-бы нашъ Абедъ былъ живъ, плѣнные не убѣгали-бы у насъ такъ часто: онъ умѣлъ держать людей въ строгости. При немъ былъ порядокъ!

Разбойники горевали по умершемъ, точно онъ былъ ихъ военачальникъ. Сагорро чувствовалъ себя внутренно уязвленнымъ и униженнымъ этимъ, но молчалъ, потому что ему не оставалось ничго другого, какъ молчать.

У него сохранилась по крайней мѣрѣ хоть слоновая кость; но однажды арріергардъ отсталъ отъ каравана, и подъ утро явилось двое вангвановъ съ извѣстіемъ, что на арріергардъ напали негры и похитили слоновую кость! Это былъ самый чувствительный ударъ, потому что Сагорро потерялъ половину всей слоновой кости и теперь долженъ былъ вернуться въ Ніангве бѣднякомъ. Тѣнь Абеда преслѣдовала его шагъ за шагомъ. Быть можетъ, то была месть неба?

— Сагорро! — услышалъ онъ голосъ ѣхавшаго рядомъ съ нимъ вангвана. — Не здѣсь-ли мы встрѣтили тогда караванъ проклятаго бѣлаго чародѣя, погубившаго нашего Абеда?

Сагорро не отвѣтилъ. Абедъ, всегда Абедъ! Люди его только и говорили, что объ этомъ ненавистномъ негрѣ, который не брезгалъ обдѣлывать общія дѣла даже съ людоѣдами!

— Оставьте-же въ покоѣ этого негодяя! — думалъ онъ про себя.— Онъ получилъ по заслугамъ!

Къ каравану приблизился развѣдчикъ.

— Сагорро,—сказалъ онъ,—вакуссы не обстроились на старомъ мѣстѣ: оно стоитъ пустое и поросло сорной травой. Намъ придется расположиться лагеремъ на томъ-же холмѣ,

на которомъ мы останавливались тотъ разъ, когда шли позади Бѣлой Бороды.

— Гм! Такъ мы попадемъ въ самыя лапы леопардовъ!— вскричалъ другой вангванъ.

— Будемъ идти тѣснымъ строемъ!—вмѣшался третій.— Иначе эти хищные звѣри оставятъ у насъ на лбу такой же слѣдъ, какъ у этого чорта Моари.

— Пускай бьютъ барабаны, чтобы леопарды обратились въ бѣгство!—закричалъ четвертый.

— Ни за какія сокровища не стану я рыскать по лѣсу!— сказалъ еще одинъ вангванъ.

— Въ немъ могутъ и скрываться негры!

— Молчать!—крикнулъ Сагорро. — Я первый войду въ лѣсъ. Трусость—плохое украшеніе для мужчины.

— О, Сагорро, такъ многіе изъ насъ погибли уже!— возразилъ ему одинъ изъ вангвановъ. — Сосчитай-ка насъ. Насъ всего двадцать пять, а изъ пятисотъ плѣнныхъ едва-ли осталось и восемьдесятъ.

Вчера въ ночь убѣжали послѣдніе вакуссы, и надо быть осторожнымъ!—говорилъ другой.

— Пусть храбрые идутъ впередъ! — сказали остальные вангваны.

— О, трусы!—вскричалъ одинъ, желавшій, чтобы его причислили къ храбрымъ. — Развѣ вы не знаете, что глупые негры нападаютъ только на открытыхъ мѣстахъ? Въ лѣсу всего безопаснѣе. Да и какъ можно сражаться среди такого густого кустарника? Тогда вакуссамъ пришлось-бы обратиться въ обезьянъ, чтобы стрѣлять въ насъ съ высокихъ деревьевъ! Но вѣдь это только шутка! Мы могли-бы тогда застрѣлить ихъ, какъ попугаевъ. Но лѣсъ уже близко. Бейте-же въ барабаны, чтобы испугать леопардовъ! — И онъ мало по малу отсталъ, пропустивъ товарищей впередъ.

Мрачный и непривѣтливый лѣсъ стоялъ черной стѣной. Ветераны Сагорро пошли медленнѣе.

Понятно, что послѣ многихъ битвъ, въ которыхъ прини-

мали участіе вангваны, остались въ живыхъ тѣ, которые умѣли лучше другихъ оставаться позади и отличались большей легкостью ногъ, такъ что смѣло могли-бы быть рекомендованы, какъ скороходы.

Раздался бой барабановъ.

Сагорро бросилъ презрительный взглядъ на своихъ солдатъ и по узкой тропинкѣ вошелъ въ лѣсъ. Что было дѣлать вангванамъ? Оставаться навсегда въ этихъ пустынныхъ саваннахъ? Одинъ за другимъ набирались они мужества и шли за своимъ вождемъ, и подъ звуки барабаннаго боя подвигались впередъ жалкіе остатки нѣкогда грозной разбойничьей арміи. Проходить черезъ африканскіе лѣса — это не легкое дѣло, такъ какъ на каждомъ шагу встрѣчаются препятствія. Вотъ ручей пересѣкаетъ лѣсъ; онъ не широкъ, но кто знаетъ его глубину? Не придется-ли строить моста въ этой лѣсной глуши?

Сагорро изслѣдуетъ дорогу. Ему непріятно въ этомъ дремучемъ лѣсу: эти вѣчныя зеленыя сумерки, насыщенный влагой воздухъ, эта роса, падающая крупными каплями... все живо напоминаетъ ему лѣса по берегамъ Конго, гдѣ онъ пережилъ такъ много вмѣстѣ съ Абедомъ, гдѣ они клялись въ взаимной дружбѣ; это напоминаетъ тѣ лѣса, гдѣ росли деревья, изъ коры которыхъ Сагорро приготовилъ свою чудесную жидкость. И здѣсь, въ этомъ мрачномъ лѣсу, тоже растутъ эти деревья, которыя одни только и были виной всего его несчастія, такъ-какъ погубили Абеда. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе выбраться изъ этого лѣса, уйти отъ этой непріятной полутемноты, въ которой ему было жутко.

— Строить мостъ? Вздоръ! Зачѣмъ терять время?

И Сагорро прыгаетъ въ воду. Высоко поднявъ оружіе, плыветъ онъ на другой берегъ. На серединѣ ручья вода только по грудь. И такъ, впередъ, вангваны, впередъ, рабы, за вашимъ господиномъ—онъ стоитъ уже на противоположномъ берегу. Одинъ за другимъ входятъ воины въ воду; вотъ половина ихъ уже около Сагорро. Онъ торопитъ остальных

ныхъ, кричитъ:—Вангваны... —И вдругъ умолкаетъ и хватается правой рукой за грудь, гдѣ чувствуетъ боль: это вонзилась въ тѣло стрѣла, и кровь обагрила его бѣлую одежду.

Крики раздаются на обоихъ берегахъ ручья, и сыплется градъ стрѣлъ—сверху, справа, слѣва. Это вакуссы дѣлаютъ нападеніе на своего врага въ лѣсу; они уже не такъ глупы, чтобы подставлять себя въ открытомъ мѣстѣ подъ пули вангвановъ.

Сагорро поднимаетъ ружье, но глаза его тщетно ищутъ врага: только на секунду показывается здѣсь или тамъ рука или голова и затѣмъ сейчасъ же скрывается. Врагъ остается въ засадѣ. Сагорро стрѣляетъ на удачу, вангваны слѣдуютъ его примѣру. Двадцать шесть выстрѣловъ гулко отдаются въ лѣсу съ такой силой, которая должна была-бы испугать всѣхъ негровъ на земномъ шарѣ. Но вакуссы не обращаются въ бѣгство. Сыплется новый дождь стрѣлъ, и повидимому лучшіе стрѣлки мѣтятъ въ Сагорро, потому что ему приходится вынимать стрѣлы изъ бедра, изъ плечъ... Вангваны разбѣгаются, и самъ Сагорро поворачивается спиной къ своему врагу. Его отрядъ разсѣялся. Онъ бѣжитъ съ половиной воиновъ къ деревнямъ вакуссовъ, а остальные вангваны убѣгаютъ назадъ въ саванны. Но прежде, чѣмъ ему удается скрыться изъ виду непріятеля, четвертая стрѣла попадаетъ ему въ спину, и вмѣстѣ съ болью онъ чувствуетъ на этотъ разъ, что его сердце бьется такъ, точно готово выпрыгнуть изъ груди, а ноги отказываются служить. Онъ шатается, падаетъ, и дыханіе спирается у него въ груди. Потомъ онъ оправляется, но только для того, чтобы ясно сознать, что вакуссы смочили свои стрѣлы ядомъ. И этотъ ядъ — отъ тѣхъ-же самыхъ деревьевъ, на которыя онъ не могъ сегодня смотрѣть безъ содроганія. Ядъ дѣйствуетъ быстрѣе, если онъ свѣжій и попалъ въ самую кровь. Сагорро отлично знаетъ это. Глаза его съ отчаяніемъ смотрятъ кругомъ. Но надъ нимъ наклоняется только дикое лицо вакусса, и въ то-же время начинается новый — и послѣдній припадокъ.

— Абедъ, Абедъ!—зоветъ онъ и падаетъ безъ чувствъ, чтобы никогда болѣе не просыпаться.

* * *

Толпа воиновъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, окружила тѣло Сагорро.

— Вотъ онъ,—сказалъ вождь,—тотъ желтолицый, который обманулъ насъ и предалъ огню нашу деревню, а людей нашихъ убилъ или взялъ въ неволю. Вотъ онъ, назвавшiй себя братомъ бѣлаго! Вакуссы, мы отомстили за себя этому человѣку, который былъ хуже кровожадныхъ леопардовъ. Оттащите его за границу нашей земли, такъ-какъ этотъ хищникъ не стоитъ того, чтобы найти въ ней свой послѣднiй покой!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ГЛАВА		СТР.
I.	Воскресшiй изъ моря Духовъ	3
II.	Во власти леопардовъ	17
III.	Военное знамя Сагорро	34
IV.	Черный замокъ	38
V.	Негръ со шрамомъ на лбу	49
VI.	Арабъ въ роли друга	58
VII.	Маленькая Питти	68
VIII.	Трагическая смерть Молукко	77
IX.	Лживый знахарь	83
X.	Тайна Священной рощи	91
XI.	Передъ битвой	99
XII.	Святая ночь	110
XIII.	Разрушенiе Чернаго замка	124
XIV.	Въ лагерѣ торговца невольниками	133
XV.	Бѣлая Борода въ плѣну	139
XVI.	Отравитель	148
XVII.	Въ лабиринтѣ острововъ	166
XVIII.	Сагорро	177